Максим Сабайтис
Головолом

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выгодный контракт, от которого нельзя отказаться. Карлу Карлсону, профессиональному головолому, умеющему взламывать женскую прошивку, приходится ехать ночью на городскую свалку.

Дело пахнет неприятностями, но это еще цветочки. Как бы не дошло до войны корпораций, поскольку на кону ни много ни мало — бессмертие личности.

Как же хорошо, что никто до этой ночи не знал о том, что скрывают Флора Найтингейл и преступник номер один, таинственный и неуловимый Сильвер! Как же было бы хорошо, чтобы никто не узнал об этом с восходом солнца.

- Максим Сабайтис
  - 00
  - 01
  - 02
  - 03
  - 04
  - 05
  - 06
  - 07
  - 08
  - 09
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81

Максим Сабайтис
Головолом

00

Под заунывный скрип ветряка в аккомпанементе дождевых капель, стучавших по проржавевшей крыше хочется изобрести что-нибудь смертоносное, какую-нибудь штуку вроде атомной бомбы, только стократ хуже, чтобы мир посмотрел на это изобретение и синхронным жестом потянулся к полочке с успокоительным.

Вместо этого Карлсон сидит на потертой синтетической циновке с надписью «Стерильно» по периметру, а на его коленях старенький ноутбук фирмы «Itaka».

За спиной у Карлсона тихо гудит шкаф-распределитель, внутрь которого от ноутбука отходит сразу несколько проводов.

Вместо чертежей смертоносного изобретения по виртуальному экрану, видимому только владельцу устройства, бегает старина-пэкмэн, жрет что-то похожее на таблетки и время от времени попадается всяким копам. Руки Карлсона дергаются рефлекторно, без участия головного мозга, увлеченно работающего на холостых оборотах. Пэкменом движет голод, жадность и команды, подающиеся на ноут через персональный чип со стандартным затылочным разъемом.

Количество заработанных очков, будучи переведено в евроценты, может обогатить небольшую североамериканскую страну.

В наушниках бегает по кругу одна и та же песня на фарси, известная Карлсону под названием «track one». Мозги разгружаются капитально, в серую кашицу, в слизь, обязанную вытечь через те же уши, но пробки наушников, которые защита от внешних шумов, поскольку звуки тоже идут прямиком в мозг, удерживают эту мозговую кашу в пределах черепной коробки.

Возле правого колена ютится консервная банка из-под натурального сока. На дне банки сиротливо дымится плохо потушенная самокрутка с орлеанским мутантом, ведущим происхождение от табака.

Вечное настоящее, которое продолжалось без малого вечность. Правильнее сказать продолжается, потому что вечность — это растянутое почище бубль гума настоящее, гигантский мыльный пузырь, который надувается прошлым и вечно лопается где-то в будущем.

Пэкмен проходит через вереницу реинкарнаций, обретает и теряет подлинное дао, а что-то неясное и тревожное несчетное количество раз навещает правый карман Карлсона. А затем время как-то синхронизируется с маховиком, с падающими каплями и

бегающим по экрану колобком-наркоманом. И наступает капут вечности, кромешный целокупный физдец.

Это произошло внезапно, как в фильме, внезапно снятом с паузы. Только что Карлсон пребывал в пятицентовом варианте нирваны и вот он уже робко пытался думать, а руки, неожиданно ставшие тяжелыми неуклюже оттоптались по сенсорной клавиатуре. Перманентное настоящее сопротивляется, но смертное время, воплощение смертной тоски и хтонической депрессии уже взялось за ритмичную нарезку остатков жизни, тик за таком.

В жизнерадостный голос из «track one» вмешалась дисгармония, Карлсон безжалостно подставил пэкмэна в попытке определить, в чем же тут дело.

Сбросив одержимость прожорливым шариком, охочим до таблеток, правая рука залезла в карман. Одноразовая мобила была вытащена и приближена к глазам еще до того, как Карлсон самостоятельно осознал, что дисгармония в самой мелодии вызова.

Рука умнее человека, чуть отстраненно подумал Карлсон и сбросил наушники на пол. Ему было бы смешно, если бы не тоскливое опустошение, вызванное то ли погодой, то ли отходняком от наркотика.

— Идиот! Что ты делаешь?

В этом месте время окончательно сообразило куда идти, настоящее, скопившееся возле Карлсона начинает медленно утекать куда-то в канализацию прошлого. В нос ударила насквозь химическая вонь от непотушенного окурка.

Голос в трубке показался знакомым, а потому Карлсон решил отвечать лаконично и предельно честно.

— Голову ломаю.

В трубке на какое-то время замолчали, затем нерешительно поинтересовались: — Перезвонить?

— Нет.

Рука легла нажать на сброс, но Карлсон уже пришел в себя и подавил неосознанный порыв. Звонок из внешнего мира мог означать работу, работа приносила деньги, деньги запускали механизм протяжки этой цепочки на самое начало, когда на все можно положить колоссальных размеров болт и остановить фармакологическим образом ход времени. Карл не чувствовал себя готовым к новому циклу работы над собой.

— Сломал?

Звонивший когда-то заканчивал высшее учебное заведение. ходил на службу в большую компанию и еще иногда помнил, как завязывать галстук в соответствии с корпоративными правилами.

А потом вычистил этот кусок биографии из своей жизни, потому как нельзя быть таким умным и спрашивать о том, о чем нельзя спрашивать по телефону.

— Голову сломал? — секунду спустя нетерпеливо переспросил голос в трубке. — Если еще нет, спускайся с небес на землю. Жду тебя на Подмостках, через четверть часа.

Карлсон закрыл игрушку и посмотрел в нижний правый угол экрана где кривлялись какие-то экзотические знаки. Двухминутная игра с настройками дала результат: знаки оказались подлинными арабскими цифрами, а местное время только что перевалило за час ночи.

Комендантский час, а кому-то приспичило встречаться именно на Подмостках.

Карлсон вытянул ноги вперед, уткнулся во что-то мягкое, попытался выругаться, но закашлялся на первом же слове.

Мягкое тем временем зашевелилось, выпростало из-под одеял голую руку и швырнуло в Карлсона пустой полиэтиленовой бутылкой.

— Какого черта? — хрипло поинтересовалось мягкое, выкопав из своих недр лохматую голову. — Который час?

Клара, вспомнил Карлсон. Украла не то кораллы, не то кларнет. Они и познакомились благодаря этому дурацкому мнемоническому вирусу, когда он возвращался откуда-то навеселе. У нее было «зелье», слезы на лице и неряшливо взломанный корпоративный чип, на который раз в три часа со спутника транслировали что-то типа мигрени.

— Голова не болит? — прохрипел Карлсон, используя подсветку мобильника вместо фонаря. Где-то рядом должна была лежать бутылка с питьевой водой, которую он купил незадолго до встречи с Кларой, будучи уже не совсем трезвым, но еще и недостаточно просветленным.

Пустая пластиковая емкость наводила на нехорошие мысли, которые Карлсон старался от себя гнать. Автомат по продаже воды стоял шестью этажами ниже, но то, что он предлагал за пять центов приходилось сначала кипятить, а затем охлаждать.

— Сэнкс, Карл, — хихикнула лохматая голова. — Ты супер. У тебя выпить нечего? А то трое суток на транках для меня слишком, сушняк просто страшный.

— Внизу этот… «Аквариус». Он с твоего чипа теперь тащиться будет, отольет за так. Только не злоупотребляй, там больше трех литров нельзя, техники из компании приедут и лавочку прикроют. Да, набери еще в эту емкость. В углу плитка, в шкафчике синтекофе.

Речь постепенно восстанавливалась, мыслительная

активность тоже. Теперь Карлсон уже мог порадоваться тому, что в его каморке нет света. Видок у него, должно быть не из лучших. Судя по записям журнале ноутбука, последние сорок часов он прожил в шкуре пэкмэна, питаясь одними точками-таблетками. Странное ощущение, да и «зелье», видно, не из самопальных.

— Внизу это там, где застрял лифт?

Клара выкопалась из одеял целиком. Теперь, на относительно трезвую голову Карлсон мог разглядеть ее люминесцентную майку с витрувианским Микки-Маусом на спине, густо усеянный значками с символикой радиационной опасности топ, шорты цвета «металлик». Затем подсветка отключилась, а нажимать на кнопку повторно Карлсон не стал, аккумулятор грозился вот-вот сесть, а времени на зарядку уже не оставалось. Вместо этого мужчина подал команду на поиск своих очков.

— У меня важная встреча, — неловко пробормотал он, пробираясь вдоль стенки к запертой на засов двери. — Запрись и никуда не уходи, только разок за водой и довольно. Не маленькая, сама все понимаешь. Когда вернусь, предупрежу по спикеру: он хорошо замаскирован, никто кроме меня его не запустит.

Дверь тихо скрипнула, но этот звук отчего-то ударил Карлсона по ушам. Таким вот скрипом его антивирусник сообщал о новом трояне.

Клара как вирус, проникший в дом? Не смешно.

Тем не менее, спускаясь по разрисованной любителями граффити лестнице Карлсон соединился с домашним сервером и запустил программу защиты жилища, прописав девушку в качестве временного гостя с ограниченным доступом к городской сети. Осторожность в этом городе еще никогда не бывала лишней.

01

Свободный от ограничений комендантского часа и необходимости выполнять большую часть муниципальных распоряжений район имелся в каждом европейском городе, не превратившемся в город-призрак после того, как сначала грянул долгожданный топливный кризис, а затем началась Новая Реконкиста.

Поначалу законопослушные граждане требовали сравнять притоны с землей, а всех отловленных нелегалов и преступников отправить на фермы. Там, где прислушались к мнению избирателей, парадоксальным образом увеличилось количество преступлений. То ли полиция ловила не тех, кого следовало, то ли свято место пусто не бывает. В конечном итоге городские власти смирились с меньшим злом.

Так возникли Подмостки, трущобы на месте бывшей транспортной развязки. Здесь торговали, выращивали крыс, грибы, плесень и прочую питательную органику, разрабатывали пиратский софт, развлекались и умирали. Некоторые нелегалы даже умудрялись тут жить.

Разумеется, поскольку в остальных районах города комендантский режим продолжал действовать, добраться до Перекрестка ночью было нелегко.

Карлсон спустился по вонявшей странными запахами лестнице, добрался до подвала, облюбованного какими-то североамериканскими сектантами в качестве места для проведения своих ритуалов. За небольшую плату дежурный сектант выделил Карлсону проводника, мальчишку лет семи, с модным виртуальным плеером и массивными зеркальными очками-мониторами, сдвинутыми на лоб и еще не подпадающими под определение адреалиновых — расширяющих реальность.

В паутине подземных коммуникаций мог заблудиться даже человек с продвинутым навигатором и официальной картой туннелей. Какие-то трубы перекрывались массивными решетками, где-то попискивала сигнализация. Зато то тут то там зияли неаккуратные дыры самодельных проходов.

Мальчишка-проводник, руководствуясь какими-то своими приметами выбирал обходные пути, обнаруживал датчики движения и скопления туннельных крыс. Растерялся он только однажды, наткнувшись на еще теплую плиту, наглухо перекрывшую проход. — Заварили, — кивнул головой Карлсон, выслушивая сбивчивый и ничуть не понятный монолог. — Веди хотя бы до метро…

Слово «метро» подземный житель конечно же знал, возможностями заброшенной ветки пользовались многие. Там даже был шанс поймать дрезину и успеть на встречу вовремя. И снова потянулись туннели, ржавые, противно скрипящие лестницы, вентиляционные колодцы, разбитые датчики дистанционного контроля.

02

Все начиналось с рутины. Даже та неприятность с утечкой данных, которую обнаружила группа сетевой безопасности, имела шестизначный идентификатор, первая цифра которого указала на достаточно низкий уровень значимости. Незначительное расхождение метрик попало в журнал происшествий, а оттуда — на проработку соответствующему отделу. Тогда дело пахло лишением нескольких премий и, в самом неблагоприятном случае, понижением в должности кого-то из младшего руководящего состава корпорации.

Задачу в локальном таск-менеджере назначили на пару операторов, работавших под оперативными псевдонимами Хех и Хаухет.

— Дерьмо, — констатировала Хаухет после того, как запросила полную выгрузку ссылок по делу на четыре уровня вглубь.

— Ква, — лаконично согласился с напарницей Хех. — Блокировка на третьем уровне. Недостаточно полномочий. Запрос ушел наверх.

— Дерьмо, — повторила Хаухет. — Там кто-то прятал свои грязные секретики в массиве низкорейтинговых кейсов. А на деле пароль с меткой совета директоров. Огребем.

Пара сидела бок о бок друг с другом: по левую руку Хех, по правую Хаухет. Но так как их места располагались в недрах операционного центра, на рабочем месте пара не обменялась и десятком слов вживую.

Впрочем, это не мешало операторам выразительно переглядываться поверх изображений в окнах адреалиновых очков и транслируемых через очки моделируемых объектов.

Хех посмотрел в сторону напарницы и нахмурился. Большинство заданий, которые оператор составил для корпоративного суперкомпьютера, возвращались с мусором. К счастью, даже отрицательный результат записывался в актив команды, очерчивая и детализируя пространство поиска.

— Ква, — вырвалось у Хеха, когда один из запросов вернулся с уловом. Оператору оставалось лишь сложить два и два, чтобы получить на выходе гору проблем.

— И во что мы вляпались на этот раз?

Вопрос, заданный Хаухет, оставался без ответа всего несколько минут. Уже через четверть часа напарники сидели в отдельном кабинете и старались не слишком таращиться на старшего безопасника.

— Минимум сетевых следов, — предупредил тот, убедившись, что все устройства для предотвращения утечек включены и не фиксируют посторонних подключений. — Так что рассказывайте голосом, кратко, без имен и деталей.

— Регулярный прогон тестов выдал расхождения в отчетных показателях, — на правах старшей начала Хаухет. — Массив данных относится к низкому уровню секретности, потому задачу кинули нам.

— А там бага с доступом к записям на нижних уровнях, — привычно подхватил Хех. Он часто договаривал нудные длинные фразы за напарницу. — Типичная, кстати, для отчетов, которые натыкаются на записи, помеченные как незначимые, но при этом закрытые ключом высокого уровня, к которому у нас нет доступа.

— Проблема в том, что в журнале доступа указано, что к закрытым данным обращались ныне уволенные сотрудники, причем из внешнего контура, — Хаухет была мрачнее тучи. Пускай их команде удалось выявить дыру в безопасности, регламент обещал многодневную мороку участия во внутреннем расследовании.

— Временно переходите под мое начало, — безопасник кинул операторам кодовый пакет, убедился, что новое ограничение прописалось в их чипах.

— Утечка произошла через взломанного менеджера по работе с клиентами. Камеры видеонаблюдения гнали фальшивый поток, но с высокой долей вероятности можно установить лицо, получившее доступ к нашим внутренним данным. Кому-то из вас придется заняться вычиткой и анализом воспоминаний, может быть даже выдернуть дамп памяти из одного не в меру любопытного женского мозга.

— Только одному? — на всякий случай уточнила Хаухет, гадая чего в этом задании будет больше: неприятностей или скуки. Стремиться как к любой из крайностей не хотелось. Одним из неписанных правил команды было правило минимизации дел с безопасниками.

— Там же блокирующая прошивка, — эхом отозвался Хех, быстро просчитав ситуацию. — У нас нет в группе специалиста с навыками взлома женского чипа.

— У второго в команде будет смежная задача, — для безопасника встреча в реальном мире являлась лишь одним из пластов, на которых решалась сложная задача. Параллельно он подключил с десяток тематических команд, малый вычислительный кластер своей службы и несколько своих коллег.

Современное цифровое расследование редко длилось больше часа. За активной фазой следовал захват причастных, допрос и

нейтрализация последствий.

К моменту, когда операторы зашли в кабинет вопрос с захватом был уже детально проработан.

— И да, женский головолом… Он у вас будет. Кстати, это выездное задание, я оформляю местную командировку.

Ква, произнес про себя аналитик-оператор Хех, предчувствуя много самых разнообразных неприятностей.

Дерьмо, мысленно согласилась с ним Хаухет.

03

— Ты немного задержался, — дипломатично заметил Диал-Ап, отодвигая от себя стакан самогона. — Я тебе звонил, но не дозвонился.

Карлсон рухнул на стул из дешевого оранжевого пластика и, не спрашивая разрешения, приложился к спиртному.

— Ночь, патрули. Я шел через подземку.

Диал-Ап понимающе кивнул, поправил бейсболку и жестом подозвал официанта. Они сидели в «Буфере», единственном питейном заведении, работавшем на открытом воздухе и, тем не менее не прогоравшем. Здесь в хорошую погоду готовили еду на открытом огне, в присутствии клиента гнали самогон из краденого с продовольственных складов картофеля. Хозяин «Буфера» сидел чуть в отдалении, за бронированным стеклом и пультом дистанционного управления пулеметами. Гигантские колонки, раскрашенные каббалистическими символами, играли джаз, за соседним столиком проститутка торговалась с наркодилером.

— Пока ты добирался до Подмостков я почти околел, — проворчал Диал-Ап, поглядывая на темно-коричневые пятна под соседним столиком. — Сам видишь какую гадость заказал, лишь бы не свалиться с воспалением легких. Дело есть, Карл, срочное.

— Настолько срочное, что мне обязательно выходить на улицу в комендантский час, тащиться подвалами в это вонючее гетто для нелегалов и сидеть на ветру, тогда как в нескольких метрах от тебя есть теплое местечко с камином?

Диал-Ап с тоской покосился на тяжелую металлическую дверь, ведущую в питейный зал и покачал головой.

— Это дело надо было начать еще вчера, но ты не отвечал на звонки. Времени, считай, уже не осталось, а риск растет с каждым часом. Нужно одну бабу взломать, а Сигурда позавчера за просроченную регистрацию в область увезли. Пока будем вытаскивать, момент упустим.

Новость о том, что Сигурд занят прополкой грядок, оптимизма Карлсону не прибавила. Четыре дня назад они вместе ходили в бар, отмечали удачный взлом одного из менеджеров «Арагон Электроникс», попавшегося на крючок в казино. Должно быть, Сигурд спьяну напутал и, во время облавы ломанулся не через черный ход, а в соседнюю дверь женского туалета.

Карлсон попытался было найти способ как можно мягче отказаться от этой работы, но Диал-Ап, оказывается, припас еще один козырь. Между пальцев скользнула, сверкнув серебром

визитка с электронной меткой, которую чип Карлсона мгновенно считал и расшифровал.

Сильвер, босс сепаратистов, находился в розыске уже не первый десяток лет, однако это не мешало ему вести блог, давать интервью, и заказывать современные визитки с сотнями уровней защиты. Отказать Сильверу значило лишиться теневой страховки, по которой Карлсона уже трижды вытаскивали с капустных полей.

Да, что там, жили отказавшие Сильверу в его просьбе тоже недолго, хотя распределение по видам кончины казалось случайным, это говорило только о богатой фантазии исполнителей.

Официант принес пиво и картофельные палочки в качестве закуски. Палочки напоминали о судьбе Сигурда, пиво оказалось очень чуть ниже среднего по городу.

— Кого и где? — поинтересовался Карлсон, запоздало соображая, что на самогон пиво ляжет плохо, а ежели еще на голодный желудок как у него, то и совсем отвратительно. — На полигоне, там узнаешь.

Диал-Ап залпом осушил свой бокал, отправил в рот сразу две картофельных палочки и тут же встал из-за стола.

— Жратвы купи, — бросил ему Карлсон, налегая на остаток закуси. А то развезет, и ты еще пару часов потратишь, приводя меня в чувство.

Пока Диал-Ап о чем-то разговаривал с хозяином «Буфера» пиво как-то само собой закончилось. Жизнь снова размазалась по пространству-времени, а Дюк Эллингтон стал казаться своим в доску парнем. Идиллия закончилась с приходом официанта, который притащил целый пакет фастфуда и бутылку минералки — очевидно Диал-Ап получил указания на головоломе не экономить.

— Все рассчитано по минутам, — дожевав картофельную палочку сообщил Диал-Ап, заглядывая на ходу в коммуникатор военной модели. — Мы почти выбрали лимит, осталось сорок минут на весь проект.

Карлсон старался не отставать от своего посредника, деловитой походкой направлявшегося в сторону ближайшей «норы». Эта подземная коммуникация принадлежала армянам, нелегально эмигрировавшим откуда-то с востока в поисках нелегальной жизни и возможности приобщиться к традиционным европейским ценностям.

Плата за проход всегда казалась Карлсону слишком завышенной, а потому он воспользовался этой «норой» только один раз, в ознакомительных целях. Подобные экскурсии по гетто уже не раз спасали его во время облав, но, как выяснилось,

совершенно не подготовили его к тому, что скрывалось по ту сторону массивного люка.

За полтора года армяне ухитрились вылизать этот фрагмент подземных коммуникаций, организовать освещение и даже провести бюджетный монорельс, уходящий куда-то вдаль. Тележка, правда, оказалась на педальном ходу, но зато довольно вместительная. Отличавшийся крупными габаритами Диал-Ап устроился на пассажирском месте, ничуть не стеснив усевшегося рядом головолома.

Толстый бородач в хаки крутил педали с какой-то умопомрачительной сосредоточенностью. Карлсон, попытавшись сосредоточиться на движении педалей был загипнотизирован размеренностью его движений и спохватился только после того, как рикша схватился за ультразвуковой свисток.

— Они закупили собак от «Артемиды», — пояснил Диал-Ап. — Удовольствие не из дешевых, зато никакие банды эту «нору» не трогают. У меня время от времени даже возникает подозрение, что никакие эти парни не армяне. Типичная греческая сметка и клановость.

Карлсон подумал, что Диал-Ап слишком мало общался с азиатами. Клановостью, правда у тех и не пахло, но зато деловая хватка присутствовала в полном объеме.

Пока головолом соображал, как бы объяснить на пальцах, что восток дело тонкое монорельс закончился. Трое тощих, но проворных армян приступили к открытию люка едва тележка с противным скрипом начала тормозить.

Наверху их ждал лимузин противного кислотно зеленого цвета. Карлсону немедленно захотелось узнать, кто и зачем проявил такое отсутствие вкуса. Водитель находился в прямом подключении к автомобилю: водительское кресло от множества старомодных проводов в серебристой оплетке напоминало кокон гусеницы на ранних стадиях формирования.

— Я только посредник, — отстучал Диал-Ап по руке Карлсона старым корпоративным кодом. — Это дело дурно пахнет, все это очень похоже на нелегальную правительственную контору.

Карлсон нахмурился. Теоретически, корпоративный парламент обладал контролем над всей паспортно-чиповой системой, а значит имело возможность в любой момент перепрограммировать любого гражданина Массалии.

На практике выходило много сложнее. Махинации корпораций, последствия взломов и любительских блоков на определенную информацию, все это существенно снижало возможности государственных чиновников копаться в головах налогоплательщиков. При этом парламентские структуры

обладали своими головоломами, не в их традициях привлекать кого-то со стороны, тем более обставлять дело с такой показушной таинственностью.

Они могли в любой момент даже оторвать Сигурда от грядок, а не оставлять после себя ужасающее количество следов. Чудовищное сочетание могущества, профессионализма и небрежности наводила на мысль о том, что хэппи энда ждать не стоило.

04

Когда-то северный полигон фирмы «Account Unlimited» определенно являлся частью свалки бытовых отходов. Бульдозеры расчистили небольшую площадку под типовой двухэтажный офис, в строительном материале которого явно использовался спрессованный мусор.

Проходя через рамку объемного сканирования, Карлсон заметил декоративный логотип «7UP» проступающий сквозь небрежно набрызганную пульверизатором краску. За турникетом маялся от скуки двухметровый мускулистый охранник с наушником внутренней связи и внушительным автоматом ливийского производства. Чуть в отдалении изображал ожидание еще один обитатель полигона, судя по костюму — менеджер среднего звена.

— Им приходится изображать из себя фирму, — будто бы извиняясь за деловую атрибутику бросил Диал-Ап, пропуская Карлсона вперед. — Иначе навесят ярлык террористической организации и прямой наводкой со спутника…

— Наконец-то! Это точно он, а не орегонская подделка?

Увидев головолома менеджер оживился, внимательно оглядел Карлсона через адреалиновые очки, подождал пока охрана не просканирует прибывших на предмет следящих устройств и сразу же после отмашки подскочил к Диал-Апу.

— Гарантия! Профи, баб ломает на раз. Я тут за ним несколько дней назад попытался проследить, так он, даже нажравшись вусмерть все равно бабу подобрал, недоломанную.

В голосе Диал-Апа звучала такая гордость за проделанную работу, что Карлсон предпочел не оглядываться, чтобы случайно не стошнило от лицезрения избыточного подобострастия.

— Ну смотри, — предупредил менеджер, напуская на лицо пугающее выражение полного безразличия к дальнейшей судьбе Диал-Апа, а в следующую же секунду словно забывая о его существовании.

— Мистер…

— Карл! — поспешил проинформировать начальство Диал-Ап, но был проигнорирован. — Называйте меня Карлом, — попросил Карлсон, — Просто, быстро, надежно. Легко запомнить.

Должно быть, такой реплики менеджер не ожидал, потому что засмущался и нерешительно посмотрел на свою руку, протянутую в приветливом жесте. Карлсон собрал волю в кулак и немедленно эту руку пожал.

— Хью Морган, — представился менеджер, очевидно за счет

условного рефлекса. Звуки собственного имени, похоже, привели его в чувство, поскольку он тут же подхватил Карлсона под руку и быстрым шагом повел по коридору. Диал-Ап остался позади, только и успев отправить головолому сообщение о получении аванса.

Хорошо натренированный голосовой аппарат Моргана выплевывал слова с такой скоростью, что Карлсон едва успевал отделить одно от другого.

— …занимаемся прокладкой сетевого кабеля, в том числе и в труднодоступные районы страны. Разумеется, высокая степень защиты, современные методы криптозащиты… — вещал он, буквально вталкивая Карлсона в дверь с табличкой «Отдел кадров».

— … а теперь запустим эту штуку! — Морган отработанным движением выхватил мобильный телефон и на что-то нажал. Только сейчас, уболтанный рекламной скороговоркой Карлсон сообразил, что весь стандартный кабинет офисного работника, с антикварным постером восьмого «Терминатора», календарем, пресс-папье в форме Статуи Свободы и гигантским старинным фотопринтером на самом деле является лифтом, увозящим его в какие-то засекреченные глубины корпоративного мироздания.

— Терпеть не могу этот бред, — резко сменив интонацию и темп речи заметил Хью Морган, явно наслаждаясь замешательством головолома. — Но приходится соответствовать имиджу. В противном случае заметут, промоют мозги, а всю эту контору, на основании моих свидетельских показаний зальют высокотоксичной отравой. Мы тут заняты действительно важными вещами, но я о них тебе все равно не скажу, и ты мне будешь за это по гроб жизни благодарен, потому что одно неосторожное слово, и ты наш сотрудник. Или клиент, если не согласишься подписать контракт, то посмертно.

Лифт остановился, в дверь вошли еще двое, как будто только что из комикса. На первом был белоснежный халат, при взгляде на который слезились глаза, а на втором — бронежилет под деловым костюмом и темные очки на две трети лица. Обладатель халата был явным магрибинцем, с легкой, едва угадываемой примесью азиатских кровей. Черты человека с бронежилетом намекали то ли на Корсику, то ли на Сицилию.

— Мальчики, это Карл, он будет ломать нашу гостью, — представил Карлсона Хью Морган. — Будьте с ним приветливы. В меру, естественно.

— Мы, твоя группа поддержки на первом этапе операции, — улыбнулся человек в халате. — Меня зовут Свен, я лицензированный чип-ридер, но на том этапе работ, который на

твоей ответственности, осуществляю аппаратную, медикаментозную и хирургическую поддержку, а также общую программную защиту от встречных атак. А Бобби будет смотреть на нас издалека и держать пациентку на прицеле. Во избежание несчастного случая с кем-либо из нас. Он у нас меткий стрелок, хотя вечно ворчит, что стрелять пулями со снотворным это издевательство над идеей стрельбы в человека.

Пока Карлсон соображал, как реагировать на подобное представление Морган успел вытащить из внутреннего кармана сенсорную пластину с фотографией и протянуть ее головолому.

— А вот та, которую тебе предстоит взломать. Как можно скорее и качественнее.

05

Как и все нормальные подростки своего поколения Карлсон жалел своих родителей и страстно ненавидел всех остальных предков. Особая доля ненависти доставалась прадеду, у которого было две собственных машины с двигателями внутреннего сгорания, загородный дом и даже яхта, правда совсем небольшая.

За свою долгую жизнь прадед превратил в дым более трех тысяч тонн бензина — богатство, представить которое Карлсон мог лишь как абстракцию или в виде строчек финансового отчета.

Он еще застал последние следы былой роскоши: родители продавали старую технику на черном рынке, лишь бы свести концы с концами. Когда Карлсону исполнилось семь, его продали в древнюю, но все еще крепкую корпорацию «Сен-Гобен», в начальную школу менеджеров.

Отсев в школе был зверский, три четверти кандидатов вылетали после нескольких лет обучения, зато все это время родителям платили немалые деньги, а его самого держали на полном пансионе.

Карлсон вылетел после девятого класса, уже неплохо разбираясь в жизни, экономике и корпоративной политике относительно чипизации сотрудников. Анонимку, благодаря которой вскрылись его махинации с экзаменационными билетами, он написал из-под левого одноразового аккаунта, выпав при этом из нижних элитарных страт в мир, где подавляющее большинство не умело даже печатать.

Вылетевших на такой поздней стадии обучения немедленно подхватывали компании меньшего размера, Карлсон не стал исключением. В семнадцать лет он получил свой чип, незадолго до принятия закона о переходе с пластиковых паспортов на электронные имплантаты.

В двадцать два, после долгого запоя в компании с головоломом из магрибинских нелегалов Карлсон стал взломанным, два месяца спустя — произвел свой первый самостоятельный взлом, к счастью удачно, поскольку компаньон жертвы взлома все время операции держал палец на курке, а калибр был до того велик, что на ум приходили исключительно фрейдистские интерпретации.

К тридцати Карлсон успел заработать репутацию профессионального головолома, по глупости жениться и от запредельно большой любви развестись, неведомое количество раз быть перепрошитым, дважды — пойманным и перечипованным. Девять раз, за недостатком улик его просто

отправляли на сельскохозяйственные работы, вместе с мошенниками, бродягами и бандитами.

За повседневной суетой Карлсон не заметил, как его жизнь превратилась в сплошную ломку. Он ломал других и ломался сам, поскольку сила действия неизменно равнялась силе противодействия.

В его жизнь вошли наркотики, сепаратисты, безумные сектанты и не менее безумные корпоративные политики. Иногда Карлсон просыпался и не мог отделить сон от яви, свои наркотические кошмары от не менее психоделической реальности. Вот почему увидев изображенное на фотографии лицо он лишь лаконично кивнул головой. Серьезный заказ — серьезная работа. Тут не бордель, где можно попросить посмотреть весь ассортимент, причем в разных позах и прикидах.

— Та еще штучка, — прокомментировал Свен, подглядывая в окна расширенной реальности. — С такой маркой чипа я еще не сталкивался, это одна из последних внутренних разработок Корпола. Сам знаешь, нынче нормального мужика в корпоративной полиции днем с огнем не найдешь. Или гомики из обслуживающего персонала или старые пердуны с прошивкой от совета директоров. Помимо обязательного минимума. что лежит в открытом доступе, мои поисковые агенты собрали все, что удалось выкачать про эту марку из черных сегментов Сети или купить у торговцев информацией.

— Что нужно получить на выходе, нуль или единицу?

Карлсон изъяснялся на профессиональном жаргоне ничуть не сомневаясь, что его поймут. Лично он, как прирожденный анархист, предпочел бы нуль, возврат психики к его изначальному, ничем не скованному состоянию: однако, наниматели время от времени хотели внедрить в головы пациентов какие-то установки, зачастую не консультируясь по вопросу реалистичности перепрошивки ни с кем кроме своего финансового аналитика.

— Великолепный вопрос делового человека! — восхитился Морган, поспешно пряча фотографию обратно в карман. — Сразу видно профессионала. Конечно, наши хозяева предпочли бы единицу, однако нам и без нее хватит компромата, чтобы сохранять контроль над ситуацией. Ноль тоже будет считаться хорошим результатом. Только чистый ноль, без побочных эффектов. Нам нужно задать ей около сотни вопросов в обход профессиональной блокировки.

06

Лифт привез мужскую компанию прямиком в скромную офисную рекреацию с парой диванов для отдыха, торговым автоматом для продажи легких синтетических стимуляторов, примитивной дверью в туалет, еще парой служебных дверей, с биометрическими замками. Но более всего привлек внимание головолома огромный, но при этом совершенно пустой от какой-либо живности аквариум с подсветкой и деловито булькающим компрессором.

От вида такого количества воды Карлсон моментально заработал сушняк в горле. Бобби, угадав его состояние, молча протянул ему банку с энергетиком.

— Сейчас я займусь подготовкой к операции, — сообщил Свен перед тем, как исчезнуть за одной из сверкающих хромированным покрытием дверей. — Пациентку доставили совсем недавно, и она пока еще не в форме. Предупреждаю, когда я она окажется за пределами изолирующего контейнера, практически все виды связи на этаже и выше будут заблокированы. Хотя связь уже сейчас идет через сервер-модератор, но в режиме блокировки не будет и ее. У вас чуть меньше четверти часа, потом сразу приступим. График операции очень плотный — времени действительно немного.

Словно специально чтобы проиллюстрировать его слова пискнуло устройство в руках Моргана, так похожее на старинные мобильные телефоны. Хью соединился с ним через чип, три раза сказал слово «Да», затем быстро извинился перед Карлсоном и оставил его сидеть на диванчике в компании Бобби.

— Должно быть нас собираются прихватить за задницу, — предположил Бобби, стоило Моргану скрыться. — Все эти похищения женщин до чертиков отдают старинными архетипами. Вам в детстве сказки не читали?

Карлсон вспомнил сен-гобеновскую школьную библиотеку и, сам не зная почему, отрицательно покачал головой. Конечно, он потом наверстал упущенное, но так и не сообразил, стоит ли считать отсутствие сказок потерей или же наоборот. — В европейских мифах и сказках то и дело похищались прекрасные девушки, — нисколько не удивившись продолжил Бобби, наслаждаясь напитком из полимерной банки. — Естественно, похитителями становились страшные чудовища, монстры, мутанты всякие. И на спасение всегда отправлялся герой, вооруженный волшебным мечом или чем-то в этом роде.

Этот сюжет повторялся от Персея до последних дешевых

книжек в стиле фэнтези, до тех пор, пока его не убили этой повальной феминизацией армии и сил правопорядка. Старый добрый архетип отправили на свалку, вооруженной женщине не надо спасать принцесс от злобных драконов. Принцесс тоже не осталось, а драконы доживают свой век подобно нам, посреди мусора и нового средневековья. Вот вы, Карл, человек образованный, это видно по вашему лицу…

Карлсон подумал, что сейчас с его лица можно считать разве что несколько нецензурных слов, однако склонный к философии боевик неожиданно начал ему нравится. Что-то в его внешности располагало к доверию. Быть может галстук-бабочка, золотые запонки в виде пацификов? Или же голос, спокойный и усталый голос человека, не привыкшего чесать языком направо и налево? К тому же разговор с Бобби не мешал Карлсону соединяться с сервером по беспроводному соединению и проглядывать по диагонали документацию на чип.

— Образованный, в смысле с дипломом?

— В смысле, не аморфный, не поддающийся лепке на нужды хозяев жизни, — терпеливо уточнил собеседник, мимоходом указывая полупустой банкой в сторону плохо замаскированных камер автоматического слежения. — Сейчас образование, это не коллекционирование фактов и формул, а позиционирование себя в мире. Мы с вами позиционировались достаточно четко, а потому можем вести разговор как разумные люди, без манипулирования сознанием и тому подобных фокусов.

— Это вы про нейролингвистическое программирование? — рассеянно переспросил Карлсон, подстраивая программу для взлома под спецификацию чипа.

— И про него тоже, — Бобби вытащил из кармана ярко красный платок и принялся протирать им стекла адреалиновых очков, стилизованных под солнечные. — Но не в программировании соль, а в доверии. Вот вы, должно быть, никому не доверяете, работаете один, разве что иногда коллегу своего пригласите. Я прав?

— Целиком и полностью. Сейчас столько возможностей для шпионажа, что одному безопаснее. А здесь, хоть и подземелье, но все просто взывает к корпоративному шпионажу, — признался Карлсон. — Все никак не могу отделаться от ощущения, что играю роль какой-то неведомой наживки. Или приглашен в качестве третьестепенного персонажа в свиту этой наживки.

— Дракон, — хмыкнул боевик. — У нас тут собирается классическое трио. Есть плененная чудовищами красавица. Ее защищает злобный корпоративный дракон. Законы жанра предполагают, что в обозримом будущем где-то неподалеку

появится благородный рыцарь.

— То есть, мы сейчас играем на стороне некоего аллегорического зла? — Карл несколько удивился откровенности пополам с подчеркнутой нетолерантностью по отношению к местной корпорации.

— Мы наемники, амиго, — развел руками боевик в костюме. — Цвета флагов и мораль нанимателя давно вынесены за скобки и благополучно утилизированы. На этой стороне платят, у них есть печеньки — так отчего отказываться от работы по профилю? Взрослый человек, если он не бесцельная гуманоидная масса ходячего дерьма, уже давно специализирован и живет во имя качественного выполнения собственной функции. Этика мертва, только эстетика еще кое-как трепыхается в агонии после столкновения с прагматикой и цинизмом.

Должно быть Бобби хотелось выговорится, запоздало сообразил Карлсон. Обычно он взламывал тех, кто сам хотел покончить с чиповым рабством, иногда его клиентов захватывали против воли, на перепрошивку — но еще ни разу работу не обставляли с таким размахом.

— А кто она, не знаешь? Обычно, мне всегда давали познакомиться с досье, чтобы контактные точки установить, подготовиться. Здесь же фото на десять секунд показали, даже в руки не дали, сразу спрятали.

— Чип-райтер Корпола, — буркнул Бобби, вновь пряча глаза за черными стеклами очков. — Из двадцатки лучших у себя. Сейчас в это дело только баб берут, секретности ради. — Типа мы, с нашими чипами не котируемся. Ты профи, так объясни мне по-человечески, отчего женщину взломать труднее чем меня? Про «женскую логику» я тысячу раз слышал и столько же раз не верю. Железо у нас одинаковое, софт тоже одинаковый, но меня начинающий головолом вскроет, а ее — только асы. Это же дискриминация в чистом виде! Матриархат!

— Никакого матриархата, сплошная психофизиология.

Карлсон поправил крепление ноутбука, подошел к аквариуму и приложил костлявую ладонь к холодному стеклу. Бобби можно рассказать все как есть. Он умный и сам расставит все по местам.

— Видите ли, Бобби, — осторожно начал головолом, вглядываясь вглубь аквариума. На миг Карлу даже показалось, что там кто-то движется, но это была лишь голограмма в высоком разрешении. — Чипизация это только верхушка айсберга. «Железо» только контролирующий механизм, позволяющий проводить идентификацию человека. Он может награждать нас мигренью, судорогами и эпилепсией, как только алгоритм этого потребует. Программирование затрагивает психику и тут как раз

начинается расхождение между мужчиной и женщиной.

Чип Карла выдал предупреждение о резком снижении скорости сетевого соединения.

— Началось, — вздохнул Бобби, поправляя бабочку и отправляя пустую банку в горловину утилизатора. — Похищать значимых корпоратов быстро и при этом не оставив следов, невозможно. Там столько алгоритмов на случай подобного сценария — я столько книжек не читал! Но и по нашу сторону баррикад все вычислено да перепроверено несколько раз. Определено с запасом время на проведение операции, а также на эвакуацию через потайные тоннели. Прошу прощения, вы говорили про расхождение.

— Женщина охотнее идет на импринтинг, глубже связывает свою психику с чипом, — вздохнул Карлсон, вспоминая Диану, свою первую и катастрофически глупо потерянную жену. — Им это привычнее с эволюционной точки зрения: миллионы лет природа вмешивалась в их психику и гормональный баланс на время беременности и периода кормления младенца. Ощущение, будто в твоем теле есть еще кто-то, диктующий тебе свою волю для нас представляется неестественным, вот мы ему и сопротивляемся настолько, что любой головолом справится с перепрограммированием мужчины.

Женская же сущность ориентирована на подобное насилие, фактически оно даже связано в их психике с чем-то положительным, поскольку продолжение себя в потомстве с биологических позиций является естественным итогом жизни.

Тот, кто сумел комбинировать чип и глубинное программирование личности был гением, опередившим свое время. Мы еще не доросли до таких технологий, а потому используем их как дубинку. Женская армия — это ли не насмешка над всем мужским образом жизни?

По ту сторону аквариума откуда-то появился Свен. Его белоснежный халат просвечивая сквозь толщу воды и даже немного флюоресцируя, выглядел как комок чистого снега на свету.

— Времени мало, надо спешить, — сообщил Свен. — Идите за мной, там все подготовлено.

— А вот и наша работа, — оживился Бобби, мягко вскакивая на ноги. — Целиться в безоружную женщину из пистолета, не способного убить. Пародия на всю мужскую историю…

— Надеюсь, в этот график заложено достаточно резерва, — вздохнул Карлсон, сожалея о том, что вляпался в столь рискованную авантюру. Ему оставалось только надеяться на то, что Диал-Ап не сплоховал и сумел выбить из заказчиков

достойную оплату. — Терпеть не могу батрачить на ферме.

— Ты шутник, — хмыкнул Бобби, догоняя его у самой лаборатории. — За поимку на подземных этажах этого комплекса фермерствовать не отправляют. У нас проездной от Святого Петра.

Секунду спустя в расширенном пространстве очков Карлсона появилось сообщение о том, что городская сеть временно недоступна.

07

Мастерство головолома несет в себе сакральное знание, подумал Карлсон и сам удивился идиотизму этой мысли. Должно быть, это рассуждения Бобби заставили его вместо того, чтобы сосредоточиться на деле, препарировать свой навык, наивно докапываясь до его мнимых глубин.

Девушка, которую ему предстояло взломать, лежала на операционном столе, лицом вниз. В полицейской форме, правда без «патронташа» с девайсами и спецсредствами, она выглядела очень даже ничего. На вид около тридцати, хотя косметика и пыталась обмануть зрителя, скидывая лет десять. Редкая в этих краях внешность чистокровного европеоида сама по себе привлекала внимание, да и на задницу тоже можно было посмотреть с удовольствием.

Полудлинные каштановые волосы без следов красителей, только усиливали впечатление. Тот, кто подготавливал девушку к взлому откинул их в сторону, чтобы вставить в затылочный разъем шлейф, который другим концом уходил в недра радиоконнектора размером с половинку кирпича.

Свой ноутбук, с которым его так и не заставили расстаться, Карлсон присоединил локальной сети сразу после получения пароля. Радиоконнектор был радиусе доступа только один, в списке доступных устройств он отыскался легко.

Свен в дальнем углу лаборатории уже колдовал над своим пультом, управляя микроманипуляторами и проверял настройки уолдо на чем-то микроскопическом. Бобби прислонился к стене у входа и демонстративно закрыл глаза.

— Черт! — Карлсон проверил скорость соединения с местным сервером и запоздало сообразил, что Свен не дал ему времени ознакомиться с материалами по чипу. Ситуация стала угрожающей задолго до того, как он взялся за взлом.

— Лаборатория хорошо спрятана, ее найдут не сразу, — успокоил головолома Бобби, словно прочитав его мысли. — А найдут, так еще пусть сначала доберутся. Времени у нас достаточно.

Свен вопросительно посмотрел в сторону Карлсона, затем решительно поддел микроманипулятором заглушку чипа.

— Режим конфигурации, — распорядился головолом, поглядывая на голографическое изображение, где тонкие металлические пальцы переставляли джампера на контрольной панели чипа. Еще несколько секунд и к затылку присосался коннектор. Этот прибор сначала соединился с сервером, проверил

пропускной канал, а уже потом вонзился своими иглами в недра чипа.

— Инъекция, — сообщил Свен, его голос прозвучал как-то странно, как будто бы издалека. Воздух изменился, предметы вдалеке окутались радужной дымкой. — Сейчас очнется. Десять, девять, восемь…

Бобби открыл глаза и демонстративно передернул затвор, Карлсон занес палец над тачпадом.

Девушка зашевелилась, застонала, Карлсон проверил монитор альфа-ритмов и прогресс-бар его персональной программы головолома.

— Флора Найтингейл?

Полицейская дернулась, повернула голову в его сторону. Прогресс бар окрасился первой черточкой. Пять процентов.

— Головоломка?

Соображала она быстро, впрочем, ощущения от взлома ни с чем не спутаешь, особенно если тебя ломали неоднократно. Хорошо еще, что не стала устраивать противных сцен, какие иногда привыкли разыгрывать женщины.

Карлсон не любил смешивать работу и грязные разборки, переходящие на личности, но специфика его методов взлома исправно смешивала ему именно такие коктейли. В глазах защипало, пришлось сморгнуть. Свен неуверенно повел носом и, вроде как побледнел. Бобби флегматично держал Флору на мушке.

— Карл?

На этот раз ее голос дрогнул. Прогресс-бар подрос до одиннадцати процентов, аналитическая программа подстраивалась под взламываемую психику.

— Узнала? — Карлсон забеспокоился. Очутиться в памяти полицейского чипа или стать объектом интересов Корпола он никогда не мечтал. Кроме того, скорость реакции подтверждал худшие опасения: это была не просто запись в одной из баз данных чипа, но запись активная, недавняя, актуальная.

Потом разберемся, пообещал себе головолом, сосредотачиваясь на текущей работе. Вслух же он произнес только нейтральную реплику. — Это любопытно. Лишняя зацепка. Вы поэтому пригласили именно меня, а не кого-то другого?

— Кого узнала? — неуверенно произнесла Флора, машинально поглаживая себя по виску. На мгновение головолому показалось, что он уже видел точно такое же движение. Диана, точно Диана, двигалась, как и эта полицейская. Один в один.

— У девушки, либо защита через диссоциативное расстройство идентичности, либо не порожденные алгоритмами

прошивки отклонения от нормы — предположил Свен по локальной сети.

— Кто вы такой? Что вам от меня нужно?

Рука Карлсона упала на тачпад. Несмотря на то, что команды к ноутбуку шли напрямую через чип, по радиоканалу или прямому лучу шифрованного лазерного соединения, головолом для надежности дублировал их движениями пальцев.

— Вы пытаетесь взломать представителя Корпола! Запись о ваших противоправных действиях сохранена. Пожалуйста, не оказывайте сопротивления.

У современных чипов Корпола несколько степеней защиты, напомнил себе Карлсон. Амнезия и переключение внимания — игрушки по сравнению с тем, что закодировано на самом нижнем уровне.

— Меня зовут Карл, — напомнил о себе головолом. — Я не враг, а всего лишь пробую разобраться, что происходит. Мы могли бы просто немного поговорить?

— Взломщик! — решительно заявила Флора. Прогресс-бар пополнился еще одной черточкой, даже мимолетное знакомство объекта взлома с головоломом серьезно облегчало работу, создавая внутреннюю связь, за которую можно было ухватиться для нейтрализации защитных свойств прошивки.

Прежде чем команда, посланная Карлсоном в чип, была выполнена, Флора соскочила со стола. Бобби сделал шаг назад, а Карлсон подумал, что прогресс, при всей его невыносимой дебилизации населения все-таки не такая уж и плохая штука.

Еще шесть лет назад беспроводной коннектор было не достать, а пациентов приходилось приматывать к кровати скотчем или фиксировать пластиковыми стяжками. Современная версия коннектора отличалась завидной ударопрочностью и антивандальностью. Беспроигрышный вариант в сцепке с защелкой на другом конце.

Свен во внутреннем рабочем чате поинтересовался, не стоит ли подать по шлейфу команду на обездвиживание девушки, но Карлсон ответил отказом. Все шло по типовому сценарию.

— Карл?

А ведь мог плюнуть на все и остаться менеджером в «Сен-Гобене», подумал головолом, принимаясь за ту часть работы, которую он сердечно ненавидел.

08

Два года назад такого человека как Хьюберт Морган еще не существовало. Зато два года назад в мире проживало много хороших и не очень людей, которых с тех пор, по тем или иным причинам, не стало — одним их таких стал Муслим Намуши, коренной европеец с репутацией хваткого и уверенного в себе человека.

В начале своей карьеры, Муслим координировал по мобильному телефону действия трех уличных банд, отмазывал их от полиции, жил на процент от скупки краденного. В шестнадцать лет вольной жизни пришел конец: в одну из банд затесался агент под прикрытием. Из всех впечатлений от полицейского налета, Муслим запомнил лишь вонь газа, детекторы противопехотных мин на ботинках копов, да имя человека, руководившего операцией, некую Флору Найтингейл.

О том, что это не настоящее имя, а часто встречающийся оперативный псевдоним, Муслим так и не узнал, за него это сделал Хьюберт Морган. А гражданин Намуши стал законопослушным менеджером в городской администрации. Его способности агент под прикрытием расписал так красочно, что это место досталось ему сразу после программирования чипа на лояльность, хотя желающих приобщиться к власти было и без того достаточно.

Муслим Намуши был молод, циничен, имел трезвый взгляд на жизнь, однако чипизация сделала из него восторженного идиота, работающего по шестьдесят часов в неделю, без больничных и отпусков.

Остаток молодости прошел в корпоративных играх. Намуши, поднимался по иерархической лестнице, подписывал приказы на перепрограммирование, отчитывался перед вышестоящими и плохо спал по ночам.

Должно быть именно бессонница стала причиной того, что в один дождливый вечер, за сорок минут до комендантского часа, Муслим вышел на улицу и безжалостно расстрелял из пистолета двух своих телохранителей, а также секретаря и шофера.

Когда по тревожному сигналу чипа на встречу с Намуши выехала группа захвата, тот, дико страдая от наведенных болей, вкручивал детонаторы в пластиковую взрывчатку. Трупа, разумеется, не нашли, однако разлетевшихся на две сотни метров бетонных кусков и солидной воронки там, откуда еще недавно транслировал свои сигналы чип Намуши оказалось достаточно для закрытия дела после формального документирования и

устранения последствий.

Хьюберт родился на следующий день, в квартале от взорванного дома. Там же, в оборудованном под лабораторию подвале, ему рассказали про Найтингейл, придумали новую биографию, поставили чиповый блок на старое имя и воспоминания. Морган подозревал, что, помимо этого в его чип внедрили и какую-то программу лояльности, однако самые эксцентричные его действия не вызывали чиповых предупреждений в виде мигрени, да и другие формы принуждения как-то не проявлялись.

И все же программа была, потому что сообщение о том, что необходимо взломать некую Флору Найтингейл Морган встретил с плохо скрываемым предвкушением. В новой жизни работала ветхозаветная карма, а значит за зуб платили зубом, а за глаз — глазом. Та Флора из Корпола или нет, Моргана не интересовало. Он верил в передачу кармы по наследству. Тот, кто наследовал имя, принимал на себя все последствия такого магического поступка.

План взлома разрабатывал один из антарктических суперкомпьютеров, отчего теперь менеджеру следовало лишь не выходить из очерченной канвы условий. Покинув головолома, Хью дистанционно подорвал заряды модульного офиса.

Следующая команда ушла автоматическим экскаваторам, которые немедленно приступили к переносу мусорных куч туда, где только что стояло офисное строение. Когда между тобой и преследователями несколько сотен тонн несортированного мусора, некоторые разновидности которого имели бы предостерегающий маркер, если бы вывозились на свалку легально, становится легче дышать и жить. Как бы парадоксально это ни звучало.

Лабораторию комплекса «Патала» Морган считал произведением искусства, гордился ею как любимым ребенком, но при этом втайне от других завидовал тем, кто будет наблюдать за ее уничтожением через специально установленные камеры.

Какая-то часть его сознания то и дело напоминала менеджеру, что за красивые глаза на такую должность не назначают, особенно со стороны. Кому-то из совета директоров корпорации «Карфаген Индастрис» потребовался временный администратор, а из автоматической выборки кандидатов на должность его имя оказалось где-то наверху.

Где-то в других реальностях деловитый бот, отслеживая соответствие программе, ежесекундно переводил на тайный счет Моргана небольшие суммы. Такие, каких хватит и на новую смерть, и на более обеспеченную жизнь. История переводов

содержала скрытый код, благодаря которому Хью мог поступить на службу новым, более щедрым хозяевам. Морган не страдал от наивности, а потому тоже подготовился как мог.

Профессиональный администратор не представлял себе жизни без работы, сказывалась одна из закладок в мозгу, которую после смерти Муслима Намуши решили не убирать.

Подключившись к рабочей камере одного из экскаваторов, Хьюберт с видом тренера побеждающей команды следил за подчисткой следов. В параллельном мире адреалиновых очков, в окнах расширенной реальности транслировалась серверная работа.

Реальная информация пока что сохранялась в сегментах, которые обслуживали нижние этажи. Все, что выше, подменили физически другими устройствами, способными на время запутать полицию. Притворяться фабрикой по выращиванию модифицированной человеческой кожи было даже интересно, но реальная деятельность все равно велась не выше четвертого подземного этажа.

— Показались, — вздохнул в шифрованном аудиоканале старший оператор. — Рой дронов пересек границу периметра. Идут в предсказанном коридоре, согласно вычисленному графику.

Группе оперативного контроля было хорошо: они контролировали дистанционное прикрытие из транспортных контейнеров, стоявших на погрузке в порту. Туда полиция не могла сунуться даже в теории. Экстерриториальность порта являлась одним из пунктов договора с Логистическим Союзом: рисковать штрафными санкциями в корпоративном парламенте стали бы не раньше, чем скудные картофельные поля сумели бы прокормить всех горожан.

Хью, вместе с парой ассистентов-смертников, оставался в эпицентре событий до последнего. Смертники не знали о своей будущей кончине, а потому волновались, но делали вид, будто вправду бесстрашные. Каждому из них уже достался приличный аванс, вместе с набором смертоносных вирусов, только и ожидавших команды на активацию. Морган старался подстраховываться, а потому оба сопровождающих были обречены.

Антарктический суперкомпьютер в ходе планирования операции учел даже облачность. Спутниковое наблюдение не обеспечивало необходимой детализации, а запущенные на разведку дроны Корпола наводились по алгоритмам поиска похищенного копа. Чтобы отвлечь их от подземного ангара, забитого дешевыми, но агрессивными дистантами, Морган отдал

короткую команду через свой чип.

— Сбивайте.

Сигнал за доли секунды достиг операторов. С десяток мусорных куч воспламенились, когда из их недр влетели в небо компактные ракеты класса «воздух — земля».

Морган аж зажмурился при мысли о том, сколько денег пришлось потратить, выигрывая своему начальству драгоценные секунды. В подлинную цель операции менеджера не посвящали, чему тот был несказанно рад. Всегда лучше верить в обманку, которую он недавно скармливал привлеченному со стороны головолому, нежели докапываться до истины.

Те, кто разбрасывался такими суммами вряд ли оставили бы Хьюберта в живых, прояви он избыточное любопытство. Перепрошивка мозгов дешевле, но, если у тебя есть Y-хромосома, даже перепрошитые мозги нельзя считать надежным хранилищем данных.

09

Суточное дежурство Матильды Кох, комиссара с мандатом от корпоративного парламента, началось с летунов. В полицейском домене это происшествие проходило под четырехзначным приоритетом и почти не влияло на уровень опасности в городе.

Кто-то ломанул двух парней и направил их в добровольный полет из окна на девятом этаже, аккурат напротив старинного форта Сен-Николя, чудом пережившего применение тяжелого плазменного оружия за два десятка лет до этого. Дело затерялось бы в ежедневных отчетах, не окажись один из парней бойфрендом дочери одного из городских чиновников. Немного лоббизма и статус происшествия мутировал в сторону трехзначных приоритетов.

Шесть минут работы связки из комплекта сканирующей аппаратуры и специализированного суперкомпьютера закрыли проблему с летунами: один из них купил с рук то, что принял за электронный наркотик. Неизвестный продавец неосторожно охарактеризовал содержимое носителя как «полный улет» и паре скучающих дебилов этого оказалось достаточно.

Сигнал о похищении из служебной квартиры сотрудницы одного из особых, литерных отделом, поступил не сразу. Злоумышленники талантливо имитировали перебои связи, приурочив их к регулярной очистке магистральных каналов от незарегистрированных подключений и жучков. Однако экспертная система назначила для данного происшествия высокий двузначный приоритет, отстоящий от наивысшего всего на три позиции.

При таком раскладе Матильда была обязана присутствовать при расследовании. Уровень городской опасности при этом отчего-то тоже поднялся до двухзначного.

Солнце еще не взошло, а уже норму неприятностей выбрали, недовольно подумала представительница парламента, осуществляя положенные процедуры для входа в виртуальное пространство повышенной защищенности. Высокий приоритет потребовал отключиться от двух релакс-каналов и поменять прямой нейроконтакт с автомассажистом на программный сценарий.

Немного, однако не слишком убедительно утешало Матильду обещание весомой записи в ее рабочем профиле. На стандартном дежурстве любой двузначный приоритет являлся редкостью, выделяющей сотрудницу в негласном парламентском рейтинге. В ожидании пересмотра годичных квот на обслуживание города это

могло стать одним из третьестепенных аргументов в пользу того или иного контракта ее родной корпорации.

К счастью, рабочая сенс-камера не только поддерживала тонус тела и следила за здоровьем комиссара, но и обеспечивала быстрое подключение к служебным ресурсам.

Пространство контроля за операцией оформили по шаблону, как просторный кабинет с множеством мониторов, круглым сенсорным столом и ненавязчивым музыкальным сопровождением в фоне.

Помимо Матильды в кабинете уже сидели два эксперта, оба мужского пола, а также представительница литерного отдела. Еще над десятком кресел мерцали голографические изображения с меньшим разрешением. Так отображалось присутствие участниц, находящихся «в поле». Эти дамы в настоящий момент не имели возможности полноценно подключиться к собранию — их присутствие эмулировала аппаратура полицейского суперкомпьютера.

Историческую сводку о процессах, которые уже запустили до подключения парламентского наблюдателя к расследованию, Матильда вывела в персональное окно расширенной реальности. Следы уводили под землю, лишая Корпол возможности восстановить маршрут похитителей по записям с патрульных дронов и стационарных камер.

Изотопные метки, «хлебные крошки», которые оставлял полицейский костюм в случае захвата, оборвались одновременно с телеметрией, постоянно уходившей на сервера. Эксперты склонялись к тому, что использовалась техника «матрешки». Полицейскую обездвижили и оглушили на входе в служебную квартиру.

Изотоп начертил траекторию, по которой четыре боевика в маскировочных костюмах несли бесчувственное тело к месту перемещения в изолирующий контейнер. Контейнер в ходе перегрузки «испачкался», но похитители были в курсе стратегий защиты полицейских. Отведя испачканный контейнер на несколько метров в сторону, его погрузили внутрь еще одного контейнера.

Далее отслеживание маршрута велось на основании моделирования и экспресс-анализа мониторинговых устройств, который производился поисковыми отрядами.

— Необходимо пересматривать алгоритмы защиты сотрудников Корпола, — констатировал в виртуальном пространстве один из экспертов. — Для протокола. Стратегия похищения однозначно базируется на утечке служебной информации. Плюс сорок пунктов приоритета фоновым

процессам поиска дыр в защитных контурах Корпола.

Матильда позволила себе легкую улыбку. Экспертная инициатива в ее смену хорошо укладывалась в комиссарское портфолио. Еще несколько таких деталей расследования и место в парламенте на следующий срок практически гарантированно. Корпорация «Артемида» не упустит возможность продвинуть кандидата с наиболее яркой историей.

Поисковые группы наводили суету в подземной части города, полной криминала и проектов, которые могут навредить публичной репутации корпораций. Но след нашли не они, а усиленные группы средств воздушного мониторинга, направленные в районы, отмеченные суперкомпьютером Корпола на основании каких-то сложных аналитических моделей.

Матильда захотела отдать распоряжение о привлечении усиленной группы захвата, но ее опередил один из экспертов. Скорость его реакции была форсирована какими-то нейроэлектронными средствами, что ограничивало время активной работы парой часов. В режиме суточного дежурства комиссар не могла позволить себе такого форсажа. Мимолетная досада растворилась в азарте зрителя из первых рядов.

Рой дронов пропал из системы за долю секунды. «Высокоэнергетическая вспышка», констатировал суперкомпьютер Корпола, получив данные со спутников и удаленных датчиков.

Матильда затаила дыхание. Только что приоритет дела поднялся на еще выше, а уровень угрозы замер на цифре одиннадцать. Город замер в двух шагах от того, что ушлые журналисты называли локальной корпоративной войной.

10

— Мне плевать как тебя зовут, Карл! Ты просто прекратишь сейчас заниматься своим гнусным делом и тогда я не буду ломать твои кости! — Флора приблизилась вплотную к сосредоточенно работавшему Карлсону. Где-то сбоку выразительно прокашлялся Бобби. Свен закопался в аппаратно-медицинскую поддержку взлома, а потому никак себя не проявлял.

Второй слой, подумал головолом, делая шаг навстречу. У женской устойчивости к взлому, как и у всего в известном ему мире, кроме некоторых топологических извращений, была оборотная сторона.

Доктор, кажется, я понимаю женщин, вспомнил Карлсон строчку из какой-то наркоманской байки.

— Все под контролем, Флора. Расслабься.

Побочные эффекты от перевозбуждения нервной системы могли легко прожарить мозги самому Карлу. Обратная аппаратная нейросвязь с женщиной, это как русская рулетка, только никогда не знаешь заранее, сколько патронов в барабане.

Бесполезно просить женщину расслабиться, когда она того не хочет. Как головолом экстра-класса Карлсон узнал об этом на своей шкуре, ещё в самом начале своей карьеры.

Ирония судьбы, ему предстоял утомительный и крайне опасный путь между Сциллой и Харибдой: с одной стороны нейрофизиологическая активность пациентки могла уничтожить его как личность, но с другой эта же энергия требовалась головолому для обмана защитных программ чипа. Психоэмоциональная буря играла роль прикрытия незаконной деятельности.

— Стой, Карл! Давай не будем делать резких движений. Мы можем договориться. Тебе не справиться с полицейской прошивкой. Рейтинг устойчивости больше трех сотен. И сам себе мозги поджаришь и из меня идиотку сделаешь! — девушка пребывала в полном сознании, Карл не допустил классической ошибки стандартных взломщиков и не стал подсаживать пациентку на психотропные вещества. Современные чипы контролировали концентрацию нейромедиаторов, а потому легко определяли искусственную природу таких сбоев.

Ахиллесовой пятой чипа являлась необходимость поддерживать в нетронутом состоянии ту нейрофизиологическую динамику, которую программа воспринимала как естественную. Это был аналог распознавания по принципу «свой — чужой», именно его Карл пытался взломать первым.

— Ты меня ломаешь, думаешь, я этого не понимаю? — Флора ухватилась за шлейф и попыталась выдернуть его из затылочного разъема.

Второй слой, активное противодействие, констатировал Карлсон, отчего-то вспоминая то ощущение, когда он чувствовал себя пэкменом.

Боль, которую девушка причиняла попытками выдернуть чип, тоже входила в программу как необходимый компонент взлома.

Отношение человека и ощущаемой им боли, мистичны. Боль, это концентрат чувств, а чувства — неотъемлемый признак жизни. Через боль и схватки женщины рожали детей до того, как эти чувства научились перехватывать программным путем. Через боль миллионы лет формировалась неразрывная связь матери и дитя. Та самая связь, которую эксплуатировали женские прошивки.

— Не ломаю, а взламываю, — выдохнул он, отправляя по внутренней сети команду Свену. На третьем слое защиты чип допускал механические повреждения разъема для предотвращения выкачивания приватных данных.

Карл работал в нуль, не как охотник за корпоративными секретами, а как спасатель. Исходная версия психики частично дублировалась чипом, а частично органической частью современного мозга. Чипы без этой функции теперь выпускались только на подпольных фабриках и использовались криминалом для самых черных работ. Ими оснащали рабов или камикадзе. Ни те, ни другие никогда не были женщинами.

— Между прочим, между этими понятиями есть существенная семантическая разница, — заметил головолом между делом, неторопливо увеличивая расстояние между собой и полицейской. — Сама потом будешь благодарить. И извиняться.

Выдернуть шлейф Флоре не удалось, но кое-какие успехи в ее сопротивлении были. Действуя на грани болевого шока, девушка слегка расшатала крепления, отчего по каналу связи время от времени шли битые пакеты. К счастью, это было предусмотрено. Более того, существовал аварийный вариант, который уже реализовывался.

— Я не давала своего согласия, — сражаясь как с замком шлейфа, так и с головной болью простонала Флора. Карл пожалел, что не может записать ролик с ее участием — до того жертва взлома была красива в своем страдании. — Это… насилие. Преступление против… свободной воли.

Услышав ее реплику Бобби коротко хохотнул. Да и сам Карл не мог не признать иронию контекста. Свободная воля у чипированных?

До взлома и краша интегрированных программ это звучало как оксюморон. Впрочем, рыба воды не разумеет, ограничения своей воли ощущают только рабы и заключенные — у всех остальных на месте этого чувства стоит мощный блок, без которого ценность чипированного невелика. Когда львиная доля возможностей уходит на борьбу с программными ограничениями, экономический эффект от прошивки стремится к нулю.

— Я сохраню резервную копию настроек, — флегматично пообещал Карлсон, стараясь не слишком отвлекаться на привлекательные формы стоявшей перед ним женщины. — Согласие дашь постфактум. А захочешь вернуться к исходному состоянию, только скажи. Я верну все как было.

В ожидании, когда жертва попадется в лапы важной семантической ловушки он сглотнул, ощущая подступающий сушняк. Отчего-то во время взлома организму часто хотелось пить, но утолить жажду, не отвлекаясь от процесса удавалось крайне редко. Вот и приходилось терпеть.

— Слово джентльмена? — недоверчиво фыркнула Флора, ненадолго прерывая мазохистские попытки вырвать шлейф.

— Я тебя когда-нибудь обманывал? — вопросом на вопрос отреагировал Карл, выигрывая себе еще несколько дополнительных секунд. Прогресс-бар пополнился несколькими зелеными ячейками.

Инкредибл машина для взлома, ноу-хау Карлсона, достраивалась в голове у Флоры. Правда, по соседству помигивал таймер обратного отсчета. До перехода чипа на третий слой защиты оставалось совсем мало времени.

— Я тебя первый раз вижу, — попробовала увильнуть от утвердительного ответа взламываемая.

— Прокол, однако, — осклабился Карл, отвлекаясь от наблюдения за монитором. Привыкшие к клавиатуре ноутбука руки успешно работали слепым методом. — Ты назвала меня по имени, а на мне нет корпоративного бэджика. Палишься, Флора.

Пару секунд они напряженно играли в гляделки. Карлсон мог позволить себе такую роскошь, все его рабочие программы были запущены и отлажены.

— У меня в памяти база опасных мозголомов Европы, — призналась Флора, не желая сдаваться. — Элементарное опознание по биометрическим данным. Триста семьдесят первая позиция твоя. Гордись, пока не отправился пропалывать картошку! Как только я окажусь в зоне устойчивой связи, скрипт отправит ориентировку на тебя в полицию. Незаконный взлом гражданских лиц с высоким социальным рейтингом. Номер статьи подсказать?

— Извини, не поверю, пока не дашь доступ к этой базе. А пока, да или нет — доверишься ли моему благородному порыву? Три секунды на размышление… Раз, два…

Флора моргнула, отвела взгляд и отчаянно дернула за шлейф. Третий слой защиты начал отработку.

Ловушка, выстроенная Карлсоном в краткосрочной памяти чипа, запустилась. По команде, скрытно отправленной Свену, замок на креплениях радиоконнектора — раскрылся. Шлейф вылетел из гнезда. Соединение разорвалось.

11

Не успели обломки дронов пополнить мусорные кучи как Морган отдал распоряжение начать второй этап противодействия Корполу. Понимая, что какая-то часть телеметрии с разведчиков успела уйти на сервера полиции, он активировал закопанные в отходах деформаторы топопривязки.

Эти устройства работали на контрабандных русских плутониевых батарейках; при одной мысли об их стоимости Хьюберту становилось дурно. Но, по мнению вышестоящего руководства, оно того стоило.

Спустя несколько минут вторая волна дронов накрыла свалку, а чуть позже подъехало и наземное сопровождение.

Суперкомпьютер, составивший программу сопротивления, рассчитал все до секунды. В авангарде наземной техники шли автоматические броневики со сканерами и тяжелые дистанты. Ни те, ни другие не могли перемещаться со скоростью дронов, а для машин с людьми на борту существовали и дополнительные ограничения в скорости.

Автоматика выехала на то место, где еще недавно располагалась офисная парковка, прогремели первые взрывы. Снова сказалось неочевидное преимущество свалки, на которой стандартные сканеры электроники и химические определители взрывчатки сходили с ума.

— Босс, это точно было необходимо? — осторожно полюбопытствовал один из смертников. Менеджер хорошо понимал всю подоплеку вопроса. После такого шума копы разберут всю свалку по молекулам, а то и арендуют один из антарктических суперкомпьютеров, скинувшись из своего теневого фонда. Уйти от такой охоты будет нелегко.

— Согласно инструкции, нам необходимо на следующие два часа создать очаг активного противостояния, с использованием всей имеющейся в нашем распоряжении техники. Допускается стопроцентная амортизация всего вверенного имущества и двадцатипроцентный уровень потерь в живой силе, — не отвлекаясь от изучения данных с камер процитировал Морган.

На самом деле, параметры операции были несколько иными. Вместо двух часов в инструкции было лишь сто минут, да и потери рядового состава не имели потолка критичности. Ради выполнения задачи допускалось пожертвовать всеми, кто подвернулся под руку, а если потребуется — повторить.

Хьюберт не лез в дебри корпоративных секретов, но прекрасно понимал, что несколькими этажами ниже

отрабатывается какой-то грязный сценарий: то ли нейтрализация значимой утечки каких-то секретов, то ли наоборот — серьезный промышленный шпионаж.

Даже если руководство задумало осуществить революцию, внеся изменения в существующую модель корпоративного парламентаризма, его дело все равно сводилось к неукоснительному исполнению выданных распоряжений.

Однако, эта исполнительность нисколько не мешала Моргану составлять свою модель происходящего. Похищение сотрудницы Корпола, со взломом и доступом к внутренним секретам полиции, могло означать что кто-то копал под «Карфаген». Из скупого досье на Флору Найтингейл, которое само удалилось через пять секунд после прочтения, менеджер вынес, что речь идет о каких-то зацепках, связанных с деятельностью Сильвера.

Через неделю должна была состояться комиссия по оценке эффективности расходов на защиту демократии, а также сессия парламента с распределением ежегодных квот и лицензий.

Скандал на заседании комиссии мог ощутимо перекроить годовые контракты пяти корпораций первого уровня, а какую-нибудь мелочь с десятизначными оборотами и вовсе пустить на дно.

— Боевые действия, работа по тройному тарифу, — заключил Морган, предпочитая оставаться немногословным.

В теории, он мог позволить себе не кривить душой. Чтобы не оставить лишних следов, системы внутреннего мониторинга были отключены во всех помещениях, кроме лаборатории, а значит разговор мог сохраниться только в памяти Моргана. И то, Хью планировал, добравшись до одного из своих тайников, подтереть себе память для верности. Как говорили древние, многие знания — многие проблемы.

Но говорить с людьми, которых безупречное выполнение программы должно было лишить жизни, не доставляло менеджеру удовольствия. Реплики по делу и минимум разговоров по душам. Тем более, что на втором этапе работы им всем было не до разговоров. Конфликт с Корполом, не перетекающий в войну на уничтожение, предполагал поединок умов. Одно дерево тактического планирования против другого. Победитель был известен с самого начала, но сторона, на которой находился Хьюберт Морган, и не планировала победить. Она вступила в конфликт ради проигрыша на определенных условиях. И ради победы в других играх.

12

Город был стар и помнил много всякого дерьма. За шестьсот веков до старта современного календаря в его пещере Коскэ первобытные люди уже пытались рассказать потомкам о своей жизни наскальными рисунками. Затем вход в пещеру затопила вода и город продолжился на поверхности. Лигуры с фокейцами оставили после себя культурный слой с обломками керамики; после них уже никто не сомневался в том, что место, подходящее для проживания. Поднялись и стали жертвой энтропии оппидумы, деревяннноземельные крепости, оставившие после себя только земляные валы.

Пока римские легионы приводили к покорности жителей Средиземноморья, город сохранял гордую независимость, но затем пришел Цезарь и все испортил. В катакомбах города прятались ранние христиане, окончательно соединив судьбу надземного мира с подземельями.

Город неоднократно захватывали и грабили. Этим занимались сарацины, греческие пираты, отметился в списке Карл Мартелл и арагонские короли.

Людовик XIV распорядился укрепить вход в гавань — так появился форт Сен-Жан, к сожалению, не переживший буйства Новой Реконкисты.

Город помнил ужасы чумы и революции. В конце восемнадцатого века он даже лишился своего имени, какое-то время оставаясь официально безымянным. В двадцатом веке на его улицах убивали королей и министров, а начало третьего тысячелетия и вовсе хотелось вымарать из истории.

К началу двадцать второго века город вернул себе древнее имя и утвердился в качестве корпоративной вотчины, где соединились логистические интересы доброй сотни европейских и североафриканских корпораций. Структуру городского управления разрабатывали и утверждали несколько лет, попутно опустошив или разрушив примерно треть современной застройки, но получившийся в результате союз все равно был крайне хрупок.

Вот почему, стоило суперкомпьютеру Корпола повысить приоритет дела о похищении полицейской до одиннадцати, в недрах крупнейших корпораций началась подготовка к возможному силовому переделу зон влияния. Вся Массалия, от верхних этажей, где ютились маргиналы, до глубоких подземелий, где творились темные дела, насторожилась. Остальной мир, занятый своими делами, остался как всегда равнодушен к происходящему.

13

Как бы ни была сильна серия взрывов, но полностью уничтожить дистантов ей не удалось. Несколько машин оказалось подброшено в воздух, помято, но сохранило часть функциональных свойств. Связь же с ними и вовсе не пострадала, позволив операторам Корпола продолжить атаку. Бронированные транспортеры с копами в тяжелых экзоскелетах только подъезжали к свалке.

Помимо дистантов, перевернувшихся машин было две: в первой сидели операторы, а во второй штильмейстеры, которых за глаза называли стилистами. Их аппаратура тоже не пострадала и уже сканировала пространство в поисках кабелей, по которым могли передаваться данные. Большинство гражданских частот стилисты Корпола заглушили сразу, устроив мертвый штиль для всех посторонних на свалке.

Экскаваторы, потеряв командный канал, еще какое-то время работали автономно, но затем и их заглушили, отправив в шатдаун.

Развернутый над свалкой «купол молчания» Морган воспринял как россыпь уведомлений об отключении от сервисов городской сети. Пока что план не выбивался из допустимого диапазона. Изоляция подземной лаборатории от внешнего мира так и не стала абсолютной.

Распоряжения руководства и внешние данные проходили по вторичной сети лазерной связи, для нейтрализации которой штильмейстерам Корпола потребовалось бы вычислить местоположение всех промежуточных ретрансляторов. По каким-то неизвестным Хьюберту причинам, руководству потребовалось, чтобы изоляцию лаборатории одновременно производили как аппаратные средства подземной базы, так и внешние устройства Корпола.

Один из ассистентов менеджера запустил серию специальных тестов, которые проверяли качество информационной изоляции. Морган одарил смертника мимолетным взглядом. Чтобы с гарантией не попасть в руки Корпола старт работы убийственного вируса пришлось подвесить на скрипт «мертвой руки», размещенный на одном из локальных серверов. Условием отработки скрипта Хью назначил полное подавление контрольных устройств вокруг лаборатории и на ее первом этаже, Даже если к этому моменту кто-то из ассистентов выживет, спасти его сможет только попадание в изолирующий контейнер, подобный тому, который использовался для доставки девушки в лабораторию

«Паталы».

Количество устройств уже сократилось до трехзначного числа и продолжило сокращаться по мере того, как дистанты Корпола расчищали квадрат за квадратом. Как бы ни старались внешние операторы, управляя защитными системами, на стороне корпоративной полиции было преимущество: в опыте, технике, праве применять тяжелое оружие.

Пара направленных взрывов уже расчистила для полицейских тропу к первому подземному этажу. Прежде, чем запускать по ней штурмовые машины, Корполу требовалось подавить несколько огневых точек, расположенных в глубине фальшивых мусорных куч.

Морган в очередной раз сверился с графиком. Загруженный в чип примитивный бот с инструкциями предписывал дождаться проникновения первых дистантов в подземелья и только потом начинать эвакуацию.

Менеджер вздохнул и начал отсоединять шлейф прямой передачи данных от своего чипа. Закачка по радиоканалу больших объемов данных обещала отозваться приступами головной боли, однако круглая сумма на одном из банковских счетов компенсировала будущие неудобства.

Никогда Моргану еще не платили так щедро за работу, которая сводилась к функции мобильного ретранслятора. Без организованной сетевой изоляции сканирующая аппаратура Корпола уже определила бы ее координаты. Следующий шаг штурмующих Хью мог предсказать и без обращения к экспертным системам. Без знания места, в котором держат полицейскую невозможно применять весь диапазон тяжелого вооружения. Он с ассистентами тоже неспроста болтался на минус втором этаже. Пока приборы фиксируют наличие биологических сигнатур под землей это связывает полиции руки. Но это только до захвата первого этажа. После ничего не помешает Корполу пустить впереди себя не только дистантов, но и усыпляющий газ.

Вот потому план операции предусматривает беготню по хитрой траектории, техническими коридорами, с множеством помех и одним сопровождающим — на случай, если сканеры отследят на каком-то участке пути сигнатуры людей сквозь толщу земли. Один человек, бегущий куда-то вдаль, с высокой долей вероятности является похитителем, но когда их двое, то один из них мог оказаться похищенной девушкой на «поводке» дистанционного управления.

На пути предусмотрены технические остановки, а также участки, где связанный с чипом радиоконнектор будет связываться с лабораторией. Этот узкий и тщательно

зашифрованный канал инициируется только Морганом, чья задача принять пакеты и добежать до следующего участка, на котором тот же коннектор получит кодовый сигнал, по которому передаст их дальше.

Разумеется, со временем Корпол пригонит толпы специалистов, доставит из города тонны аппаратуры, с помощью которой восстановит последовательность прохождения сигнала. Но к тому моменту полученные в ходе допроса данные уйдут заинтересованным лицам, а те исполнители, которых не отвезут в морг на просвечивание мозга, благополучно сменят личность и переберутся куда-нибудь в Марокко.

На случай, если руководство решит оставить его на расправу корпоративной полиции Хьюберт подстраховался, оставил несколько файлов с компроматом в нейтральных дата-центрах. Менеджер знал, что о руководство в курсе такой подстраховки, а потому не слишком сильно беспокоился за свое будущее.

Согласно информации бота, он являлся наиболее информированным лицом на базе. Головолому, как стороннему лицу, выбранному по рекомендации антарктического суперкомпьютера и подлежащему тотальной перепрошивке по завершении взлома, сказали, что достаточно простого обнуления. Даже если Корпол получит запись с его чипа и мозгов, это не испортит операцию.

Чуть сложнее со Свеном. Он высококлассный чип-ридер и его будут потрошить с особым старанием. Однако, роль Свена полностью предсказуема. Даже сейчас в Корполе знают, что кто-то мониторит параметры ломаемого чипа, не давая возможности девушке уйти в кому. С большой вероятностью тот же человек, по завершению взлома, будет задавать вопросы и получать правильные ответы.

Однако, дерево прячут в лесу, а ключевой вопрос, ради которого затеяна операция, надежно укрыт множеством других вопросов. Тот же бот, который загружен в чип Свена, по завершению допроса перезапишет историю, добавив к настоящим вопросам с ответами еще несколько сотен фальшивых. Информационная бомба взорвется раньше, чем получится отделить зерна от плевел.

И наконец Бобби. Ироничный и скучающий Бобби, который уходит в запой каждый раз, когда проходит месяц без какого-нибудь убийства. Он в красном списке Корпола и приложит все силы для того, чтобы не попасть в их руки. Его задача проста, но скрыта от остальных участников. Флора Найтингейл не выйдет живой из лаборатории.

Бобби проинформирован, что пакет с данными о пути

безопасной эвакуации будет передан на его чип только после того, как следящая аппаратура зафиксирует смерть девушки.

Других способов выбраться из лаборатории для боевика и двух его сообщников нет. Сама лаборатория будет выжжена дотла автоматикой, стоит Корполу приблизиться к ней на условное расстояние.

И вся эта тщательно продуманная система завязана на нем, Хьюберте Моргане. На человеке, который будет собирать данные из гигантского «черного ящика» и отправлять их по неизвестным адресам. На том, который будет делать это до тех пор, пока рядом с ним, в зоне приема радиомодема фиксируется сигнатура хотя бы одного из ассистентов. Умрут они — развалится то нагромождение переменных и ретрансляторов, оставляя полицейским бессмысленный клубок кабелей и приемо-передающих устройств.

Единственное, о чем помимо безукоризненного выполнения инструкций следовало беспокоиться менеджеру, так это о том, чтобы тот ассистент, который отправится с ним в забег по подземельям не свернул себе шею где-нибудь в технических тоннелях. Точнее, чтобы он не сделал такой непозволительной ошибки до того, как завершится допрос полицейской.

14

Работа головоломом подразумевала определенную профессиональную деформацию. Никто не отрицал неизбежность когнитивных искажений и расстройств самоидентификации у ломщиков чипов, но подавляющее большинство тех, с кем работал Карлсон, хронически не разбиралось в данном вопросе.

Максимум, на что хватало этих недотеп, почитать составленную нейронными алгоритмами сводную записку по немногочисленным исследовательским материалам на данную тему, а затем регулярно сверяться с ней, чтобы хотя бы пытаться говорить с головоломом на одном языке.

Однако, подавляющее большинство материалов касалось легальных головоломов, причем работающих с мужскими чипами. Периодически в ломщики уходили квалифицированные чип-ридеры, однако их техники, как правило, базировались на уязвимостях в аппаратной части.

Те специалисты, которые могли хотя бы читать женщин, то ли не попадались исследователям, то ли материалы о них кто-то старательно изымал даже из платного доступа.

Нелегальному головолому в Массалии мало обладать навыками взлома чипов, что мужских, что женских.

Если изучил от корки до корки открытые и приватные спецификации по всем современным линейкам, разбираешься в кастомизированных прошивках и даже имеешь опыт взаимодействия с клиническими случаями, когда чип превращает носителя в психопата — ты еще не головолом. Так, полагал Карл, делавший акцент на другие стороны своей работы.

Он считал, что в первую очередь головолому необходим навык выкручиваться из хитрых, глубоких извилистых жоп, в которые то и дело направляют его заказчики.

Какой прок от твоих навыков, если после удачного взлома тебя наглухо перепрошьют или разберут на донорские органы?

Вот почему, спускаясь в роскошном лифте на один из подземных этажей Карл всерьез задумался: суждено ли ему когда-либо вновь оказаться на поверхности? Не распухла ли его профессиональная репутация настолько, что вот-вот задавит, ненадолго опередив могильную плиту?

Ему не нравилось происходящее. С самого начала, со звонка Диал-Апа в жизни пошла полная хрень по всем направлениям. Казалось, Карлсона преднамеренно выбивали из привычных жизненных ритмов и поведенческих моделей, незаметно влияя на психику, замедляя все реакции.

Сначала путешествие до Подмостков: не повседневное, велорикшей по поверхности, даже не понтовая, стоящая кучи денег поездка в беспилотном такси, а пешедральство — во время комендантского часа, по криминальным катакомбам.

Затем минимум времени на размышления, дезориентация в пространстве, психологическое давление Бобби, который явно имеет серьезные проблемы внутри своей черепушки.

Карл старался не глядеть в его сторону — гарантий, что пушка со снотворным предназначена лишь для взламываемой женщины не было никаких.

Третий в команде взлома, обеспечивающий аппаратную и медицинскую поддержку, являлся и вовсе «темной лошадкой».

Головолом ни на секунду не забывал о том, что пульт, за которым работал Свен, может обеспечивать более широкий контроль — не только за состоянием Флоры, но и за какими-либо скрытыми функциями лабораторных механизмов. Да и сама Флора тоже являлась проблемой, которую вряд ли можно было бы поставить на последнее место по важности.

Карлсон пытался вспомнить, откуда ему известна эта девушка, но в памяти зияли характерные провалы от аппаратных подчисток или блокировок.

Внутренние ощущения, делающие каждый взлом неповторимым, пребывали в недоумении. Вроде бы ему уже приходилось взламывать Флору — то и дело информационные пакеты порождали нездоровое чувство deja vu. Но были ли это совпадения, вызванные какими-то программно-аппаратными стандартами или же за ними крылось что-то еще?

В жизни Карла было очень много женщин. Они приходили, уходили, пытались его соблазнять и соблазняли. Кого-то он взломал и отпустил в свободное плавание, кто-то пытался задержаться в его жизни надолго.

Склонность женщин менять свой имидж и внешность приводила к тому, что за пределами внутреннего каталога и системы распознавания лиц все клиентки Карлсона сливались в некую единую метаженщину, раз за разом умоляющую взломать персональный чип.

Отношения с этой метаженщиной у Карлсона худо-бедно складывались: проблемы возникали только с ее частными случаями, подобиями аватар многоликого женского божества, которые распознавались каким-то иррациональным чувством.

Несомненно, Флора была одной из проблемных аватар. Даже в самом начале взлома Карл чувствовал невесть откуда взявшиеся смущение и неловкость. Долгое время ему казалось, что эти подростковые анахронизмы он оставил далеко в прошлом, в

далекой эпохе до первого сеанса нейростимуляторов. Скорее всего, эти чувства проецировались из скрытых закладок чипа, которые никак не удавалось подчистить самостоятельно.

До попадания в лабораторию Флора определенно копалась у него в мозгах. Теперь же роли поменялись и Карл старался понять, чего ему ожидать от разворота ситуации на сто восемьдесят градусов.

Ладно третий слой защиты её чипа. Это неприятность, но учтенная в планах. А ну как у него в закладках дожидается кодового события или сигнала извне какой-нибудь скрипт возмездия?

Когда Фиона выдернула шлейф из затылочного разъема, Карл напрягся. По его представлениям именно сейчас был самый подходящий момент для нанесения удара по его мозгу. Аппаратное соединение разорвано, но вместо него установлен специфический раппорт.

Программы, загруженные в чип Фионы, начали свою работу, вытесняя чужие программы из её поведенческой модели.

Предупрежденные заранее ассистенты насторожились, но доверились головолому, как монопольному обладателю ключей, активирующих те или иные внедренные скрипты.

А вот вам и временная страховка, злорадно подумал Карлсон, представляя как, должно быть, недоволен сейчас Хью Морган, подсматривающий за ходом взлома откуда-то извне.

По сути, к данному моменту чип уже сражался сам с собой. Одни алгоритмы вступали в конфликт с другими: корпоративные алгоритмы апеллировали к адресам сетевого арбитража, но не получали ответа.

В отличие от них, алгоритмы-взломщики, мало того, что были ориентированы на самостоятельные действия, но и могли получать косвенную поддержку от Карла — через психоэмоциональную связь и лаконичные пакеты от чипа к чипу, которые можно принять или получить даже без доступа к инфосфере, кодированным лучом или беспроводным соединением.

Свен с Бобби оставались сторонними наблюдателями. Их информационные пакеты чип Фионы отсекал автоматически. Пускай и несколько сомнительные маркеры с отметкой «свой» присутствовали только в сообщениях от Карла.

— Ты! — очевидно, Флора не ожидала, что какая-то из попыток избавиться от шлейфа увенчается успехом. Настроившись на сопротивление, она была изрядно дезориентирована мнимой свободой.

— Мы, — не отвлекаясь от работы с ноутбуком поправил

взламываемую девушку Карл. Теперь, когда телеметрия сократилась в разы и стала обрывчатой, началась его настоящая работа. До этой стадии еще мог дойти классический головолом, однако дальше требовались уникальные навыки.

Карлсон отступал от строгих алгоритмов, ремесло преображалось в искусство, а он сам — в скульптора, способного разглядеть прекрасную фигуру, скрытую в глыбе необработанного мрамора. Пускай все женщины мира сливались для него в многогранное единство, к каждому взлому он подходил строго индивидуально. Быть может именно это и позволяло ему работать с женскими чипами.

15

Полицейское отделение финансировали все региональные отделения корпораций. Это означало, что копы имели в своем распоряжении достаточно техники, а также тренажеров для прокачки операторов, толстые каналы доступа к внешним суперкомпьютерам поддержки. Более того, они делили с корпоративным парламентом отдельный искусственный интеллект класса Б.

В эффективности такой комплектации Хью Морган убедился очень и очень быстро.

Для начала, копы не стали возиться с разбором завалов, а скинули координаты для тактической артиллерии города. Пара залпов вакуумных бомб вымела или раскидала в стороны большую часть заградительных куч, вместе с техникой, которую там разместил Морган.

Менеджеру оставалось только скрипнуть зубами. План обороны подразумевал еще две серии коварных ловушек, которые должны были задержать полицейские машины на несколько минут. С единичными дистантами, проникшими на первый подземных этаж защитный периметр как-нибудь справился бы. Потери в перестрелке с полной формацией были заметно выше запланированных.

Рабочий график пока еще не нарушался, но грозил при любой последующей осечке завалиться в область высоких рисков.

Сетку лазерных ретрансляторов полицейские уполовинили, не сдерживаясь в расходе боекомплекта.

Моргану показалось, что операторы противника сражались с каким-то аномальным остервенением, будто знали что-то, что не сообщили ему. Виртуальная модель обороны, на базе которой осуществлялась координация действий, не успевала перестраиваться.

В других условиях, без выставленного над свалкой купола молчания, автоматические экспертные системы обратились бы к суперкомпьютерам, антарктического консорциума, чей нейтралитет и продажность успели стать неотъемлемой частью бренда. Но информационная изоляция сделала свое черное дело.

Глубина обработки данных на стороне Корпола оказалась больше, раз в несколько секунд какой-то из защитных дистантов попадался в логическую ловушку и получал повреждения.

К счастью, руководство Моргана предусмотрело и этот дисбаланс на поле боя.

Зашевелились, просыпаясь от сна, автономные армейские

системы, пару лет назад обманом списанные со складов хранения. Тормоза у этих вояк были скручены по закону о криптозащите систем «свой чужой». Капитально скручены, с намертво запаянными каналами: перекупить эту партию удалось без кодов распознавания, да и то под предлогом отработки алгоритмов наиболее эффективной промышленной утилизации. Попадать на мониторы целеуказателя боевых комплексов не рекомендовалось, в этой партии они играли против всех.

Стратеги Корпола быстро учились. Через несколько минут огненного контакта дистанты с обеих сторон активно использовали мусор в качестве укрытия. Но тут разработчик оборонительной модели явно не доработал.

Экспертные системы полицейских пошли еще дальше, используя вышедших из строя дистантов в качестве щитов. Активная сегментная броня продемонстрировала несомненное преимущество перед утилизированной техникой и строительными блоками. «Богомолы» полиции добрались до сложившегося подобно карточному домику модульному строению первого этажа.

Целеустремленность их движений говорила о качественной аналитической поддержке, позволившей быстро расставить приоритеты и не отвлекать тяжелых дистантов на расставленные поблизости обманки.

Цветовой индикатор соответствия реальных данных разработанной модели, который Хьюберг расположил на краю расширенного пространства, потихоньку менял цвет с насыщенного желтого на оранжевый.

Морган в очередной раз подглядел за развитием дел в лаборатории. Изучать на ускоренном воспроизведении записи с камер было неэффективно, но зато существовал служебный чат и его логи.

Свен сокрушенно докладывал о невозможности перехвата процесса в ближайшее время. Методы привлеченного головолома оказались несовместимы с детальным мониторингом процесса. То ли этот Карлсон подстраховался от кражи своего ноу хау, то ли избегал чужого вмешательства в ход ломки.

Бобби наглухо забил на регулярные отчеты в журнале и, казалось, просто наслаждался происходящим.

Тем не менее, запрос к узлу обработки говорил о полной готовности мистера Пескаторе нашпиговать инъекторами всех присутствующих. Флору в прицеле боевик держал столь качественно, словно обладал имплантатами для автоматического ведения цели.

В деталях взлома Хьюберт не разбирался, но на такой случай

у него был Свен и автономный аналитический модуль, в который незадолго до операции оказались загружены материалы по стратегиям головоломов.

И Свен, и модуль одинаково не понимали, что именно делает приглашенный специалист. Разрыв соединения через шлейф лишал доступа к актуальным параметрам Флоры. Реконструкция велась на базе вторичных замеров от датчиков, распределенных по всему пространству лаборатории. Увы, селективность у этих приборов была никакой: то, что удавалось собрать, приходилось очищать от излучений с чипов Карлсона и Бобби. Но даже то, что с серьезным запозданием получал Свен, казалось чудом.

В отличие от обороны «Паталы», взлом шел с явным опережением графика. Конечно, план составлялся с приличным запасом прочности, но и современные версии чипов всегда преподносили неприятные сюрпризы. Тут же Карлсону удалось каким-то образом натравить одну защитную часть прошивки на другую, нейтрализовав наиболее опасные реакции.

Долгое время, пока операция только планировалась, Морган не понимал, отчего антарктический суперкомпьютер настаивал на привлечении этого странного головолома. Казалось, добавь мощностей, привлеки более надежных специалистов, двоих или даже троих — и выйдет на порядок надежнее.

Досье на Карлсона выглядело настолько непрезентабельно, что впору было думать об ошибке или акте саботажа. Но женщин головолом взламывал даже с тем минимумом оборудования, которое он таскал с собой.

Судя по логам, файлы которых Свен аккуратно подшивал к делу, вся собранная для проведения операции современная аппаратура являлась для Карлсона лишь набором инструментов поддержки.

Позволив себе отвлечься от действий полиции, Хью немного помечтал о том, как мог бы использовать такого уникального специалиста. Ошеломительным перспективам обогащения мешала только финальная стадия операции, которую головолом с высокой вероятностью мог не пережить.

16

Когда девушку звали Глорией, она ухитрилась запутаться в самой себе.

В мыслях о собственном предназначении, восприятии мира, гардеробе и косметичке, настройках персональных девайсов, памяти о прошлом и даже в голосовом помощнике, которого приходилось цеплять как клипсу во время работы над особо важными заданиями.

Ей бы зацепиться за что-то несомненное да пройтись по сетке ассоциативных связей, но скомпрометированы оказались все данные, включая ключи доступа к бэкапам сохраненных на случай взлома воспоминаний.

У себя в отделе… а служила ли она там, или же работу придумал кто-то другой, в качестве тарана, пробивающего психику… какую психику? Откуда у нее психика и зачем Глории то, что может быть повреждено работой?

Если исходна душа, о которой во время Новой Реконкисты… а что это вообще такое и откуда она помнит этого Карла, который был одним из подозреваемым во взломе третьего секретаря Валерии Барбат, одного из региональных директоров…

У Глории не было выхода из калейдоскопа. Сознание внезапно стало фасеточным, равномерно распределившись по времени и памяти. Глория растворялась в этом состоянии — отдельные очаги сопротивления боролись за существование, но уже без надежды на успех. Это была агония мимолетного, которое нехотя уступало себя вечности.

Глория растворилась почти вся, когда где-то на задворках своего мозга вспомнила о собственном существовании Флора.

Это взлом, подумала Флора, концентрируя себя вокруг ничтожно малой песчинки своего имени. Подобно жемчужине, заглянувшей в прошлое, девушка воспринимала текущее время отстраненно, как один из множества информационных каналов сети, контент которого не содержал внутренних сертификатов соответствия.

В текущем моменте следовало убедиться, но для любого убеждения Флоре требовалась точка опоры: настолько несомненное эго, чтобы при сопоставлении с ним реальность либо отторгала себя, либо принимала как есть.

Перед глазами маячило лицо. Или лица, если одна фасеточная картинка наплывала на другую.

В одной из этих реальностей лицо перед глазами сопоставлялось с именем, которое ему не принадлежало.

Впрочем, в этой реальности и Глория не очень четко разбиралась в своих именах.

— Это же не последняя наша встреча? — спрашивала она в крошечном фасеточном фрагменте. Там же, или где-то по соседству она же разрывалась между желанием прижаться к собеседнику, обнять его, расцеловать, никуда и никогда не отпускать и недавно подавленным служебным долгом, который призывал достать полицейский шокер.

— Сложный вопрос, — Сильвер робко улыбнулся и протянул немного подрагивающую от напряжения руку чтобы провести по длинным волосам.

Странно, тогда она была брюнеткой. Естественной брюнеткой с волосами на половину спины. Средства для ухода за этой роскошью были роскошью по второй, если не третьей производной. Этакий коридор зеркал, в который приходилось смотреть уже по той причине, что ничего другого не было.

Время от времени, подобно третьесортной рекламе на бесплатном канале всплывало лицо какого-то лохматого Карла. Ей сообщали о взломе, но она не ощущала никакой информационной атаки. Если та и происходила, то где-то вне того «сейчас», в котором жила девушка.

— Можно себе представить, будто мы никогда не расставались, — вздохнул Сильвер, вставая с кровати. — Это не так сложно сделать, если вспомнить, кто ты такая. Просто не пытайся быть больше самой себя. Ты уже такая, к чему больше. Тогда она не поняла, о чем говорит этот человек. Но он встал, неторопливо оделся, пару раз пшикнул ингалятором.

Этого никогда не было, потому и не попало в полицейский отчет. Спустя три часа она стояла над этим же телом, только уже остывающим. Какая-то из корпораций вела собственное расследование, но ошиблась с выбором цели. Конечно же, боевики с индульгенцией от Корпола застрелили не того.

Глория убедилась в этом не отходя от трупа: на криптоканале сепаратистов, доступ к которому имел каждый сотрудник ее литерного отдела, Сильвер, в цифровой маске, такой незнакомый и непохожий, как ни в чем ни бывало вел свою агитацию.

Как всегда, в прямом эфире, это Корпол проверял в самую первую очередь. Рациональная логика пасовала, указывала на десятки и сотни несоответствий, от каждого из которых Флора вздрагивала, а Глория делала вид, будто ничего этого никогда не было.

Они никогда не встречалась с Сильвером. Ложные воспоминания. Она работала в отделе, который занимался поисками и поимкой этого преступника. На сервере этого отдела

имелась папка с двумя десятками человек, которые уже расстались с жизнью из-за ошибок Корпола. Иногда Глория присоединялась к мнению коллег, и верила в то, что Сильвер это переходящая маска, миф, образ для маргиналов. Что корпоративная полиция несколько раз убивала, задерживала, допрашивала, потрошила мозги очередному Сильверу, но на его место вставал другой.

Небритая рожа, то и дело появляющаяся то ли в памяти, то ли в каком-то варианте реального мира, не выглядела спасением от навязчивых воспоминаний. Грань между спасением и спасателем Флора проводила достаточно четко, сама не зная для чего и по каким критериям.

Образы не совпадали, но и сама девушка точно так же не совпадала с воспоминанием о самой себе. С учетом данной погрешности все выходило странно, но противоречия отступали на второй план, пересобирая образ мира в новую, более логичную конфигурацию.

17

Больше крупных денежных сумм, попадавших на его счета, Бобби Пескаторе любил себя, стрельбу и красоту. Именно в такой последовательности он расположил свои приоритеты, изрядно удивив родителей тем, что деньги оказались только на четвертом месте.

Впрочем, родителей он застрелил на редкость красиво, одним выстрелом прочертив кровавую линию от отцовского сердца к сердцу мачехи. Родная мать Бобби скончалась от скоротечной ватиканки, мутировавшего боевого вируса, которым неохристианские радикалы очищали Европу от неверных сразу после Большой Депопуляции.

Маленький Бобби недоуменно смотрел на читающего псалмы священника, языки пламени в печах крематория — и не понимал, куда делась мама. Позже, отец показал ему ячейку в колумбарии, угостил глотком дешевого пойла, а затем попытался неуклюже утешить мальчишку.

Именно тогда, вместе с первым опьянением, которое наложилось на детскую травму, определилась судьба Бахрадина Абади, потомка беженцев из Оверни, будущего Пескаторе, Убойного Бобби.

Смерть приподняла свою вуаль, открыла парню свои красоту и величие. В ней не было греха, нужды и тягот. Все, что требовалось от смерти, быть красивой. Красота могла бы стать лидером в списке приоритетов, не будь там того, кто спустя несколько лет станет топовым боевиком по имени Бобби.

Но, к чести красоты, та долгое время удерживала вторую позицию, до тех пор, пока не уступила стрельбе.

В стрельбе гармонично соединились все ценности, которые поместились в топ Бобби. Она была красива, как сама по себе, так и в качестве инструмента, благодаря которому на счетах появлялись крупные денежные суммы.

Она была бесценна — неповторимым выражением лиц, в тот момент, когда жертва встречала свою пулю. Люди словно отвлекались от круговорота несущественного и лицезрели безусловную вечную истину, что жертвы, что присутствующие в качестве зрителей.

Иногда истина дарила жертвам смерть — этот дар Бобби помещал на пятую позицию в своей системе приоритетов, чуть ниже денег. Выше смерти уже не было места: убивай он не ради денег, это повредило бы ценности номер один.

Периодически Бобби нанимали не для убийств.

Работодателям оказался по душе эстетический подход к выполнению заказов. Убитые, раненые или похищенные боевиком, выглядели фотогенично как в полицейских сводках, так и в записях с требованием о выкупе.

Это оборачивалось повышенной сговорчивостью тех людей, которым довелось оказаться насильно приобщенными к чувству прекрасного.

В подземную лабораторию, с несерьезной пушкой и неприятностями на горизонте Бобби пришел долгим извилистым путем. На этом пути нашлось место для пары очень грязных заказов от больного на голову посредника, пожара на российском зерновозе, не дошедшим до Антверпена каких-то сорок пять миль, необходимости заменить почку на донорскую и пары не слишком случайных встреч с людьми Сильвера.

Помимо этого, история могла легко утонуть в алкоголе разной паршивости, сгореть от неосторожного прикосновения к старому кабелю высокого напряжения или разлететься по миру пригодными для коммерции органами из-за не в меру эмоционального спора о картинах Дега.

Бобби уже давно ходил по краю и считал такое положение дел естественным. А что естественно, то не безобразно. Он старался быть честным, отчего не отрицал своей принадлежности к профессиональным говнюкам.

Непризнанный миром рыцарь эстетического то и дело довольствовался малой красотой. Заняв роль контрольного элемента в сложной многофакторной системе, Бобби наслаждался наблюдением за танцем, который разворачивался на противоположном краю гипотетической траектории пули.

Головолом, похожий на бомжа, только что вышедшего из запоя, положил ладонь на панель закрепленного на другой руке ноута и медленно отступал от двигавшейся неуверенной походкой красотки в полицейской форме.

Девушке мешала нейромедиаторная буря в мозгах. Она затрагивала не только центр Брока, варолиев мост и области памяти. Сбои то и дело накрывали мозжечок. Одна из базовых функций чипа пыталась вмешаться: управлять мышцами и сохранять равновесие. Механика старательно разбивала каждое движение на множество мелких, выстраивала их в сложные цепочки, запускала следующее действие только когда завершалось предыдущее.

Динамика выходила совершенно нечеловеческой, отчего Бобби приходилось то и дело одергивать себя, утешаясь мыслями о том, что запись с нескольких камер уходит к нему на портативный накопитель.

Адреалиновые очки легко переключались с камеры на камеру, позволяя выбирать наиболее красивый ракурс для расширенного образа реальности. Третьим полупрозрачным слоем ложились окна с командным чатом и системной информацией. Благодаря чату Бобби не выстрелил, когда Флора избавилась от шлейфа.

Не выстрелил, но эстетику подхода оценил, а попутно вспомнил о том, что в одном из внутренних карманов лежит четыре настоящих патрона. Без дураков и дурацкой химии, превращающей человека в безвольную кучу органики, которую даже алгоритмы чипа не сумеют поднять на ноги. В представлении Бобби именно так и выглядело безукоризненное выполнение распоряжения «никакого летального оружия». По одному патрону на человека, неотчуждаемый минимум.

В теории, Бобби мог с легкостью умертвить всех в лаборатории, не прибегая к огнестрельному оружию. Тут имелась аппаратура под напряжением, в чипе хранилось полдюжины боевых вирусов, да и задумай он действовать голыми руками, только у Флоры имелся призрачный шанс отразить смертоносную атаку.

По мнению Бобби, любое оружие являлось летальным или поддельным. Даже водным пистолетиком можно забить человека до смерти, если как следует постараться.

Единственным источником беспокойства являлись закодированные провалы в памяти. Чип определенно содержал чужие скрипты, то ли корпоративные, то ли от людей Сильвера. А это означало, что рядовое задание, пусть и проходящее в почти изолированном от внешнего мира подземелье, могло в любой момент превратиться в авантюру с неизвестными вводными.

В отличие от Карла, Бобби был вынужден моделировать сразу несколько разнородных сценариев, от полного уничтожения лаборатории, вместе со свидетелями и записанными на локальных устройствах данными, до побега вместе с любым из наблюдаемой троицы, без возможности ликвидации всех остальных.

Базовые модели реагирования Бобби сформировал и даже прописал к себе в чип еще возле аквариума. Это не избавляло мистера Пескаторе от необходимости вносить уточнения, а параллельно, любоваться танцем похожей на марионетку полицейской и бомжа-кукловода, который взламывал ее, пользуясь только ограниченными возможностями радиоканала да отрывочными репликами вслух.

18

Первое время Карл выступал в роли дирижера. Короткие команды, проходившие через технический канал, исходно предназначенный для бесконтактного соединения с персональной техникой, вроде того же ноутбука, уходили в чип Флоры, подхватывались заброшенными туда же скриптами, отзывались короткими всплесками тревожных сообщений и системных предупреждений.

Однако, совсем скоро их стало недостаточно. Чип сопротивлялся взлому, перезаписывал свои алгоритмы в краткосрочной памяти человека, прорастая в уже отвоеванных сегментах при попытке их использования.

Хуже всего приходилось Флоре, внезапно ставшей полем боя двух программных наборов, каждый из которых опирался на ее аппаратную базу, а попутно претендовал на контроль за функциями мозга.

Если бы шлейф не был отброшен в сторону, контрольная аппаратура фиксировала бы признаки, характерные для тяжелых программ, которые создавались эволюционными методами на базе моделей активности мозга под ЛСД.

Сознание путалось, дробилось, искажало само себя. Любое воспоминание, на которое опиралась Флора, тут же становилось приоритетной целью чипа. Участвовавшие в активации воспоминания нейроны брались под контроль. Алгоритмы как одной, так и другой стороны конфликта вербовали их, записывали свой код, растрачивали драгоценные нейромедиаторы, чтобы те не достались противнику.

Эхо нейрофизиологического кошмара отзывалось в чипе и психике Карлсона. От этого шторма чувств, образов и системных сообщений можно было достаточно легко закрыться, многие головоломы без дополнительного брандмауэра не работали. Но те же головоломы, с другой стороны, никогда не ломали женские прошивки.

Карл сделал отсутствие такой защиты частью своего метода. Вместо того, чтобы отстраненно наблюдать за прогрессирующим безумием Флоры, вычленяя из аварийной трансляции ключевые моменты, он тонул вместе со своей жертвой.

У полицейской и головолома было не слишком много точек соприкосновения. Одни и те же образы, накладывались на ассоциативные связи двух сознаний, порождали разные отклики.

— Шум…

У Карла было преимущество. Его чип не подвергался

хакерской атаке, у него имелся опыт подобных состояний. Он и предложил Флоре первое слово.

Короткое, емкое, легкое в произношении. Чтобы легко доходило до сознания и взывало к такому же легкому ответу.

У Флоры к тому моменту уже не оставалось сил на сопротивление.

— Уши, — простонала полицейская, невольно наклоняясь в сторону головолома.

Так начался их диалог. Бредовый, с короткими емкими репликами, практически без глаголов.

Для Флоры голос Карла стал подобием спасательного круга, безусловным сенсорным и семантическим якорем. В конфликте, который устраивали алгоритмы с участием ее памяти, он был защитой от безумия. Инстинкт самосохранения взывал к поиску точки опоры, пользуясь которой можно было выстроить защиту для психики. Искал и находил ее в голосе Карлсона.

Раз за разом Карл вбрасывал слова, ловил ассоциации, возвращал их полицейской. Укрепленные ассоциациями и внешней поддержкой связи становились целями для алгоритмов, но тут у стороны, которую представлял головолом, имелось преимущество.

Большинство ассоциаций могут быть предсказаны с достаточно высокой вероятностью. В условиях современной жизни многие аспекты жизни человека регламентированы. Скажи горожанину «панель», он вспомнит либо о продажной любви, либо о солнечной энергетике.

До фокуса с чтением мыслей тут еще далеко, но Карлу и не требовалась стопроцентная точность. Скрипты, закачанные на чип Флоры были забиты ключевыми словами. Каждая ассоциация продвигала взлом к успешному завершению.

19

С того момента как прогремели первые взрывы информационных окон в расширенной реальности Матильды стало втрое больше.

Преодолев многоступенчатую проверку безопасности, к рабочему массиву данных подключились ее персональные аналитики. Помимо типовых задач, которыми занимались специалисты Корпола, на этих сотрудников легли дополнительные задачи по составлению моделей развития ситуации. Конфликт такого уровня подразумевал неизбежные последствия не только политического характера, но и реакцию городского рынка.

Кроме того, воспользовавшись оказией, к делу получили доступ представители «Артемиды», для которых происшествие могло стать рычагом воздействия на замешанных конкурентов.

Муниципальный дата-центр оперативно выпотрошили несколько волн хакеров. Первыми сливки снял Корпол, но другие корпорации не слишком сильно отставали от полицейских.

— Первый, кто по итогу владеет свалкой?

Матильде пришлось воспользоваться медикаментозной поддержкой для того, чтобы ощутимо ускорить свое восприятие, а также распределить внимание на несколько независимых потоков. Несмотря на то, что такая химия негативно сказывалась на здоровье, комиссар хваталась за уникальный шанс сделать себе карьеру.

Когда, как не в таких ситуациях, можно проявить себя как талантливый политик?

— Сорок три процента цепочек владения закольцовано и являются по факту только формой сокрытия, — доложил эксперт Первый, — Первично участком владеет муниципалитет, на основании городского устава. Комиссия по эффективному использованию городских активов выделила эти земли в отдельную группу, определив для использования под свалку восемь с половиной лет назад. Участие корпорации «Артемида» в деятельности комиссии документально зафиксировано, однако на тот момент председателем являлась Валерия Барбат, парламентарий от «Карфаген Индастрис», позднее ушла в совет директоров на младшие позиции.

Далее комиссия выпустила набор ценных бумаг, дающих право использования земель под временное хранение муниципальных и промышленных отходов на три десятка лет…

Тем временем в соседнем окне эксперт Второй разворачивал

инфографику с довольно скудной реконструкцией возможных причин похищения полицейской. Литерный отдел, как удалось выяснить через своих людей в Корполе, выделился специализацией на Сильвере. К сожалению, проникнуть в сам литерный отдел агентам «Артемиды» то ли не удалось, то ли утекало оттуда в родную корпорацию Матильды на таком уровне, который был ей недоступен.

В принципе, стоило только прозвучать этому проклятому имени, как список подозреваемых в похищении резко удлинился. Мало того, что поимка лидера сепаратистов службами одной из корпораций принесла бы немало политических очков, но еще два года назад на одной из парламентских ассамблей каким-то чудом удалось подключить к охоте наемников. Сформированный призовой фонд хоть и состоял из нескольких пакетов акций, но его актуальная стоимость постоянно увеличивалась, несмотря на редкие выплаты информаторам.

Несколько раз Сильвера показательно убивали, однако после каждого убийства сепаратист, с помощью технологий блокчейна и тому подобных цифровых фокусов доказывал, что охотники ошиблись, став жертвой коварной обманки.

Анализом стратегий, которые заводили в тупик, а также выработкой методов поимки знаменитого преступника и занимались специалисты литерного отдела. В частности Глория Лиддел, работавшая под псевдонимом Найтингейл, еженедельно читала от двух до пяти подозреваемых в пособничестве сепаратисту.

Даже с учетом того, что подавляющее большинство сведений оказывалось однозначным мусором, тот массив, который можно было найти в мозгу полицейской, впечатлял.

— Как штурмовая группа планирует освобождать нашего сотрудника? — представительница литерного отдела старалась выглядеть грозно, однако руководство штурмом взяла на себя Берта Уокерсон, за глаза звавшейся Бешенной Бертой. Шансов надавить на нее у литерницы не было вообще никаких, однако даже сама попытка засчитывалась в плюс.

— Сканеры дают крайне нечеткие результаты, — сообщал еще в одном окне уже сторонний эксперт от Корпола. — Биологические сигнатуры улавливаются с вероятностью не более девятнадцати процентов, ориентировочно на втором подземном этаже обнаруженной базы. Энергетический след смазан. Похоже, кроме пояса защитных систем у похитителей есть несколько импортных реакторов средней мощности, а также некий аналог распределенного дата-центра. Теоретически, там даже искусственный интеллект класса Би можно разместить…

Голоса экспертов норовили слиться в ровный гул. Матильде приходилось удерживать сосредоточенное состояние, выделяя один из параллельных потоков на собственные рассуждения. Пока что выстраиваемая модель никак не желала сходиться. Затраты, которые нес в результате штурма неведомый противник Корпола, уже приближались к проценту текущей стоимости активов средней корпорации Массалии.

Конечно, североафриканские гиганты типа «Карфагена» или родная «Артемида», некогда зародившаяся на руинах кипрских офшоров, были куда богаче. Но даже для них подобные траты предполагали достижение сопоставимых по масштабам доходности целей, которых Матильда на видела.

Даже этот Сильвер, информационный разбойник, занявший место в криминальной экосистеме города и региона, вряд ли заслуживал такого внимания. Пускай эффект от его поимки мог оказать влияние на корпоративный парламент, риски делали подобные инвестиции слишком ненадежными.

Чтобы нагло и открыто потоптаться по репутации Корпола, затеять дорогостоящую перестрелку с использованием энергетического оружия, каждый выстрел которого превышал по себестоимости месячный заработок среднего горожанина — требовались весомые основания.

Эксперты Матильды пришли к выводу, что это не преднамеренная провокация корпоративной войны всего лишь на сорок секунд позже, чем о том же догадались в «Артемиде».

Глядя как местами оплавленные дистанты, совсем недавно заказанные из Малайзии, расковыривают бронированные створки, прикрывающие вход в подземную базу, комиссар ощутила самый настоящий охотничий азарт. Видеопотоки с камер «богомолов» стекались на сервера Корпола, но это не мешало Матильде, слегка злоупотребив своими полномочиями, заполучить параллельный поток к собственному дата-центру.

Позже специалисты разберут все эти данные по кадру, составят детальное и смертоносно унылое описание каждого действия. Но пока комиссар лежала в личной сенс-камере, а ее мозги и нервная система работали в форсажном режиме. Упускать такой шанс возвыситься не мог никто из допущенных к делу о похищении агента Найтингейл.

20

Хью быстрой походкой, стараясь не переходить на бег, двигался по низкому техническому коридору, собирая рукавами пиджака пыль с кабелей, цепляя клапанами боковых карманов за пластиковые стяжки. На первом подземном этаже сцепились полицейские автоматы и современные защитные системы, контрабандой доставленные из Бхарата, смонтированные тамошними операторами при помощи дистантов. За такую роскошь пришлось заплатить, но зато координаты стройки не ушли на сторону.

Коридор то и дело содрогался от взрывов неподалеку. Освещения в нем не предполагалось с самого начала, потому приходилось ориентироваться по картинке в адреалиновых очках.

Подглядывать за прогрессом в лаборатории было некогда. Морган удалялся по одному из эвакуационных маршрутов и только необходимость беречь дыхание удерживала его от ругани в адрес суперкомпьютера, проигравшего в интеллектуальной дуэли полицейскому кластеру.

Большая часть армейских комплексов, на активности которых строился план обороны, оказалась выведена из строя, даже не вступив в огненный контакт. Вместо расчистки мусорных гор полицейская техника опрыскала их быстротвердеющим металлопластиковым аэрозолем, заглушающим внешние сигналы. Моргану удалось активировать только пару автономных боевых комплексов и это стало одной из причин поспешной эвакуации. Еще два комплекса затаились по углам свалки, но штильмейстеры Корпола заблокировали каналы передачи команды.

Активация прошла по только для тех машин, которые соединялись с управляющим центром по кабелю, который тут же отследили операторы атакующей стороны. Феноменально глупая ошибка: подрядчики решили сэкономить и воспользовались проводом без повышенной экранизации. Возможно, при этом кто-то получил на лапу, поставив под угрозу всю «Паталу» вместе с оставшимся здесь немногочисленным персоналом.

Пускай на нейтрализацию армейской техники полиция отрядила больше половины подъехавших на свалку дистантов, никто не помешал копам заинтересоваться вторым концом засветившегося на сканерах кабеля.

Оставив одного из смертников координировать деятельность защитных систем, с наказом эвакуироваться по ложному маршруту, Хьюберт прихватил с собой второго ассистента, собиравшего остатки пыли позади менеджера.

Лаборатория располагалась заметно ниже, но автономности, которая позволила бы спрятаться от полицейских сканеров, ей тоже не хватало. Когда копы подавят сопротивление автоматики, им хватит трех минут чтобы расставить высокоточные сканеры и определить цель для следующего захвата.

План глубоко и резко ушел в область повышенных рисков. Только настойчивость корпоративных скриптов в чипе менеджера мешала тому покончить с вторым смертником и попробовать сбежать без результатов взлома.

Скрипты щекотали мозг Хьюберта, отзывались повышенным церебральным давлением, грозила перейти в гипертензивный криз, если ответственный за операцию сотрудник корпорации не выполнит порученную руководством задачу.

Из-за затаившихся на чипе программ пришлось покинуть бронекапсулу, к которой стекались оперативные данные от внешних систем и рисковать своей жизнью, пробираясь к аварийной лестнице на нижние этажи.

Воспользоваться лифтом Морган не мог, это моментально рассекретило бы не только лабораторию, но и солидный кусок конфигурации энергоснабжения комплекса. Кроме того, существовал риск застрять между этажами и гарантированно провалить поручение.

Срыв тщательно просчитанного плана породил в сознании Хьюберга противоречивые чувства. То, что, лежа на удобной кушетке психотерапевта, можно было бы назвать чувством долга, явно усиливалось прошивкой, а также страхом неминуемых последствий.

Прогневать корпорацию и остаться при этом в живых было нетривиальной задачей. Морган сомневался в том, что сумел бы успешно перебежать под крыло конкурентов. Мало того, что этого не допустили бы внутренние скрипты, но и сама конкурирующая корпорация вряд ли захотела бы обострять конфликт из-за менеджера, который не обладал доступом к ценным коммерческим тайнам или качественному компромату.

В противовес чувству долга Хьюберта переполняла досада.

Циничность корпоративной прошивки заставляла его рисковать собственной жизнью. Какой-то дурацкий дамп памяти, который Свен снимет с полицейской после того, как головолом завершит свою работу, был для корпорации дороже жизни верного сотрудника!

К этой несомненной для Моргана ценности следовало прибавить стоимость подпольной лаборатории, найма специалистов, оплаты многочисленных штрафов — потому как полицейские совсем без тормозов и спустя какое-то время

гарантированно определят, кто оплатил, а значит и устроил битву на свалке.

Союзником досады выступало накатывающее волнами ощущение безнадежности, чувство фатума, слегка разбавленного страхом возмездия на свои небезупречные действия.

Вишенкой на этом торте выступала крайне психопатическая радость, порожденная внезапным осознанием возможной, но не состоявшейся альтернативы. Прошивка с той же легкостью могла захватить его сознание целиком, превратив в послушного и лишенного всяческих сомнений исполнителя, подобного тому, который следовал за Морганом вместо того, чтобы убежать куда подальше.

Удивительно, но этой радости хватало Хьюберту для того, чтобы парадоксальным образом сочетать в своей психике доминирование фатума с надеждой на лучшее. Есть план Би, плавно перетекающий в Си. На случай дополнительных неприятностей антарктический суперкомпьютер предусмотрел еще три слоя подстраховки. А чем выше риск при успешном выполнении корпоративного поручения, тем ощутимее премия от совета директоров.

Чертова лестница, оказалась вентиляционным коробом, по одной из стенок которого были закреплены металлические скобы. На миг Морган ощутил себя одним из персонажей детских игрушек. Те тоже спускались в темные глубины во имя каких-то придуманных обдолбанными сценаристами целей.

Бросив оценивающий взгляд вниз Хьюберт на секунду остановился. Адреалиновые очки детально прорисовывали спуск со второго подземного этажа на третий, схематично изображали небольшой фрагмент спуска на четвертый подземный этаж, но еще глубже была лишь темнота — не только реальная, но и информационная.

Выскочившая панель уведомления заставила Моргана вздрогнуть. Было это простым совпадением или же неблагоприятным знамением, но именно в этот момент он узнал о гибели первого смертника. Бездна подмигнула ему — и пригласила к себе.

21

Ранее Карлу не приходилось ломать такие чипы. Или он всего лишь не помнил процесса взлома, поскольку в ответ ломали уже его, раз за разом обнуляя полезный опыт.

В этот раз обратной связи было много. Слишком много на его голову, совсем еще не успевшую восстановиться от самоотождествления с пэкмэном.

В те редкие секунды, когда мороки и вспышки не обязательно своей памяти становились не столь яркими, он обнаруживал себя зажатым в угол. Одна рука на клавиатуре ноута, зафиксированного у запястья хакерской приблудой, название которой благополучно вылетело из памяти. Другая рука на затылке Фионы, кончики пальцев у разъема. Полицейская упиралась лбом в лоб, тяжело дышала, цеплялась руками за его плечи.

А еще она сидела у него на коленях и это было бы на редкость сексуально, подбери судьба иные декорации.

Интимность головоломства оставляла обычную сексуальность далеко позади. Те же женские особенности, которые делали прошивку особо устойчивой, работали в обе стороны.

Поиск точки опоры приводит к тому, что человек ищет другого человека. Ребенок стремится к родителям, всякий психически нормальный взрослый, за исключением социальных мутантов времен Великой Депопуляции или в край киборгизированных сектантов — к другому взрослому, противоположного пола.

Ограничения, которые накладывает на женщину беременность и период вскармливания, привязывают ее как к своему дитя, так и к защитнику, отцу ребенка.

Разработчики женской прошивки предусмотрели подобную связь. В более естественных условиях чип побеждал любую стороннюю привязку — но не тогда, когда его вынуждали сражаться с самим собой, а большую часть ассоциативных привязок захватил противник.

Нет, это не было настоящей любовью. То, что делал Карлсон, было взломом системы, нелегальным использованием ресурсов и методов, на которых разворачивалась чувственность и привязанность к партнеру.

Увы, даже синтетический заменитель, формально идентичный натуральному, невозможен без взаимности. Карл устал раз за разом влюбляться в малознакомых или вовсе незнакомых женщин, в глазах которых головолом видел, как

сгорают в психике поддерживаемые чипом блокирующие прошивки.

Он любил их, каждую из этих женщин. Любил так, как можно любить мимолётный мираж или голографическое изображение. Его чувства взывали к бесконечному продолжению, но Карл знал, что сказочное «жить долго и счастливо» не для него. Стоит появиться новому заказу — и эта любовь уступит место новой, столь же искренней, но насквозь синтетической.

К этим, не самым приятным для головолома соображениям бонусом шло понимание того, что с таким образом жизни настоящей любви не будет и быть не может, поскольку первый же взлом перечеркнет любые отношения, возведя на месте, где их строили, типовую хакерскую поделку.

Ненавидя себя на наивность Карл каждый раз наступал на одни и те же грабли. Глядя в глаза Флоры, на огонь, характерный для страстных любовников после бурного соития, головолом знал, что сам глядит на нее точно так же.

Слова, которые они какое-то время шептали друг другу по очереди, утратили необходимость. Взлом завершился, полицейская вышла в нуль, к естественному состоянию психики, как если бы чип в её голове никогда не работал иначе чем как инструмент дистанционного управления техникой или идентификатор личности.

Не успел, подумал Карл, пытаясь придумать, каким образом они с Флорой могут сохранить свои жизни.

Благословенный и проклятый одновременно побочный эффект взлома, о котором вряд ли догадывались заказчики: теперь, до следующего взлома, жизнь и благополучие Флоры будет для него высшей ценностью.

Сейчас это было проблемой. Когда женщину похищают, взламывают под присмотром боевика на неизвестно какой глубине, когда наверху творится черт знает что — есть угроза не дожить до вечера. Заказчику нужна информация, которая была запечатана в памяти Флоры, но к извлечению данных Карлсона никто не собирался допускать. Иначе на выходе сразу попросили бы единицу.

Выдергивание шлейфа явно сломало тот сценарий, который выстроили заказчики. Со шлейфом-то Свен сумел бы вступить в работу сразу после подавления блокирующей прошивки, а Бобби вывел бы Карлсона в аут из своей пукалки.

Убивать такого качественного головолома глупо: его проще сдать бесчувственной тушкой Диал-Апу, вместе с переводом остатков оплаты за взлом. Но теперь кто-то должен скрутить полицейскую, вернуть шлейф обратно в разъем и проследить,

чтобы та не пыталась выдернуть его снова. Снотворное Бобби способно легко загубить всю операцию: в спящем сознании можно копаться годами, но и когда отыщется подходящая группа нейронов, отфильтровать их активность от ассоциативного мусора — мука, а не работа. Карл попробовал придумать, как можно не попасть под инъектор. Мысли после взлома разбегались в разные стороны. Хотелось думать о Флоре, не о стратегиях. Драгоценные секунды, тем временем, убегали. Когда головолом вроде нащупал один возможный сценарий, его сбил с мысли насмешливый голос боевика:

— Это выглядело безумно эротично и заслуживает бурных продолжительных аплодисментов. Увы, у меня в руках оружие, а потому ограничусь лишь благодарностью головолому за красивое шоу. Занавес опускается. Как там тебя, Карл? Да, Карл! Медленно, встань на ноги и отойди в сторону от девушки, она нам еще пригодится. И постарайся не делать резких движений. Если инъектор попадет в глаз или сонную артерию, мир лишится хорошего, но слишком нервного специалиста.

Выполнить приказ было нелегко. Для начала, с вытянутых в сторону операционного стола ног следовало слезть Фионе. Карлсон уже было хотел сказать об этом вслух, но тут полицейская подмигнула ему и, чуть повысив голос бросила в пространство слово.

— Пигмалион…

Полицейское кодирование, запоздало вспомнил головолом, буквально ощущая как его чип отдает команду спинному мозгу. Некоторые полицейские владеют набором кодовых фраз, произнесение которых активирует вшитые в гражданских протоколы. Чтобы кодами не пользовались посторонние, обязательным условие срабатывания являлось четкое опознание говорящего как полицейского.

Шлейф, подумал Карл, безуспешно пытаясь скосить глаза и увидеть Бобби или Свена. Автоматика успела бы заблокировать озвучивание команды, если бы он остался в гнезде.

22

Грациозности Флоре не хватало. Впрочем, Карл помнил, как еще недавно любое движение полицейской фрагментировалось и разбивалось на составные части. Перейти от такой моторики к более изящным вариантам непросто. Флора хмурилась, подключала мощности чипа на помощь в координации движений.

Не имея возможности пошевелиться, головолом все еще принимал сигналы на свой чип, да и внутренний чат взломщиков не прекращал работу.

— Мне кажется, этого не было в рабочем сценарии, — отстучал Бобби в чате посредством нейроинтерфейса. — Свен, ты готов работать или тоже выключен?

— Карл, ты завершил свою часть или предполагается какая-то финализация? У тебя еще две с половиной минуты по графику.

Интонации в примитивном текстовом чате не транслировались, но головоломку показалось, что Свен ничуть не расстроен действиями Флоры.

— Я все. Нуль готов.

Команда «Пигмалион» блокировала движения тела, а свободной нейропечатью Карлсон никогда не увлекался, считая себя ретроградом, ценителем живой речи и натуральной моторики.

Когда Флора встала с на ноги подземный этаж вздрогнул, едва не уронив девушку на Карла. Коротко мигнул свет, переключаясь с внешних аккумуляторов на внутреннюю генерацию. Связи с городской сетью тут и так не было, но на какое-то время упала даже скорость локальной сети.

Карлсон мысленно посочувствовал Свену. Как в такой обстановке допрашивать девушку?

— Мальчики, у вас большие проблемы.

Флора кое как добралась до операционного стола, с каждым шагом сокращая амплитуду колебаний корпуса, одновременно неловких и соблазнительных. Не в силах пошевелиться, Карл сперва следил только за ее ногами, но затем Свен скинул в чат линк на камеры и появилась возможность даже немного поиграть с ракурсами.

— Нападение на полицейского это минимум полгода на ботве. Попытка взлома при отягчающих…

Она перечисляет не для нас, запоздало догадался Карлсон. Это озвучка под запись, которая наверняка уходила на какой-то сторонний сервер. Точнее, никакой не сторонний. Операцию, очевидно, крышевала одна из корпораций, а эти парни старались

записывать каждый свой чих с дюжины ракурсов. Следовательно, кто-то незнакомый, но дружественный Флоре, имел доступ на узлы корпоративного дата-центра.

Карл мысленно посочувствовал безопасникам. Полицейская буквально парой фраз, сказанных в пространство, поставила на уши добрую сотню сотрудников. Даже если она блефует, корпорация все равно вынуждена проверить от и до — уж больно завышены ставки с этими похищениями и взломами где-то в подземельях.

Только завершив сброс прошивки головолом смог изучить свое непосредственное окружение. Ведь что он видел до спуска? Декорации. Фальшивую конторку на поверхности. Аляповатую роскошь лифта, тоже предназначенную для того, чтобы пустить пыль в глаза постороннему. Короткий коридор, аквариум, простой, но чистый санузел, пару запертых дверей. Не так уж и много данных для анализа. Однако, сейчас наверху шел непонятный вооруженный конфликт и было совершенно непонятно, остались ли какие-то возможности для эвакуации.

Возможно, Свена и Бобби тоже терзали сомнения относительно перспектив на будущее, но в чате они на эту тему не распространялись, а читать по мимике, во время действия «Пигмалиона» не сумел бы даже опытный физиогномист.

Оставалось только любоваться движениями Флоры, отслеживать переписку в чате и пытаться моделировать ход рассуждений корпоратов, поскольку почерк был откровенно корпоративный.

Полицейская обошла по часовой стрелке лабораторию, убедилась в том, что дверь надежно заперта электронным замком, вернулась к операционному столу. Карл подумал, что в ее прошивке должны сохраняться команды, отпирающие любые легальные замки, но потом сам же себя отругал за глупость.

Без подключенных к чипу девайсов Флора не могла отдать команду на внешние устройства. Даже если в полицейском костюме имелись специализированные гаджеты, перед попаданием на операционный стол девушка их тоже лишилась. А без использования возможностей чипа способность к передвижению уже не выглядела столь значимым преимуществом.

Карлсон проверил возможности радиоканала, но Флора уже отошла за пределы уверенной беспроводной связи от чипа к чипу. Головолому оставалось только ждать, пока полицейская сама найдет выход.

23

Применение «Пигмалиона» не стало для Бобби неожиданностью. Как только девушка избавилась от шлейфа, боевик вывел в отдельное окно список классических полицейских команд, на которые в обязательном порядке реагировали гражданские чипы.

«Випунен» или «Пигмалион»? Мысленно поставив себя на место Флоры Бобби исключил команду на спокойный сон. Пускай она считалась эффективнее, за счет полного вывода гражданского из расширенной реальности, в локальной среде лаборатории в ответ на использование данной команды могли сработать аварийные протоколы.

Даже в стандартных и полностью легальных корпоративных помещениях это сопровождалось не самыми приятными происшествиями, а уж что могли придумать конструкторы для подземной и, очевидно, не самой легальной лаборатории? Бобби был даже немного благодарен девушке за ее продуманный выбор.

Но теперь, замерев в рабочем положении, с пушкой в руке, он уже сам оказался вынужден принимать решения.

Чип у Бобби дополнялся несколькими криминальными модификациями, отчего позволял своему носителю как сбросить с себя паралич «Пигмалиона» по скрытой команде, так и правдоподобно имитировать выключение сознания после выслушивания кода «Випунен».

Однако, Бобби прекрасно понимал, что первое же движение, сделанное до того, как пройдет срок официального действия полицейской команды, определит сценарий для дальнейшего развития ситуации.

Сидящие где-то в глубинах чипа скрипты не реагировали на моделирование поступков, только на попытку реальных действий. Сильвер не часто вмешивался в работу профессионалов криминального мира, но вероятность блокировки все равно стоило учитывать.

Мог ли тайный лидер сепаратистов быть знаком с полицейской? Задаваясь этим вопросом Бобби приходил к выводу, что мог. Перед ним бродила, в поисках выхода из лаборатории, не типичная представительница продажных копов.

За продажными не охотятся специалисты корпораций. Их не помещают глубоко под землю чтобы узнать какие-то секретные сведения. Электронный кошелек и схема легализации переводов всегда эффективнее шантажа или взлома прошивки. А уж рисковать таким материальным активом как многоуровневая

тайная база ради того, кого можно купить с потрохами за пару процентов от текущих расходов на ее эксплуатацию никто и не подумает.

Похищаемые кем-либо корпоративные копы были подобны темной лошадке: они либо продавались за идею, либо не принадлежали никому, даже шишкам самого Корпола.

Пока Бобби думал над выгодным и эстетичным решением дилеммы, Флора взялась за отброшенный в начале взлома радиоконнектор. Подбросив его пару раз на ладони, она ненадолго замерла, а затем схватилась за болтающийся шлейф и поднесла его к своему разъему.

— Единственное, доступное неавторизованному пользователю, устройство для коннекта с внутренней сетью, — прокомментировал в чате Свен, сопровождая текст эмоджи с подмигиванием. — Разумеется, если на ноуте у головолома нет отдельного софта. Но там очевидные проблемы с входом по биометрии. Внимание, смотрим за второй частью операции. Бобби, не моргай, сейчас будет красиво!

Существенным недостатком «Пигмалиона», из-за которого во время обезвреживания преступника в толпе полиция предпочитала усыплять посторонних, была недостаточная изоляция граждан от сетевых устройств. Потенциальный сообщник, находясь в той же толпе, мог, через радиоканал чипа или подсоединенные к нему устройства, запустить любой доступный скрипт.

Большинство горожан держали на «тревожной кнопке» алгоритмы эвакуации, позволяющие встроенному в повседневную одежду легкому экзоскелету увести непослушное тело подальше от зоны проведения полицейской операции. Кто-то предпочитал вести прямую трансляцию по своим каналам, зарабатывая тем самым дешевый плебейский рейтинг.

Свен предпочел подготовиться и, стоило Флоре отвести руки подальше от своего затылка, подключил отложенные скрипты на своем пульте.

Если Флора пользовалась полицейским протоколом для нейтрализации присутствующих в лаборатории, то Свен задействовал медицинские коды высокого приоритета. В свое время именно из-за подозрений на утечку этих кодов на сторону компаниям, разрабатывающим прошивки для чипа, пришлось поспешно усовершенствовать свой брандмауэр.

В обычных условиях код «Идет нейрохирургическая операция» оказался бы заблокирован на входе, но Карл добросовестно довел чип до «нуля», а скачать и поставить защиту поверх настроек по умолчанию Флоре было неоткуда. Да и

некогда.

С беззащитным чипом заглядывать в городскую инфосреду решился бы только сильно обдолбанный человек. Или тот, кто не ведал о взломе собственной защиты.

— Протокол «Нейрохирургическая операция» временно обнуляет приоритет команд, идущих от пациента, — Свен сбросил в чат короткую справку. — Эффект держится примерно столько же, сколько и у «Пигмалиона». Когда мы вернем себе подвижность будет чуть больше минуты для повторной фиксации девушки на столе. Думаю, мы справимся до того, как она выйдет из созерцательного режима. Карл, благодарность за качественный взлом. Работать с «нулем» намного приятнее чем с обычным человеком. Даже если у него не стояло поведенческих скриптов и серьезных блокировок.

Карл ответил лаконичным смайликом — то ли не желая поддерживать беседу, то ли серьезно устав после работы.

Бобби подобрал камеру, с которой можно было внимательно разглядеть головолома. Тот и когда его только привезли на объект выглядел неважно, как случайно найденный в маргинальной ночлежке под эгидой дряхлой секты, чьи годы обильного финансирования прихожанами пришлись на времена бензинового изобилия. Пришлось даже брызнуть на него дезодорантом, пожертвовать таблетку мягкого, но действенного стимулятора.

Сейчас таблетка, похоже, свой ресурс выработала, отчего лицо головолома постепенно возвращалось к исходному бледно-зеленому оттенку, характерному для уработанных до упора европеоидов.

В теории Карлсона следовало угостить инъектором из пушки. Раз Свен, как профессиональный ридер, подтвердил факт взлома, головолом мог спокойно отправиться в страну снов.

Но на поверхности определенно было неспокойно, пускать специалиста по женским чипам в расход никто не требовал, а в случае эвакуации головолом был бы полезнее в сознании нежели храпящей тушкой.

Кроме того, Билли было жалко патронов для столь неэстетично выглядящей цели, пускай те были фальшивыми в силу своего нелетального действия.

24

Итоги предварительного анализ защитного оборудования, которое использовали защитники подземной базы, утвердили Матильду в мысли, что тут не обошлось без одной из ведущих корпораций города. Слишком высокой получалась стоимость строительства, даже если бы оно проходило не под видом работы с мусором. Сделать то же самое, но скрыв строительство от агентов корпоративного парламента и патрульных дронов стоило минимум в пять раз дороже.

Тщательно проверив шифрование сетевого соединения, комиссар вызвала старшую безопасницу «Артемиды».

— Это деятельность кого-то из конкурентов, — успокоила Матильду седовласая женщина с цейсовскими глазами. — Мы уже проводим собственный внутренний мониторинг, но большая часть выявленной Корполом номенклатуры доставлена напрямую с фабрик Северной Африки морем. Срок давности приватных контрактов с африканцами не позволяет установить заказчика. В порт тоже не сунуться, пока нет оснований портить отношения с Логистическим Союзом.

Если монтажом занимались местные жители, то это тоже тупик. Всем, наверняка, переписали память. А если на стороне преступников имеются головоломы с женской специализацией, существует риск, что Корпол уже не первый раз обнаруживает эту базу.

Комиссар представила себе подобный уровень вмешательства. После того, как четверть полицейских дистантов вывел из строя выкопавшийся из мусорной кучи армейский автоматический комплекс, такая гипотеза не выглядела слишком параноидальной. На то же косвенно намекал и высокий приоритет операции.

Тем временем, аналитики Корпола обсуждали возможность привлечения к штурму Массальской армии. Натравившие на «богомолов» тяжелую армейскую технику, породили сомнение в уместности подобного шага.

Вероятность того, что приглашение может спровоцировать вооруженный переворот достигала семи процентов. Если базу построили втайне от корпоративного парламента военные, затяжной вооруженный конфликт городского уровня был неизбежен.

Однако, кроме военных в тревожном списке аналитиков значились и другие варианты.

Матильда подключила еще нескольких экспертов, озадачив

их моделированием наиболее негативных для «Артемиды» сценариев.

Если бой на свалке предварял вторжение соседей, Массалия должна была достойно защитить свои инвестиции.

Также комиссара тревожила гипотеза, которой запрошенный суперкомпьютер дал лишь полупроцентную вероятность.

— Крайне маловероятно, что нам удалось найти один из дата-центров Сильвера, — сомневался в одном из окон расширенной реальности высокооплачиваемый аналитик. — Несмотря на то, что похищение содержало несколько тактических элементов, которыми его люди неоднократно пользовались, имеются основания предполагать, что мы имеем дело с талантливой стилизацией. При наличии доступа к одному из антарктических суперкомпьютеров сделать это не так уж и сложно, а у наших похитителей, судя по размаху, было достаточно средств для заказа с аномально высоким уровнем проработки стратегической модели.

Верить в обнаружение базы Сильвера, с одной стороны, хотелось. Для Матильды это был бы несомненный триумф, золотой билет в наиболее престижные комиссии корпоративного парламента. С другой стороны, если это проект местных конкурентов, следующий пересмотр квот на выполнение городских контрактов будет проходить в пользу «Артемиды».

Только кто же это мог бы оказаться? Контрольный пакет голосов в парламенте принадлежал триумвирату, в который помимо «Артемиды» входили такие гиганты как «Карфаген Индастрис» и «Гасконь Энергосистема». В пользу участия «гасконцев» говорили показания полицейских сканеров. Если неведомая сила, за каким-то хреном похитившая сотрудницу литерного отдела не расщедрилась на компактные киргизские реакторы, только оборудованием этой корпорации можно было объяснить изобилие работоспособных излучателей на стороне защитников базы.

Корпорация «Карфаген», хоть и занималась поставками продовольствия и производством фармакологических препаратов, тоже могла позволить себе выбросить на ветер стоимость подземного сооружения, возведенного в тайне остального мира.

Но будь на подземных этажах дата-центры для виртуального моделирования сложных органических соединений или же какая-то нелегальная технологическая линия, не успеет взойти Солнце как специалисты Корпола найдут виновных.

Глядя на то, с каким упорством полицейские дистанты прорываются сквозь раскаленную плазму и хаос радиоэлектронной борьбы Матильда была уверена в скорейшем

торжестве городского правосудия.

25

Спускаясь по шаткой металлической лестнице Морган думал о том, что где-то на его жизненном пути случилась нехорошая ошибка. Не будь этой ошибки, вряд ли сейчас над его головой дамокловым мечом нависала задница смертника. Не будь этой ошибки, он отказался бы от заманчивого предложения, прямым следствием которого стал спуск в неведомые глубины.

Когда Хьюберт подписывался на работу, он не разглядел в ней второго или даже третьего дна. Того, к которому сейчас приходилось спускаться почти что без технических приспособлений. Сеть, за исключением трансляции, которая шла из лаборатории, молчала. Внешние операторы все еще участвовали в сражении, то каналы передачи данных стали настолько узкими, что у менеджера не имелось возможности с ними связаться. К тому же прежние шифры к моменту спуска уже оказались скомпрометированы.

При мысли о том, что затея с перспективами хорошего заработка может обернуться к Моргану не лицом, а прямо противоположной стороной, вниз по спине текли струйки пота, в обратном направлении бежали мурашки.

Кто бы мог подумать, что его, Хьюберта Моргана, тоже станут водить за нос? Когда он принимал в свое управление подземный комплекс, пять дней назад, ему продемонстрировали наземную фальшивку, два подземных этажа с техническими помещениями, большая часть которых предназначалась для обороны от внезапных налетов, а также секретную лабораторию, чуть ниже технических этажей.

Но теперь он уже несколько минут спускался по лестнице, а та и не думала заканчиваться! Подземных этажей оказалось намного больше. С каждым новым этажом в менеджере зрело убеждение, что он стал куклой в руках очень больших плохих девочек.

Стоимость «Паталы», даже исходя из того, что удавалось увидеть в адреалиновых очках с ультрафиолетовой подсветкой, превышала любую мыслимую выгоду от взлома полицейской. Куда бы та ни залезла, вопрос можно было решить деньгами — отделавшись при этом суммами, на несколько порядков скромнее, чем стоила вся эта подземная конструкция.

Картина мира в голове у Моргана ломалась, отдельные положения никак не хотели сходиться в непротиворечивом виде. А раз так, что либо где-то за пределами возможностей наблюдать притаилась недостающая деталь пазла, либо какое-то из

положений, принимаемых всерьез, являлось обманкой.

Карабкаясь по лестнице, без возможности арендовать на пару минут немного мощностей одного из антарктических суперкомпьютеров, Хью не мог избавиться от царящей в его сознании неопределенности, отчего нервничал и потел сильнее обыкновенного.

Огонек в дальнем конце одного из технических коридоров, мимо которых пролегал путь менеджера и его молчаливого спутника, мигнул и в расширенном пространстве очков появилась яркая зеленая стрелка.

И хотя из планов эвакуации наниматели явно вырезали солидный кусок, Морган предпочел довериться подсказкам навигатора. На следующем этаже спуск завершился. Лестница все еще уходила куда-то глубже, но менеджера она уже не интересовала. Стрелка показывала путь по коридору, а кроме того, начала нетерпеливо мигать, словно обещая близость финиша.

Затем был поворот на девяносто градусов, несколько ступенек вверх и дверь с поворотным механизмом, к которому, согласно подсказкам навигатора в очках, пришлось приложить силу.

Когда за дверью вдруг загорелись лампы аварийного освещения, Морган невольно сделал шаг назад, натыкаясь на своего спутника, все это время почти что бесшумно шедшего позади. К счастью, автоматические фильтры очков быстро снизили яркость изображения, позволяя привыкшим к темноте глазам адаптироваться к новым условиям.

В окне с изображением лаборатории менеджер увидел поднимающуюся на ноги Флору. Согласно отчетам Свена, пока что все шло по плану. Головолом завершил работу чуть раньше срока, но теперь неподвижно лежал, прислоненный к дальней стене. От свежего трупа его отличала только ритмичное дыхание да едва заметно подрагивающий индикатор сетевой активности.

Базовый сценарий предполагал, что Бобби подстрелит головолома, полностью выключив его из дальнейших действий, но сейчас Хьюберт не видел необходимости тратить на это бомжеватое тело пулю-инъектор. Когда все завершится, специалиста по взлому женских чипов все равно подвергнут обработке, стерев ему все воспоминания, начиная с момента входа в лифт.

Еще один поворот, в конце освещенного коридора, закончился уже современной дверью, приветливо распахнувшейся, стоило менеджеру войти в зону действия ее датчиков.

— Гипотеза номер два опровергнута, госпожа, — сухо проинформировала кого-то девушка, в специализированном костюме для аналитических работ. Морган вспомнил байки, утверждавшие, что человек в этом подобии скафандра просто не в состоянии отвлечься от работы поскольку все сенсорные раздражители, так или иначе, передают его телу и мозгу исключительно рабочую информацию.

Чуть позже, переступив порог, менеджер увидел ту, к которой обращалась безымянная девушка-аналитик. Увиденное ему с одной стороны понравилось, а с другой — прямо наоборот.

Женщина была красива, но при этом какое-то не пронумерованное чувство сообщало Хьюберту о том, что перед ним не чудо природы, а результат кропотливой работы сотен специалистов высокого класса.

Сидевшая за небольшим столом, на котором помимо бокала с неизвестным напитком лежало несколько носителей данных, буквально излучала высокий корпоративный статус. Менеджер почтительно склонил голову, успев обратить внимание на тонкий ободок очков госпожи.

Тут уже не пахло технологиями, которые Хью еще час назад считал передовыми. Перед ним сидела обладательница эксклюзивных инструментов, не опознаваемых очками по наисвежайшей базе данных, включающей в себя даже те новинки, которые только недавно анонсировали.

— Никаких следов информационного взаимодействия между объектами пять и один? — уточнила госпожа, не обращая внимания на вошедших.

В сравнении с безупречностью ее алых одежд в сочетании с белоснежной кожей, Морган почувствовал себя неряхой. Да, ему пришлось пробираться по техническим туннелям и долгое время карабкаться по металлическим скобам — но ему даже в голову не пришло отряхнуться или причесаться по выходу из темноты.

— Никаких, — с готовностью подтвердила аналитик, полностью игнорируя гостей. — Пересчет весов в модели делает гипотезу номер четыре лидером.

На чип Моргану пришла короткая инструкция. Согласно ей менеджеру и его спутнику предписывалось дойти до пары рабочих кресел в дальнем углу помещения, сесть, а затем ждать дальнейших распоряжений.

Никаких скриптов, принуждающих команд, контролирующих алгоритмов.

Менеджер не стал искушать судьбу и безропотно выполнил все полученные указания. Опыт работы с корпорациями подсказывал ему, что здесь полезнее выглядеть послушным

нежели своевольным.

— Мистер Морган, — спустя одну или две минуты госпожа вспомнила о существовании гостя. — Мои сотрудники несколько ошиблись, назначая вас на столь ответственную должность временного администратора данной базы.

Менеджеру подурнело. Когда тобой недоволен кто-то из подлинных хозяев мира, к которым Хьюберт относил представителей совета директоров и высшей страты, это может закончиться вместе с жизнью. Такие люди как госпожа в красном, находились чуть выше знакомых Моргану законов.

— Тем не менее, у вас есть еще возможность все исправить, — немного помолчав добавила госпожа. Очевидно, параллельно с этой репликой проводились какие-то неведомые действия в сети, Хью часто видел операторов с навыком разделять потоки мышления, сам умел эффективно работать с тремя независимыми потоками данных, а потому отчетливо слышал характерные интонации в голосе. Но перечить той, кто был властен над жизнью и смертью, менеджер не мог даже мысленно.

Когда к нему с молчаливым спутником подошла девушка-аналитик, в руке которой было зажато два шлейфа для ввода в чип дополнительных блокировок, Моргану оставалось лишь взять один из радиоконнекторов и проследить за надежностью соединения.

— Ква, — флегматично сообщил то ли миру, то ли подошедшей девушке-аналитику доселе молчавший спутник, после чего мир для Хьюберта Моргана ушел на перезагрузку.

26

Свен в парализованном состоянии оказался разговорчивее чем обычно. Это могло бы звучать как парадокс, но только не тогда, когда в процессе были задействованы высокие технологии.

Чип исправно считывал из соответствующих центров мозга намерение высказаться, после чего обрабатывал аудиоряд, совмещал его с виброграммой голоса Свена и выводил речь через встроенную в навесной потолок систему динамиков.

Чип-ридер неплохо подготовился. Он даже не утратил возможности двигаться, пускай для этого пришлось пользоваться медицинским экзоскелетом, который он, до поры до времени ухитрялся прятать под лабораторным халатом.

— Медицинские команды не так универсальны, как полицейские, — с нескрываемым удовольствием в голосе рассуждал Свен, производя какие-то переключения на своем пульте. — Они не работают через голос, только напрямую по кабельному соединению. Но зато некоторые медицинские команды феноменально эффективны для работ по чтению мозга, ведь нейродиагностика перед хирургическим вмешательством действует на тех же физических принципах.

Головолом слушал его и вспоминал Диал-Апа. Его товарищ долгое время копил деньги на нейрохирургию центра Брока, компенсируя какое-то органическое поражение в детском возрасте программами на чипе. Когда необходимая сумма оказалась собрана, а центр Брока успешно восстановлен, Диал-Ап… продолжил пользоваться искусственными алгоритмами, аргументируя свой выбор тем, что естественные возможности организма развиваются слишком медленно, а жизнь непозволительно быстротечна.

Карл уже неоднократно замечал среди вечнобунтующих подростков моду на бережное отношение к своему мозгу, когда большинство когнитивных операций делегируется аппаратной части. Отчего-то сейчас Свен выглядел как потенциальный родоначальник популярного направления.

Чтобы не думать о таких вещах Карлсон переключился на девушку. Поскольку ее хитрость не сработала, далее предстоял допрос, в котором участие головолома не требовалось.

Поза, в которой полицейскую застала нейрокоманда, была не из устойчивых. Карл пожалел, что девушка не прилегла на отведенное ей место. Но операционный стол и фиксаторы все равно ждали ее через несколько минут. Карл сделал несколько снимков с разных камер и убедился в справедливости слов чип-

ридера. Человек в естественном состоянии, без поддержки чипа, рано или поздно свалился бы на пол. Флора тоже была обречена упасть, однако контроль за устойчивостью перехватили аппаратные алгоритмы, отдаляя падение примерно на четверть часа.

— Бобби, если вас не затруднит, смените ампулы в пистолете с первого номера на второй и зафиксируйте девушку, во избежание.

Карлон даже не удивился, когда боевик с облегчением вздохнул, почесал скулу и приступил к перезарядке своего оружия. Очевидно, кто-то снабдил его системой блокировки или нейтрализации полицейских команд. Шесть месяцев на прополке, сказала бы в ответ на данное нарушение Флора.

Головолом даже не хотел знать, сколько могла стоить такая примочка. Всех его доходов за пару лет вряд ли хватило бы на покупку нелегальной модернизации.

Впрочем, он не слишком часто взламывал женщин за деньги. Поиском клиентуры занимался Диал-Ап, но происходило это не слишком часто. На один заказ со стороны в практике Карла приходилось два взлома, совершенных бесплатно, под влиянием душевного порыва или же в силу избирательного человеколюбия к противоположному полу.

На повседневную жизнь Карлсону хватало гонораров, а каких-то экзотических потребностей у головолома не имелось. Статусные цацки, натуральная пища и прочие понты, за которыми гонялись окружающие Карл даже не старался воспринимать всерьез, считая их прямым следствием накопленных ошибок в связке «мозг-прошивка».

О редких и, чаще всего нелегальных аддонах, вроде того, который сейчас продемонстрировал в действии боевик, головолом думал отстраненно — признавая, что конкретно здесь и сейчас такой фишки ему не хватает, однако отдавая себе отчет в том, насколько капитально может осложнить жизнь такая способность в других условиях.

Не имея возможности двигаться, Карлсон сосредоточился на своем ноутбуке. Свен уже продемонстрировал, что связку человека и правильно настроенной машины не стоит игнорировать, даже когда считаешь, будто контролируешь ситуацию.

Сначала пришлось повоевать с настройками безопасности. Карл полагал, что в достаточной мере выдрессировал установленную на девайсе операционную систему, но всего не предусмотришь.

Лазерная связь в ноуте была устаревшей на несколько

поколений. Лучом, исходящим из торцевой части невозможно было убить или даже ранить, разве что направив пакет данных прямо в глаз противнику. Но и то, прежде чем будет получен ощутимый ожог сетчатки, человек наверняка дернется и собьет фокусировку.

Направляя луч в сторону Флоры Карлсон даже не подумал о том, что аппаратура лаборатории может зафиксировать его действия и передать на очки кому-то из присутствующих. Ему хотелось спасти девушку и это делало поведение головолома несколько иррациональным.

Если бы Флора оставалась в полной версии полицейского костюма, вряд ли взлом вообще начался. Но похитители избавили девушку от шлема, пояса, перевязи с гаджетами, а также от тяжелых ботинок, способных спасти человеческую ногу, если та вдруг наступит на небольшую противопехотную мину.

Щель между носками серебристого цвета и полицейскими брюками была невелика, но зато Карл смотрел как раз в этом направлении, а оттого мог наводить лазер по данным с адреалиновых очков.

Бобби успешно поменял инъекторы в обойме, сделал пару шагов в сторону Флоры.

Свен через потолочные динамики вещал что-то о соблюдении графика операции, когда авантюра Карлсона, неожиданно даже для него самого, увенчалась успехом.

Лазерный луч, со снятыми блокировками мощности, подействовал на один из нервов, по нервной системе опорной ноги прошел неконтролируемый болевой импульс. Спинной мозг, деятельностью которого через длинную и оттого не самую удобную цепочку подчинения, пытался управлять Свен с задачей сохранить равновесие не справился.

Несмотря на подавление головного мозга медицинской командой, Флора рухнула на пол.

А дальше все пошло как с падающими костяшками домино. Стоило начаться неконтролируемому падению, автоматика чипа оценила риск для носителя и временно заблокировала исполнение медицинской команды.

Наивное и непродуманное решение, подумал Карлсон. Головолом прекрасно понимал, что шансов у девушки мало, а его вмешательство рано или поздно будет обнаружено. Как бы Карл ни старался вжиться в образ циника, каждая новая влюбленность заставляла его чувствовать себя идиотом, действовать как идиот и даже радоваться как идиот совершенно бесполезным достижениям.

Бобби отреагировал быстрее Флоры. Не успела девушка

воспользоваться преимуществом снятия блокады с управления телом как боевик наставил на нее свою пушку.

— Пли, — размеренно скомандовал Свен голосом из динамиков.

Первый инъектор воткнулся возле затылочного разъема полицейской. Второй достался Карлу.

— Это комплект два, — пояснил чип-ридер, догадываясь об удивлении головолома, оставшемся в сознании. — Допросная смесь. У меня тут заготовлена программа с вопросами: полноту ответа, а также попытки умолчания, игры словами и прочие стратегии уклонения отследят лабораторные датчики.

— Они двое как-то связаны? — Бобби подошел к Карлсону и несильно пихнул его носком ботинка. — Задумка с лазером была интересной, но не для здешних условий.

— Локальный импринтинг, — Свен отслеживал распространение допросной смеси по кровеносной системе Флоры, динамики передавали даже его отвлеченные интонации. — У чип-ридеров в ходе прошивки периодически возникает такое состояние. При попытке взлома женских чипов — накрывает гарантированно. Собственно, это одна из сложностей взлома. Головолома охватывает симпатия к жертве, не позволяющая выводить ее в нуль или единицу. Не знаю, как с этим справляется мой коллега, но думаю где-то через час или около того эффект безусловной симпатии начнет ослабевать. А пока пусть полежит в уголке. Как сойдет эффект «Пигмалиона» и его спросим, для отчетности.

Ни хрена оно не проходит, обреченно думал Карлсон, слушая голос сверху. Это состояние остается только принять как неизлечимое заболевание. Вписать в свою жизнь и радоваться каждому своему вдоху.

27

Она не была готова к тому калейдоскопу событий, что захватил её вместе с четверкой наемников. Судя по записям чипа, послать сигнал о помощи все-таки удалось, но на этом запас удачи закончился и начался кошмар.

Изолирующая от сети клетка, период беспамятства в четыре с половиной часа, если верить оставшейся без присмотра прошивке, слабость от какой-то химии.

К этому комплекту неприятностей добавился, самоуверенный взлом, который возглавил лохматый мужик с безумным взглядом.

Такие глаза она уже встречала, когда приходила арестовывать плотно сидящих на сравнительно гуманных наркотиках, временно подавляющих отдельные зоны головного мозга.

Разумеется, девушка сопротивлялась как могла. Выхода в сеть по-прежнему не было, но имелся контролирующий шлейф. Избавление от него стало идеей фикс. Это стало ошибкой. Головолом дал ей желаемое, после чего началось какое-то помрачение.

Откуда она знала его имя? Карл Карлсон. Его не было в полицейской базе, которая хранилась на чипе — это стало первым, что она проверила, когда хаотическая волна отступила, позволив собрать себя из множества отдельных осколков. Пришлось даже соврать про его позицию в рейтинге головоломов, хоть вышло не слишком удачно.

Возможно, образ сохранился где-то в глубинах органической памяти, в той ее части, которая по слухам не забывала вообще ничего. Насколько была бы легче жизнь полицейских, если бы та же часть памяти умела еще вспоминать по заказу…

К счастью, всех полицейских учили обеспечивать единство своей психики, несмотря на вирусные атаки и попытки хакинга.

Разумеется, в первую очередь она обездвижила своих пленителей, а вместе с ними и Карла, в отношении которого чувства еще хранили былой хаос. Рациональное боролось с иррациональным, то ли сдавая свои позиции, то ли обретая какое-то подобие компромисса.

Он, конечно, гад редкий, взламывать ее собирался. Может, даже что-то сломал в прошивке, хотя это вроде незаметно. Но, если подумать, был ли у него выбор? Разница в их положении эфемерна, сводимая к обещанию заплатить по результатам операции, да может каком-то небольшом авансе.

Какая-то банда, а скорее всего, судя по техническому

оснащению, корпорация, сформировала техническое задание, запустила поиск подходящих специалистов и один из суперкомпьютеров указал на Карлсона, определив его судьбу на ближайшие часы. Если корпорации нужен человек, проще согласиться и добросовестно работать в рамках контракта нежели сопротивляться.

Гад, но симпатичный. Не внешностью, которая будто преднамеренно испорчена подбором одежды, прической и запахом технического дезодоранта, которым обычно обрабатывают корпоративную технику. Привлекательным был его стиль и характер. Навык формирования психического портрета она прокачала еще до того, как устроилась на работу, а профессиональные методики довели до мастерского уровня умение понимать, кто же перед ней.

Карл оказался классическим одиночкой, с набором романтических вывертов и травм непонятного происхождения. В целом, довольно симпатичный психотип, если не рассчитывать на долгосрочные отношения.

Хоть и гад.

Воспоминания о внутреннем хаосе во время взлома были пока что яркими, пускай их и хотелось поскорее забыть.

Попалась она глупо. Подготовила защитные системы чипа к атаке, но не приняла во внимание обстоятельную подготовку корпоратов. Чтобы получить доступ к медицинским командам высокого уровня необходимо сертифицировать по прямому соединению с производителем все задействованное оборудование.

Взломом тут ничего не добьешься: сертификаты регулярно обновляются по сети и надежно убивают всю аппаратную часть при попытке их расшифровать. Дорогое удовольствие, редкое как двигатель внутреннего сгорания на натуральных нефтепродуктах.

Дорогое и одноразовое. Потому как данные о пациентах отправляются на медицинские сервера. Стоит там появиться полицейскому идентификатору, как центральное управление корпоративной полиции подаст протест, способный навсегда отозвать сертификаты с этого аппаратного комплекса. А если поднажать, то и со всех аппаратов, принадлежащих провинившейся стороне.

Долгие секунды изоляции от функций чипа и возможностей тела она потратила на попытку успокоиться. Кто спокоен, тот совершает меньше ошибок.

Как выбраться из медицинского капкана она не придумала. Вмешательство Карлсона было очень сложно объяснить. Зачем ему это? И еще раз, откуда знает его имя?

Секунда относительной свободы, до того, как в кровь попала химия для допроса — это очень много. Чип вбросил в локальную сеть комплект боевых вирусов, по сути, атаку последнего шанса. Но времени для избавления от шлейфа уже не осталось.

— Твое имя?

Голос чип-ридера из динамиков подавил остатки сопротивления. Химия не позволяла игнорировать требование.

— Глория…

Она ответила и удивилась своему ответу. Какая еще Глория? Она же Флора? Или нет?

28

— Потенциальная утечка, госпожа. Три пакета с неизвестным содержимым прорвались сквозь нашу блокаду. Использована системная уязвимость. Скомпрометированная аппаратура выведена из рабочего контура, работаем на второй резервной линии.

Госпожа в алом нахмурилась. Пускай ее план все еще оставался в приемлемых диапазонах рискованности, дополнительная помеха требовала осмысления.

Кто-то из тщательно экранированной подземной зоны ухитрился отправить что-то в большую сеть.

Если это работа полицейских алгоритмов, на разгроме отданных на заклание трех подземных этажей корпоративный спецназ не остановится. А если это информационная бомба от конкурентов?

Исследования финансировались из секретного фонда: никто и никогда не отчитывался за потраченное перед акционерами или советом директоров. Но это все равно не могло защитить от возможного компромата, если в ушедших пакетах находилось что-то грязное.

Комплекс «Патала» видел на своем веку очень много грязи, но сейчас госпожу интересовали только те эпизоды истории, в которых опытные следователи, вооружившись большими вычислительными мощностями, могли выявить ее участие.

Увы, денег в проект было вложено много, а полностью замаскировать финансовые потоки от внимательных глаз и мотивированных сыщиков не удавалось еще никому. Чище всего на этом поле играл Сильвер, транзакции которого рассыпались по тысячам частных лиц, каждое из которых даже не подозревало о своем участии в его играх. Но и тут вычисление таинственного сепаратиста тоже продвигалось, медленнее чем хотелось бы многим в корпоративной полиции и верхних корпоративных эшелонах, но зато верно.

— Отследить направление сигналов удалось?

— Прошу прощения, госпожа. Это был одноразовый узел. Косвенные признаки позволяют предположить физическое уничтожение. Бригада уже выехала, двадцать пять минут до прибытия… Госпожа! Нарушение дальнего периметра. Неизвестная банда на четырех мобилях. Дальний пост номер восемь не отвечает. Камеры не активны. Боевой контакт.

— Команду на ввод дополнительных сил из резерва!

Шанс на то, что вторжение инициировано утечкой был

невелик, однако госпоже не требовался рост рисков на поверхности. Пока неизвестные не вступили в контакт с корпоративной полицией их стоило нейтрализовать.

— Дерьмо, — тихо пробормотала девушка-аналитик, транслируя во внешний мир распоряжение выдвинуть одну из групп зачистки к замолчавшему посту.

29

Паралич, который устроил Карлу его же чип, и последствия допросной химии побуждали головолома отвечать на задаваемые вопросы, но при этом лишали возможности делать это вслух.

Доступ к локальной сети и управлению камерами Карлсон утратил почти полностью. Внутренний чат оставался активен в одном из окон адреалиновых очков, но воли и концентрации для того, чтобы записать в строку ввода хоть один символ у головолома не осталось.

Даже центральное окно с камерой зафиксировалось в не самом удобном положении. Транслируемое изображение захватывало кусок пола с застывшей в позе зародыша Флорой, но виден был лишь ее затылок со шлейфом, а не лицо.

В верхнем левом углу угадывались ноги Свена, нижний правый время от времени закрывало плечо Бобби.

Ответы, которые не могли вырваться наружу, застревали в мыслях, мешали думать о чем-то еще. Если бы не навык головолома, позволяющий отделять внешние информационные потоки от взламываемой жертвы и собственные мысли, Карлсон впал бы в гипнотическую сонливость с утратой способности к рассуждению.

Каталептическое состояние угнетало Карла, но было ему знакомо. К чему-то похожему он подходил в перерывах между работой. Во внутреннем психическом оазисе Карлсона обитал вечно голодный пэкмен. Сейчас этот хищный колобок реагировал на внутренний монолог головолома и ловко поглощал никому не нужные ответы на вопросы Свена.

Благодаря пэкмену Карлсон мог слушать ответы Флоры. Слушать и сопоставлять их с пакетами, которые получил во время взлома.

— Твое имя?

— Карл… Флора? Глория.

Карлсон уже встречал упоминание Флоры Найтингейл, а потому не удивился расхождению имен. Флора была рабочим псевдонимом, служебной психической маской, скрывающей подлинную личность полицейской. Внутренне полицейская отождествляла себя с Найтингейл, но головолом не собирался жаловаться на такие аномалии профильным специалистам Корпола.

— Твоя настоящая фамилия?

— Карлсон… Найтингейл? Лиддел.

— Полное количество лет?

Стартовый набор вопросов являлся лотереей. С одной стороны, для качественного допроса требовалась тонкая калибровка с заранее известными ответами. С другой, всегда существовал риск, что на одно из произносимых Флорой/Глорией слов окажется кодовым и, в ответ на него запустится еще одна защитная программа, скрытая от работающих в фоновом режиме алгоритмов прошивки.

Сам чип Карлсон вычистил и теперь был полностью уверен в отсутствии там тревожных закладок, но у полицейской могли оказаться и скрытые имплантаты.

На счастье головолома сюрпризы Флора преподнесла совершенно другие. Но сначала начались странности в исполнении Свена.

— Твое настоящее имя Флора?

— Нет… Да.

Карл сначала удивился вопросу, но уже спустя мгновение пробовал понять, как сочетается Глория с Флорой. Ключевым словом, конечно же, было «настоящее». Оно имело отношение к реальности, каким бы представлением о мироустройстве ни пользовались.

Карлсон привык к тому, что вокруг него много самых разных реальностей: физическая, информационная, расширенная, дополненная, персональная, консенсуальная, фантомная… Однако, без дополнительных уточнений контекст вопроса оставался предельно прозрачен.

Настоящее предполагало ответ о том, что существовало на самом деле, если ответы расходились — расходилось и само дело.

Кто же ты, Флора, подумал Карлсон, которому вдруг стало очень интересно, кого же он на самом деле недавно взломал.

30

Происшествие на свалке спровоцировало активность не только в Корполе и тех корпоративных отделах, которые специализировались на внешней разведке. Помимо них оживились политические аналитики, прослойка менеджеров, работающих с рынками и биржей. Но, помимо них, на защищенном канале собрались те корпораты, которые точно знали, что в состоянии обнаружить Корпол, если подземные улики не будут надежно уничтожены.

У подземного исследовательского комплекса в закрытой базе данных корпорации «Карфаген» имелся многобуквенный шифр, зацепившись за который при желании можно было бы установить статьи расходов на содержание тайного объекта.

Кроме того, шифр тесно связывали с одной из влиятельных представительниц совета директоров, некоей Валерией Барбат. Упоминание данного имени всуе не сулило человеку ничего хорошего — за этим следила служба внутренней безопасности массальского филиала.

Официально Валерия проживала неподалеку от центрального офиса корпорации, по другую сторону Средиземного моря, но некоторые системные службы оставались в курсе реального положения.

Четыре женщины, четыре массальских региональных директора из шести лежали в своих капсулах, а их цифровые аватары сосредоточенно изучали сводки, поступавшие к ним сотнями путей: от высокоатмосферных снимков до утечек от сотрудников корпоративной полиции.

К сожалению, связи с Валерией Барбат у них не имелось. Корпол надежно изолировал сектор, в котором шел ожесточенный бой, как от городской сети, так и от спутниковой трансляции.

Пока остальные корпорации сокрушенно подсчитывали убытки от захваченного информационной изоляцией участка со складскими помещениями морского порта, отданного в долгосрочную аренду Логистическому союзу, в «Карфаген Индастрис» оценивали масштаб будущих неприятностей.

Ситуация осложнялась тем, что статус госпожи Барбат, по инициативе которой резервный дата-центр перепрофилировали и усилили дополнительным вооружением, был в иерархической структуре корпорации на одну ступень выше статуса проводивших расследование.

Региональные директора не имели прав запрашивать у нее отчета. Однако, каждая из женщин являлась ставленницей кого-то

из центрального офиса, что позволяло действовать не напрямую, а через Северную Африку. Единственная дама из массальского совета директоров, которую не пригласили на встречу, ходила под патронажем самой Валерии, а потому в данном вопросе была бесполезна.

— Я запустила четыре сессии антарктического консорциума, чтобы смоделировать оптимальную стратегию минимизации рисков, — поделилась самая младшая из женщин.

Марьям Пресслер занималась вопросами формирования имиджа, а потому готовилась разворачивать информационную операцию прикрытия. — Пока что объем неизбежных потерь настолько велик, что центральный офис будет в ярости. Какие бы секреты ни пыталась выведать госпожа Барбат, они вряд ли стоят двух кварталов напряженной работы всего местного отделения.

— В таких условиях на нас повесят вообще все недочеты за текущий период, — дополнила ответ своей коллеги Ольга Кавендиш. Сильной стороной этой дородной женщины с короткой стрижкой и волосами цвета морской волны являлось управление технологическими цепочками. В региональные директора она выбилась хоть и не с самых низов, но даже такой прогресс, отраженный в личном деле, впечатлял многих в Массалии.

Мало кто знал, что Ольга мастерски использовала навык сбрасывать ответственность за свои, пускай и немногочисленные провалы, на менее удачливых коллег. — Это помойное сражение убивает наши шансы на переизбрание. Нам необходимы доказательства саботажа. Формальное подчинение этой сучке в красном — палка о двух концах.

Все виртуальные изображения дам, занимавших кресла региональных директоров «Карфаген Индастрис» утвердительно кивнули.

— Одним концом она нас закапывает, причем с каждой минутой все глубже и глубже. Но, с другой стороны, в подобном положении можно найти потенциальную индульгенцию: достаточно только где-то заполучить комплект доказательств тому, что Валерия осознанно пошла против интересов корпорации, а мы не сумели вовремя ее остановить.

Пресслер тихо вздохнула, прежде чем расстаться с очередной суммой денег.

Работа антарктического консорциума в режиме наивысшей оперативности вместе с дополнительными требованиями безопасности обходилась ей недешево. Однако, Марьям втайне от остальных надеялась, что подобные пожертвования из собственного кошелька скажутся положительно на ее внутрикорпоративном имидже, а потому рассматривала данные

расходы как форму долгосрочных инвестиций в собственное будущее.

Дело обязательно будет отправлено на расследование службисткам внутренней безопасности, а там весомой может стать любая мелочь.

Еще две дамы скорбно молчали. Их угнетала неотвратимость внутреннего расследования, инициированного на самом верху, расследования неподкупного в силу того, что предполагало полную изоляцию подозреваемых от доступа к финансам.

Даже без участия в авантюре Барбат их собственных махинаций хватало на черную рамку вокруг изображений на официальном сайте корпорации.

Возможно, эти дамы планировали сразу после совещания пуститься в бега, куда-нибудь в Канаду, где средиземноморские килеры отыскали бы их не сразу, а чуть погодя. Но даже такой побег был невозможен без взлома прошивки, что само по себе считалось непозволительным при их текущем статусе.

Ольга время от времени задумчиво изучала аватары молчаливых дам, прикидывая про себя, насколько убедительно можно представить бегство этой парочки как доказательство того, насколько продажных и ненадежных представительниц допустили директора центрального офиса к управлению массальскими активами «Карфагена».

— Что у нас есть на Валерию Барбат? — спустя пару минут, на протяжении которых собравшиеся молчали, обдумывая тяжесть своего положения, поинтересовалась Кавендиш. — Я не поверю, что никто не пробовал собирать на нее компромат, равно как и на каждую из нас. Что-то должно было найтись. Возможно, если мы объединим наши выжимки из грязных архивов, получится собрать какое-то подобие оправдания перед нашими матронами.

Виртуальное пространство перед Ольгой сгустилось в папку, которая улеглась на стол перед женщиной. Спустя четверть минуты перед Марьям появилась такая же папка, только немного толще.

Молчуньи держались дольше, но им требовалось хотя бы негласное сотрудничество с парой региональных директоров, которые в ходе расследования могут либо проявить избирательную слепоту, либо свою мстительную природу. Для тех, кто собирался бежать в варварскую глушь даже фора в полчаса могла стать вопросом жизни и смерти.

— А вот сейчас у нас появился небольшой шанс минимизировать будущие потери, — зловеще объявила Ольга Кавендиш. — Аналитикам придется поработать внеурочно, да и

поддержка суперкомпьютеров не повредит.

31

Для самой Флоры допрос выглядел совершенно иначе. С самых первых вопросов ей стало дурно и непонятно. Непонятно, отчего из нее рвутся какие-то странные ответы. Кто такая Глория Лиддел? Имя-прикрытие? Фальшивая личность? Рабочий псевдоним или же базовая биография, поверх которой кто-то записал новую память? Почему химия вырывает из нее именно этот ответ? И снова, снова, снова — отчего она вдруг узнала Карла? Может быть, его знала эта неведомая Глория, которая отодвинула Флору на второй план, позволяя избежать неудобных вопросов.

Девушка успела подумать, что стала свидетелем работы какого-то из защитных и недокументированных из соображений безопасности алгоритмов чипа, когда прозвучал вопрос про настоящее имя.

Защита, на которую уже начала надеяться полицейская, не сработала. Виновный в происшествии был определен моментально. Кто незадолго до этого возился с ее мозгами и чипом?

Из диалога корпоратов Флора сделала вывод, что ее временное и крайне неудачное спасение от медицинской блокировки Карлсон устроил из-за побочных эффектов взлома.

Локальный импринтинг, кажется так называл это состояние допрашивающий.

Точечный ожог от работавшего в нештатном режиме коммуникационного лазера еще чесался. Флора признавала, что окажись на месте Карла, вряд ли сумела бы так быстро разработать план.

И что с того, что закончилось пшиком — обычный человек, парализованный и без административного доступа к местной сети сумел сделать то, чего от него не ожидали. То, что это было сделано ради нее, могло будоражить воображение, если бы обстановка оказалась заметно спокойнее. Увы, поступок хоть и заслуживал уважения, раздражал повышением непредсказуемости, неопределенности, мешал планировать свои действия и предсказывать действия своих противников. Когда боевик выпустил в Карлсона иглу с той же химией, Флора мысленно усмехнулась. Вновь в одной лодке, в плену одной корпорации и одной интоксикации.

Было ли это ироничным разделением судьбы или нет, каким-то мистическим знаком, из разряда тех, о которых любили говорить различные сектанты? Девушка не задумывалась о таких

вещах.

До того момента, как допрашивающий не начал задавать очень странные вопросы, а она — выслушивать произносимые своим же голосом ответы, которые казались ей страннее вопросов.

— Двенадцатого марта этого года вы посетили складскую площадку корпорации «Карфаген», в портовом комплексе Логистического Союза?

— Да…

— Как назывался первый доклад первого дня конференции в Ясмине, на которой выступал Вячеслав Соловьев?

— Сравнительный анализ активности варолиевого моста методами предикативного моделирования чипов Itaka и Аррагон Электроникс.

— Одиннадцатого марта этого года вы были задержаны отделом внутренних расследований корпоративной полиции по обвинению в шпионаже в пользу Логистического Союза?

— Да…

— По результатам внутреннего расследования вы были оправданы и получили денежную компенсацию за беспокойство?

— Да…

— За что отвечает сигнал по первой дорожке сенс-камеры, работающей по протоколам серии Коринф?

— За контроль альфа-ритмов головного мозга.

Ответы на две трети вопросов, которые поступали из-под потолка, Флора узнавала лишь после того, как произносила их вслух. Вместе с этими ответами к ее мозгу словно подключались целые базы данных, что приводило девушку в растерянность. Точно ли это допрос? Или может, какой-то изощренный эксперимент над ее чипом и личностью?

Треть минуты девушка всерьез задумывалась, а не зовут ли ее Роза? Флора, как ассоциативная производная от Розы, являлось оперативным псевдонимом. Или настоящим именем? А оперативный псевдоним… Лиддел? Кавелье?

— Ваше пребывание под влиянием симуляции, в рамках которой производилось расследование длилось больше шестидесяти двух часов, включая сон и бессознательное состояние?

— Да…

— В таком случае, дорогая Глория или еще более дорогая Флора Найтингейл, как вы объясните свое посещение площадки «Карфаген Индастрис»? Как вам удалось оказаться в двух местах одновременно, если учесть, что и в том, и в другом случае у вас были взяты анализы генома и сверены системные данные

индивидуального чипа?

Незадолго до того, как его задал голос с потолка, когда только-только прозвучали даты и ее утвердительные ответы, девушка задалась тем же вопросом.

Оба воспоминания казались в одинаковой степени настоящими, но только до тех пор, как ей предложили сверить две даты.

32

— Что скажешь, подруга?

Из-за того, что международную конференцию решили провести в реальном пространстве, выделив верхние этажи лучшего отеля Ясмины, приходилось общаться голосом и только голосом. На сетевые переговоры накладывалось суровое вето, за которым следило колоссальное количество безопасников.

Сильвия нахмурилась.

— Чуть опережая события, он — мой!

Валерия присела рядом и на антикварном диванчике двадцатого века моментально стало тесно. Молодая и крайне амбициозная девушка, совсем недавно ставшая директором центрального отделения «Карфаген Индастрис», подминала под себя всё, до чего получалось дотянуться. Вот и с диванным пространством тоже вышла та же история.

— Опережая события… — чуть посмаковала на языке попавшееся словосочетание миз Барбат. — Что ты нашла в этом русском? Помимо его любопытных работ по методам конвертации органической памяти в аппаратные форматы, конечно. Старый, странный, застывший в паре шагов от гениальности.

Сильвия на миг растерялась. С одной стороны, слышать столь нелестную оценку мужчины, который ей нравился, было неприятно. С другой стороны, радовало, что Валерия ей не соперница. Она играла в другой лиге, с детства крутилась среди высшего руководства.

Если бы не стажировка в одном и том же медицинском центре, пути Барбат и Райзенор могли бы не пересечься. Две умные, но такие непохожие женщины ухитрились найти общий язык, выяснить сильные и слабые стороны друг друга, изобразить подобие дружбы, на девяносто процентов состоящей из чистого и неприкрытого прагматизма.

У Райзенор были связи среди квалифицированных пользователей и разработчиков медтехники, у Барбат — среди производителей и продавцов.

Они были полезны друг другу, но это состояние не могло продолжаться вечно. Когда Валерия заняла вакантное место в совете директоров «Карфагена» время совместных проектов подошло к концу.

— Я рада, что ты задала мне вопрос про Соловьева, — застенчиво улыбнулась Сильвия. — Приятно ощущать себя экспертом по русским асам в области нейроархитектуры. Или ты интересовалась как женщина?

На обзаведение семьей у Барбат вечно не находилось времени. Чтобы поддерживать в тонусе защитные свойства своей прошивки Валерии приходилось регулярно заводить краткие гетеросексуальные отношения, но до беременности не доходило ни разу.

— Старый, странный, — повторила Барбат. — Но потенциал в его разработках имеется. Если кто-то научится транслировать органическую память в аппаратную и наоборот, появится возможность стать лидером в образовательных технологиях. Скачал у высококачественного специалиста его опыт, конвертировал в софт и торгуй лицензией. Даже высокая стоимость загрузки окажется дешевле чем современное обучение. Время — деньги…

— Вячеслав говорил, что там возникает проблема сепарации опыта, — пожала плечами Сильвия. — Тут скорее семантика и семиотика, нежели нейрофизиология. Квалификация распределена по нейронным группам головного мозга и зависит от смежных активностей. Смыслы переплетены слишком тесно, чтобы распутать гордиев узел, который когда-то назвали корой головного мозга.

— Перекидывайте все оптом, — немного подумав, предложила Барбат. — А там уже немного эволюции и все в дамках. Как говорится, победит сильнейший.

— Диссоциативные расстройства личности лечатся, но какой ценой? Вячеслав говорит, что это тупиковый путь. Во время борьбы двух нейронных групп обе начинают с того, что отбрасывают лишнее.

— Побеждает тот волк, которого кормишь, — парировала Валерия. — Любой корпорации было бы интересно кормить внутреннего эксперта, а не внутреннего стажера.

— Разве кто-нибудь согласился бы на убийство своей личности ради того, чтобы в его теле и с его памятью ходил на высокооплачиваемую работу кто-то другой? — удивилась миз Райзенор. — Овчинка не стоит выделки.

— А у палки два конца, — поговоркой на поговорку ответила Барбат, вставая из-за стола. Перерыв между выступлениями на конференции был небольшим, да и подошла молодая директрисса к своей подруге уже в самом конце антракта. — Ты только подумай, сколько всего, за самый скромный прайс будут готовы сделать высококвалифицированные специалисты, если альтернативой будет загрузка в их мозг личности менее строптивого эксперта?

Сильвия представила, что такой выбор предлагают ей самой и почувствовала, как откуда-то изнутри подступает тихий ужас.

Метод казался рабочим, требующим лишь небольшой доработки, но ни она, ни Вячеслав Соловьев никогда бы не согласились работать в указанном направлении.

— Моей корпорации была бы интересна эта перспективная технология, — добавила Валерия прежде, чем уйти к своим коллегам, обсуждать бюджет на следующий год. — Если что, вы с Соловьевым знаете, как меня найти.

На следующий день конференция в Ясмине подошла к концу. Больше эти две женщины друг с другом не встречались и даже не переписывались.

33

Не требовалось быть аналитиком или физиогномистом чтобы понять, насколько сильно Берта Уокерсон не любила совещания и всевозможную бюрократию. Даже виртуальный аватар, который больше, чем наполовину управлялся скриптами поддержки, а также действующим под прикрытием скриптов референтом, ухитрялся транслировать вовне свойственное миз Уокерсон недовольство бесполезной говорильней и жажду прямого действия.

Но даже Бешенной Берте приходилось соблюдать регламент, пускай только одним из потоков распараллеленного сознания, не самым приоритетным.

В отличие от главы штурмовой группы Матильда наблюдала за Бертой внимательно, снизив приоритеты окон с экспертами до фоновых. Пока материалы экспертов обрабатывала референт комиссар вслушивалась в скупой доклад, периодически переводя взгляд на трехмерную модель, которая составлялась по данным со всех дистантов Корпола, задействованных в операции.

Уокерсон мастерски рассыпалась стандартными оборотами, будто надиктовывала официальный протокол. Даже незнакомый с нею человек быстро понял бы, насколько сильно Берта набила руку на их составлении. Став лучшим штурмовиком Массалии четверть века назад Берта уступала этот титул только один раз, на последних месяцах беременности и на время грудного вскармливания. Но даже тогда квартальные показатели ее эффективности не опускались ниже четырнадцатой позиции.

Матильда, равно как и остальные участники совещания, ждали завершения доклада, чтобы задать свои вопросы.

Статус комиссара позволил Матильде оказаться одной из первых в виртуальной очереди. Если бы не контроль за операцией, не возникло бы и необходимости выстраивать линейную очередность. На текущее количество участников хватило бы и параллельных потоков сознания самой Берты.

В крайнем случае, аппаратная поддержка штурмовой группы обеспечила бы необходимое количество виртуалов.

Однако сейчас сервера штурмовиков были заняты более важными задачами и Матильде очень хотелось узнать, что же отвлекает Берту от полноценного штурма.

Удивительно, но тот же вопрос прозвучал от одного из координаторов Корпола, девушки лет тридцати, с темно-синими волосами, собранными в архаический пучок.

— Мы не в состоянии определить руководящую модель

противника, — недовольно фыркнула Берта. — Только это удерживает дистантов от проникновения на второй подземный уровень и полной информационной изоляции базы.

— Можете развернуть для непрофессионалов? — все-таки вставила свою реплику комиссар корпоративного парламента. — И разве целью преступников было не похищение сотрудника литерного отдела с последующим информационным потрошением?

— У нас не сходятся модели, — чуть помявшись признала Бешенная Берта. — Несомненно, похищение Глории Лиддел инициировало цепочку событий, которая привела к текущему конфликту. Однако, мы не знаем, что именно от этой сотрудницы Корпола понадобилось похитителям. Они слишком хорошо подготовились, однако ряд признаков позволяет предположить, что наши атаки тоже включены в дерево их тактического планирования. То есть, действуя по классическим протоколам Корпола мы подыгрываем неведомым целям похитителей.

Признание Берты Уокерсон заставило нахмуриться всех собравшихся на совещание. Не прошло и пары секунд как требование о проверке гипотезы ушло десятку аналитических групп.

Когда глава штурмовиков завершила объяснение, Матильде пришло экспресс-подтверждение. Аналитики еще не завершили обработку модели, однако предварительный результат говорил в пользу Бешенной Берты.

— Похищенная находится где-то заметно глубже второго подземного уровня. Сканирование пустот говорит о наличии минимум шести подземных этажей с неизвестным уровнем защиты, — продолжила Уокерсон. — Комплекс имеет автономное энергоснабжение. Вероятность сценария с автоподрывом по скрытому условию удерживает от массового подключения живой силы к штурму. Я уже запросила со складов три обоймы малогабаритных дистантов: наши стандартные «богомолы» плохо приспособлены для перемещения по техническим коридорам, а штатная обойма «гномов» выведена из строя одним из замаскированных армейских комплексов, вместе с носителем.

— Что, помимо штурма, предпринимается для освобождения полицейской?

Появление новой аватары заставило Матильду вздрогнуть. Молодая фигуристая девушка, если таково было реальное, не смоделированное искусственно изображение подключившейся к собранию, возникла по левую руку от комиссара.

Память услужливо подсказала регламент собрания, отчего настроение Матильды Кох испортилось еще сильнее. Данное

место резервировалось для одной из подлинных хозяек Массалии.

— Мы оставили осажденным два узких информационных канала. На один канал удалось подсадить свой ретранслятор. Тут мы контролируем весь трафик. Второй канал пустует, по нему проходит только регулярный пинг. Есть подозрения, что это отводка на случай полной блокады. В этом случае отсутствие пинга запустит автоподрыв подземных помещений, — Берта мгновенно увеличила степень своего присутствия, отчего ее речь стала звучать быстрее.

Девушка задумчиво посмотрела куда-то в сторону своих дополнительных окон.

— Я так понимаю, вы отправили туда чистильщика…

Теперь нахмурилась уже Берта. Чистильщики считались в Корполе секретной темой, о которой было не принято говорить на совещаниях с участием посторонних.

Матильда ненадолго почувствовала себя неуютно. Одно только упоминание о чистильщике грозило дополнительными подписками и проблемами в команде ее персональных аналитиков.

Однако, раз если первой о чистильщиках заговорила Анна Тхакур, полномочный секретарь Логистического Союза, одними проблемами с секретностью тут явно не могло ограничиться. Было что-то еще. То, что Матильде знать уже не хотелось. Подключение «союзников» автоматически выводило проблему на новый уровень сложности — туда, где вся Массалия в качестве корпоративной республики была не более чем разменной монетой.

34

Раздвоенность Флоры не осталась незамеченной внутри лаборатории. Конечно же, первым ее зафиксировал Свен, на пульт к которому стекались почти все данные от исследовательских устройств в помещении. Но Свен находился в узких рамках контрольных алгоритмов своего чипа.

Перед ним в расширенном пространстве адреалиновых очков маячил динамический список обязательных вопросов и набор параметров, которые следовало измерять как можно точнее.

Он мог думать, о чем угодно догадываться, но любое не регламентированное правилами и не продиктованное сетевым ботом вмешательство в исследовательских процесс было строжайше запрещено.

Два с половиной года назад судьба уже сталкивала чип-ридера с девушкой, которую звали Флора Найтингейл. Но там была латиноамериканка, чуть постарше полицейской — Свен прекрасно помнил обстоятельства той встречи. Он уже догадался, что подобные совпадения не случайны. Корпораты, которые подбирали персонал для проведения допроса, каким-то образом откопали ту историю. Но вместо проведения служебного расследования или вербовки службой безопасности, его решили засунуть под наблюдение десятков камер, как дрозофилу под микроскоп.

После того, как полицейская косвенно признала наличие в своей памяти воспоминаний более одной Флоры, Свен подумал, что понял логику, которой руководствовались корпораты. Знакомые лица. Пускай он видел эту девушку первый раз в жизни, в ее голове могли каким-то образом проявиться воспоминания другой Флоры.

В самом начале допроса девушка назвала головолома по имени, Свен мог бы поклясться, что видел удивление на лице Карлсона. Очевидно, с ним тоже была знакома одна из Флор.

Темной лошадкой в этой цепочке рассуждений оставался Бобби, но чип-ридер полагал, что и у того имелись какие-то точки пересечения с объектом исследования.

Вопросы, задаваемые через динамики, отчего-то изменили свою стилистику. Тот, кто управлял их последовательностью не стал «дожимать» девушку после явного указания на несоответствие полученных ответов и официальной биографии.

Вместо этого началась серия биографических вопросов, из числа тех, которые легко проверяются по архивам и служат для того, чтобы проверить качество памяти допрашиваемого.

Однако, выслушав несколько ответов Свен вдруг сообразил, что это очередная коварная проверка. Закрытые вопросы подразумевали согласие полицейской по меньшей мере с тремя разнородными биографиями — разве что не так открыто, как это произошло с пересечением дат.

Выстраиваемая в голове чип-ридера картина сильно не нравилась Свену. Тут пахло корпоративной тайной таких размеров, что шанс когда-либо вырваться из подземной лаборатории стал резко скукоживаться.

На месте неведомых корпоратов Свен подписал бы смертный приговор всем людям в лаборатории, причем сразу после начала допроса. И привел бы его в исполнение сразу после фиксации ответа на последний вопрос.

А ведь не взломай Карлсон защиту, происходящее можно было бы списать на коварство полицейских алгоритмов.

Свен украдкой посмотрел на неподвижную фигуру головолома, так похожую на сломанную капризным ребенком куклу, брошенную в угол за ненадобностью.

Обречь себя на смерть, успешно взломав столь необычную жертву… Жестокая корпоративная ирония от которой даже не тянет улыбаться.

И все-таки Свен сумел улыбнуться, еле заметно, только уголками губ. Блокировка «Пигмалиона» постепенно сходила на нет, но возможность управлять своим телом никак не избавляло чип-ридера от тех знаний, обладание которыми не сулило обычному человеку ничего хорошего.

35

Валерия Барбат внимательно следила за ходом допроса, не игнорируя при этом подопытную, которой предстояло стать первым рабочим прототипом, если исследования завершатся успехом. Подставной менеджер и сопровождающий только что покинули комнату, подопытная для следующего этапа, девушка-аналитик, едва ли не в режиме реального времени сверяла ответы полицейской с виртуальными моделями.

Телеметрия поступала не только с шлейфа, но и с дополнительных датчиков, как явных, так и скрытых. Подопытная оставалась не в курсе, что с ее аналитического костюма также собирались данные.

Прямое соединение чипа с дата-центром, по специальному шлейфу, помогало аналитику в работе. Однако, по команде Валерии оно же могло быстро закачать, сначала в сам чип, а затем и в органическую часть мозга, большие объемы данных.

— Почему перешли на вторую резервную цепочку вопросов?

Адреалиновые очки госпожи отображали тот же поток данных, но без многочисленных комментариев от автоматических экспертных систем.

— Стопроцентное совпадение индивидуальных гармоник мозговых ритмов, — девушка-аналитик отвечала голосом. — Эта Флора не является биологической копией той Флоры Найтингейл, которую охрана ранила во время попытки проникновения на территорию корпорации «Карфаген Индастрис». Внутреннее правило номер пять: установление меры тождества.

Глаза миз Барбат под очками расширенной реальности торжествующе сверкнули. Какой бы ни оказалась причина совпадения гармоник мозговых ритмов, еще недавно считавшихся уникальными для каждого человека, открытие уже окупило львиную долю расходов, включая будущие штрафы, которые придется выплатить Корполу за нарушения порядка.

Где-то на горизонте замаячил главный приз, ради которого вот уже три с лишним года производились тщательно засекреченные исследования. Сетевое бессмертие стоило того, чтобы ради него стереть с лица земли не только жалкую городскую помойку, но и пару современных средиземноморских городов, до самого основания.

Валерия проверила как рабочие данные уходят на секретный сервер корпоративного дата-центра. Даже если допрашиваемая скончается от сработавшей в прошлый раз закладки, полученного материала хватит для вычисления следующей Флоры.

За счет того, что последние эксперименты проводились в условиях тотальной изоляции от внешних сетей, все оцифрованные воспоминания, вся телеметрия чипов, как нынешней Флоры, так и предыдущих, оставались во внутреннем контуре.

Внешняя, еще не пойманная до конца Найтингейл, не имела представления о том, что стала объектом исследований.

— Твой секрет станет моим, подумала госпожа, глядя на изображение растерянной девушки, которая только начала узнавать о своей необычной природе.

Программа допроса продумывалась и прописывалась с учетом самых разнообразных реакций на вопросы. Флора должна была пробудиться от защитной дремы, отбросить повседневную маску Глории Лиддел, своей исходной личности, почти растворившейся в многообразии.

Убедившись, что нанятый виртуоз-головолом вычистил профессиональные защитные блоки из чипа полицейской, Валерия отдала распоряжение транслировать через шлейф последние считанные в этой же лаборатории воспоминания и телеметрию предыдущей Флоры.

Конечно же, представительница совета директоров влиятельной корпорации «Карфаген Индастрис» предпочла бы действовать более размеренно, но развитая интуиция администратора высшего звена подсказывала, что времени оставалось немного. Неизвестные уже зашли на территорию, изолированную для проведения эксперимента, а куда ушли вырвавшиеся неведомым образом информационные пакеты, оставалось лишь гадать.

Однако, в остальном исследование шло на редкость успешно. Еще два промежуточных испытания и можно будет переходить к серьезным экспериментам.

36

Сочетание эффектов вколотого зелья, последствий взлома и «Пигмалиона» скомкало прежние границы индивидуального. Карл ощутил это с первых секунд допроса полицейской. Собственная психика норовила отвечать на вопросы Свена самостоятельно.

Если бы на этом все и завершалось, Карлсон не счел бы внутреннее проговаривание некоторых фактов за проблему. Однако недавний взлом оставил в чипе и среднесрочной памяти солидный фрагмент данных Флоры, а осознание того, что допрашивают её, приводило к тому, что чип воспринимал голос Свена как команды на поиск в полученном объеме — и возвращал найденное Карлу.

Два ответа сталкивались, порождая странную деперсонализацию, которая усугублялась «эхом» из реального мира — ответами самой Флоры.

Но когда ответы девушки не совпадали находящимися в мозгу и файлах головолома, все становилось еще сложнее.

Сначала накатывала волна дезориентации. Новая информация дискредитировала добытую, а два разнородных пакета данных провоцировали сомнение в исходной самоидентификации Карла. Если Флора на самом деле Глория Лиддел, где гарантия того, что Карлсон, которым себя знал головолом — настоящий?

Или, если Глория на самом деле Флора Найтингейл, то не обладают ли собственными биографиями те периоды жизни Карла, которые он был не в состоянии вспомнить из-за чисток?

Сильнее всего ужасали паузы между вопросами. В эти мгновения головолом чувствовал себя кем-то еще — потому как собственная идентификация оставалась в клинче с памятью Флоры.

Альтернативный Карлсон думал… компактно. Компактно, расчетливо, прагматично.

Его мышление не слипалось с допросной триадой.

Внутренний Карлсон не только отстранился от лабораторной реальности. Он сосредоточился на локальном сетевом пространстве, позаимствовав несколько отмычек из арсенала полицейской.

Сетевые архитекторы, которые настраивали лабораторные доступы, предусмотрели возможную попытку взлома, выделив часть дискового пространства под изолированную директорию с информационной ловушкой.

Тут были программы, которые угрожали захватить все

свободные ресурсы чипа или забросать его сигнатурами вирусов, чтобы раз за разом запускать глобальную антивирусную проверку. У жертвы, попавшей в такую ловушку, оставалась только органическая часть мозга для обработки данных, а в этом состоянии даже команду на открытие дверей не подать.

Альтернативный Карлсон осторожно убедился в отсутствии прохода дальше. Та взрывоопасная психическая смесь из прежнего Карла, памяти Флоры и ответов Глории, что следила за его действиями, сочла поведение Карлсона занимательным.

А когда внутренний и тайный Карлсон наполнил самораспаковывающийся архив аккуратно собранными в сетевом тупике вирусами, то к эпитету «занимательное» добавилось еще одно — перспективное.

37

— Ну почему именно я?

Диал-Ап стонал уже с четверть часа, с тех пор как его такси подорвалось на электромагнитной мине. По мозгам это ударило подобно светошумовой гранате, через персональный чип.

В себя агент Карлсона так и не пришел. Потому как будучи в себе, он никогда бы не забрался в незнакомый броневик. Особенно, в компании троицы угрюмых мужиков, чьи лица скрывались за панелями тактических шлемов.

Оценив арсенал, который каждый из троицы таскал на креплениях своего экзоскелета, Диал-Ап передумал сопротивляться. А вот ныть не передумал.

Толку от его стонов и вопросов в пространство не было никакого. Похитители задействовали аудиофильтры и явно общались кодированными пакетами, которые передавались по лучу.

Судя по тому, как мотало броневик, передвигался он по довольно пересеченной местности. Диал-Ап предположил бы, что его везут куда-то за город, однако даже в родном районе ему встречались места, способные раскачать самую современную подвеску ничуть не хуже.

Убедившись, что какое-то время его не будут убивать, Диал-Ап попробовал угадать, какой из банд или корпораций принадлежит захватившая его группа неизвестных.

Увы, похитители позаботились об отсутствии корпоративных маркеров, брендированных вещей и цветовой гаммы, характерной для корпораций Массалии.

Выдавало их только качество тактических костюмов и техники: с бандами и частными лицами корпораты торговали в основном морально устаревшим оборудованием. Даже с учетом возможных взяток собрать столь полный комплект, по мнению Диал-Апа, не смог бы даже Сильвер.

Больше всего похищенного удивляло его собственное пребывание в сознании. Традиционно, когда кто-то похищал человека, жертву усыпляли с помощью газа, а на затылочный разъем ставили заглушку, предотвращающую прием и передачу сигнала через беспроводное соединение.

Отход от классических принципов мог означать либо дурное, либо и вовсе прискорбное. В наихудшем из сценариев Диал-Апа ожидала смерть, в скорое наступление которой он старательно не верил. В остальных случаях похитители собирались, по завершению неведомых действий, наградить его очередной дырой

в памяти.

Не успел агент головолома убедить себя в неизбежности предстоящего расставания с куском воспоминаний, как броневик внезапно остановился. Поскольку похитители заботливо пристегнули свою жертву ремнями безопасности, вместо того чтобы полноценно врезаться в броню ближайшего соседа, Диал-Ап только ударился головой о ствол дронобойки.

— Сиди внутри, — предупредил похищенного старательно измененный тактическим шлемом мужской голос. — Ничего не бойся. Мы тебе не враги. А чтобы было не скучно, лови линк.

Удивительно, но на чип, который так и не удосужились заблокировать, пришло уведомление о новом канале. Поскольку адреалиновых очков под рукой не оказалось, пришлось закрыть глаза и подождать, пока заработает искусственная стимуляция зрительной зоны головного мозга.

Развернув окно расширенной реальности на полный размер, Диал-Ап увидел три однотипных бронированных машины без опознавательных знаков. Из двух машин ловко выскочили фигуры, тут же включившие электронную маскировку. Пропав из оптического диапазона, бойцы обзавелись персональными маркерами с кодовыми именами, взятыми из таблицы Менделеева.

Так Диал-Ап узнал, что приехал неведомо куда в сопровождении Лития, Купрума и Урана. Помимо них, из соседнего броневика выбрались Никель, Фтор, Магний и Радий.

Где-то, в паре километров от того места, где остановились машины, что-то очень сильно горело. Густой черный дым поднимался в ночное небо, смешиваясь с низкими тучами, вяло капающими в ответ.

Видимо от волнения, а может и от хронического недосыпа, Диал-Ап не сразу понял, во что ухитрился вляпаться. А когда понял, то вздрогнул и оставил все мысли о побеге. В логическую цепочку, с такими позывными гармонично вписывался только один человек на всем северо-западном побережье Средиземного моря.

38

Свои шансы вновь увидеть солнечный свет Бобби расценивал как невысокие. Поначалу история намекала на внутреннее расследование, использование полномочий корпоративной полиции как инструмента для шпионажа. Или контршпионажа, хотя эта сторона городской жизни была даже прописана в полицейском уставе.

Настораживала подземная лаборатория, дважды настораживала перестрелка на поверхности — при том, что Бобби неоднократно решал коллизии с представителями власти без единого выстрела, исключительно монетарными методами.

Когда начался допрос все странности получили объяснение. Каким бы ни был правильный ответ, раскрывающий тайну Флоры/Глории, корпораты не собирались допускать возможных утечек.

Если бы не камеры и системы безопасности на всем пути до поверхности, Бобби уже давно покинул лабораторию. Штурмовики Корпола, которые в теории должны были предотвратить побег, его не пугали. Ожесточенное сопротивление предполагало, что в первой волне пойдут исключительно дистанты, а в эти полицейские железки по умолчанию встраивали функцию применения нелетального оружия по гражданским целям. Так что убить его сотрудники Корпола могли только случайно.

Основную опасность представляли внутренние защитные системы «Паталы».

Если ради получения секретов, которые сейчас добывал из полицейской флегматичный Свен, кто-то не постеснялся устроить бойню, надеяться на гуманные настройки автоматики в коридорах не стоило никому.

Веры в то, что по завершению допроса инициаторы операции отпустят нежелательных свидетелей, оставалось все меньше и меньше. Поначалу, Бобби был даже согласен отделаться программным склерозом. Наниматели часто прибегали к такой форме сотрудничества, отчего боевики, подобные Бобби, придумали несколько схем, позволяющих получать оплату, не вспоминая как ее отработал.

Соглашаясь на участие в сопровождении текущего заказа, он действовал по классической схеме. В любых других условиях этого было достаточно. Массалия хоть и славилась своим криминальным подземным миром, но масштабное кровопролитие в ней оставалось редкостью, поскольку это негативно сказывалось

на бизнесе.

Преступный мир избавлялся от неугодных людей, приходя к ним с девайсами для перепрошивки, а не с огнестрельным или энергетическим оружием. Мир после Великой Депопуляции ценил рабочие руки и перерабатывал их в органические удобрения лишь когда отсутствовала возможность прописать в голову новые директивы.

Это было несправедливо по отношению к смерти. Бобби открыто шел против всего города, против известного ему мира, за счет чего быстро получил репутацию психа, предпочитающего оставлять после себя честные трупы.

Кому как не ему, рыцарю смерти, не ощущать, как подземные этажи наполняются ожиданием убийства.

У неведомого заказчика, подготовившего роскошные декорации, собравшего на мистерию множество участников и еще больше зрителей, присутствовало чувство стиля. Безупречность делает людей предсказуемыми.

Бобби сравнил свою способность прятать патроны с количеством защитной техники, собранной вокруг лаборатории.

Заказчику потребовалось гарантированное убийство. Своевременное, по команде через чип. Только это могло объяснить пребывание Бобби в роли няньки для двух специалистов по взлому мозгов и жертвы.

Четыре патрона, три соседа по лаборатории.

Больше всего боевику не хотелось убивать девушку. Не оттого, что какие-то атавизмы препятствовали убийству лиц противоположного пола — с такими затыками в голове Бобби вряд ли получил бы репутацию профессионала. Но убийство сотрудника Корпола влекло за собой проблемы, предполагало смену личности, а также переезд в другие края.

Даже если провернуть все так, чтобы следов для детального анализа не осталось, в корпоративной полиции тоже не дуры сидят. Сложить два и два ума хватит. А не хватит, так сделать запрос на аналитику в антарктический консорциум не слишком дорого.

Отдельно порадовала Бобби красота решения. Спуск и пребывание в одном помещении с полицейской делал его одним из самых очевидных подозреваемых.

В этом обстоятельстве боевик видел вызов своим способностям. Кого бы не пришлось убивать, сделать это следовало красиво.

Заказчик сконструировал то, что должно было стать мифом, обрасти слухами и подражателями. Как бы ни было мастерски срежиссировано представление, на долю актеров тоже достается

немало работы. Бобби внутренне соглашался отыграть роль, произнести необходимые реплики, отстрелять все патроны — благо ружье вывешено с самого первого акта.

Однако, Бобби предпочел бы не умирать всерьез. Мужчине хотелось взглянуть со стороны на шоу, одним из участников он стал.

39

Как бы ни были совершенны системы защиты данных, надежное сокрытие информации возможно лишь до тех пор, пока все стороны соблюдают некоторые условные правила. Экстремальная ситуация разрушает договоренности, разрывает контракты — поскольку на кону оказывается жизнь или же такая ставка, выигрыш по которой в состоянии окупить любые мыслимые и некоторые немыслимые прежде расходы.

В первую очередь страдали корпоративные секреты. Высокая концентрация амбициозных женщин порождала то, что толерантно называлось корпоративной культурой. При прочих равных знание, верифицированное или же догадка, сформированная на базе нескольких косвенных фактов, обеспечивало конкурентное преимущество. Такие методы никогда и никем не озвучивались, но практиковались повсеместно.

Не обязательно обладать полнотой информацией. Когда сталкиваешься со слоном, не обязательно брать у него генетический анализ и сверять список внутренних органов со справочником — достаточно увидеть слоновый контур. Даже если слон невидим, можно пойти от обратного, исключив из среды все, что известно. Область неведомого рано или поздно обретет узнаваемые очертания, это вопрос усидчивости и масштабов. Чем крупнее объект, тем легче отыскать его наощупь.

Поиски Ольги Кавендиш чем-то напоминали охоту на невидимого слона. Как ни крути, любая корпоративная деятельность оставляла массу следов. Чтобы скрывать их от конкурентов периодически создавались, реформировались и закрывались множественные литерные отделы, чья деятельность заключалась в генерации шума, позволяющего скрыть не самые удобные факты.

Хочешь спрятать дерево, найди лес покрупнее. Манипуляции Валерии Барбат проводились как активность трех закрытых отделов. К сожалению, ни один из них не был доступен для аудита со стороны региональных директоров.

В любых других условиях, после предварительной оценки сложности вставшей перед ними задачи, обе дамы отложили бы анализ на потом. Марьям вообще сочла путь тупиковым, но Кавендиш сумела ее переубедить.

Чтобы нейтрализовать возможный риск, когда одна из дам решит предать другую, все банки данных по поискам следов Барбат шифровались сложным квантовым ключом, составленным из двух других ключей, напрямую завязанных на активность

персональных чипов.

Лишь совместными усилиями можно было представить находки проверяющей комиссии, а любая попытка присвоить результаты работы или устранить напарницу физически, оборачивались гарантированной потерей всех собранных данных.

Небольшие шансы на успех были предпочтительнее фатальных последствий бездействия.

Висящее дамокловым мечом над региональными директорами внутреннее расследование вносило свои коррективы в поведенческие модели.

Даже если им суждено проиграть, аудиторы оценят масштабы поисков и поймут, насколько велико стремление защитить интересы корпорации.

Так думала Марьям Пресслер, тихо радуясь тому, что подобные мысли не пишутся в системные логи.

Сочтя что снявши голову по волосам не плачут, дамы осознанно злоупотребили своим высоким положением и перенаправили на поиск большую часть доступных аналитических ресурсов филиала.

В этот раз корпоративные правила сыграли на их стороне. Поскольку вся деятельность регионального отделения тщательно документировалась, удалось собрать первичный массив сведений о распорядке дня Валерии, отданных ей распоряжениях, одобренных тратах и запрошенных сводках.

Разумеется, доверия этому массиву было немного.

Воспитанная в корпоративных традициях, госпожа Барбат умело пускала пыль в глаза, оставляла десятки ложных следов, разбросала сотни фальшивых зацепок, полностью уверенная в том, что это скроет ее реальную работу на региональном уровне.

Аудит с ключами центрального офиса развеял бы эту пелену обмана одним или двумя запросами, но у Ольги с Марьям никак не могло оказаться доступов такого уровня.

Однако, у миз Кавендиш имелся опыт работы почти что на всех уровнях корпоративного взаимодействия — в отличие от Валерии с Марьям, которые заняли высокие должности сразу по завершению обучения.

Направив часть аналитических групп на работу с массивами баз системных данных, Ольга сосредоточилась на человеческом факторе.

Подземный комплекс, который штурмовали силы Корпола, даже с учетом высокой автоматизации, требовал присутствия специалистов — где-то в живую, а где-то и посредством подключения к дистантам.

Госпожа Барбат постаралась ограничить количество людей,

осведомленных о происходящем. В чипы специалистов загружались скрипты, которые стирали или заметно искажали аппаратную часть памяти.

Для органической памяти приходилось пользоваться услугами корпоративных чип-ридеров. Но память самих чип-ридеров сохранялась, вмешиваться в их воспоминания было уже некому, поскольку большая часть таких специалистов являлась женщинами.

Там, где пасовали четкие алгоритмы, в игру вступала взрывоопасная смесь запретов с подкупом и шантажом.

Список подчищавших за Валерией чип-ридеров оказался невелик. Госпожа Барбат не любила складывать все яйца в одну корзину, но предпочитала минимизировать риски распространения приватной информации.

Тактика Ольги Кавендиш не отличалась оригинальностью. С женщин брали очередную электронную подписку о неразглашении, знакомили с наспех собранным отчетом, в котором читательницы корпоративных чипов открыто назывались пособницами опасной диверсантки.

Затем им давали посмотреть краткую выжимку новостей со свалки, не забывая сделать цифровой зум на поврежденной полицейской технике с легко узнаваемой символикой Корпола — и лишь после этого озвучивали условия сделки.

Не знакомому со спецификой корпоративного устройства могло бы показаться удивительным, что за рутиной чисток и смены настроек сотен чипов женщины ухитрялись различать и запоминать множество деталей, которые сама Валерия предпочла бы надежно спрятать.

Каждый отдельный факт выглядел неприметно и безобидно, но вливаясь в десятки реконструированных моделей он делал их уже не столь нейтральными.

Вооруженные суперкомпьютерной экспертизой региональные директора «Карфаген Индастрис» потратили чуть меньше сорока минут, прежде чем наткнулись на что-то действительно необычное.

40

Сколько себя помнила, Флора не любила лук. Опция «без лука» в немногочисленных ресторанах и кафетериях, которые она посещала, была обязательным условием для выбора блюда.

Но попав в ситуацию, когда голос из-под потолка задавал ей вопросы, на которые её подсознание или скрытая личность отвечала за Флору, девушка впервые почувствовала себя на месте луковицы.

Жизнь Флоры расслоилась, перешла в странное состояние множественного числа — и психика полицейской с этим изменением не справлялась.

Дезориентацию она уже переживала. Память о том, что творилось совсем недавно, когда безумный головолом перебрасывался с ней бессмысленными репликами, была еще свежа. Ощущения того периода стали для Флоры чем-то вроде прививки — в них девушка нашла спасительное подобие.

Сумасшествие, вместе с намеками на какую-то двойственность и возможную утрату цельности, напоминали Флоре грязные и запрещенные во всем цивилизованном мире технологии изменения сознания. Кто-то пробовал подменить ее личность, не просто выставить какие-то руководящие алгоритмы или блоки.

На какое-то время Флора заподозрила в этом преступлении головолома по имени Карл. Вспышку яростной ненависти пришлось подавить усилием воли. Модель не сходилась.

Пребывание под допросной смесью делало полицейскую слабой, неспособной на быстрые движения и мелкую моторику. Но эффекты химии все равно отличались от того паралича, который устраивал гражданским «Пигмалион».

Карлу досталась и блокировка чипом, а поверх неё, сохранявший невозмутимый вид и безупречность костюма мужчина угостил головолома порцией допросной смеси. Кроме того, Карл снял эффект медицинской блокировки, то есть по сумме проявлений был чуть ближе к союзникам, нежели противникам Флоры.

Стрелявший в полицейскую, оказался сильным. Он ловко подхватил Флору на руки и аккуратно положил на стол.

Девушка в это время отвечала на какой-то вопрос. Химия, которую запустили ей в кровь, препятствовала тому, чтобы жертва делала в один момент больше одного дела: либо вялые, но целенаправленные движения, либо ответы, которые ставили в тупик.

Расслоение внимание позволило Флоре отстраниться от происходящего, слушать свой голос и находить в памяти больше, чем одну цепочку биографических фактов.

Это было ненормально — как и все остальное, происходящее вокруг. В мешанине фактов и событий следовало разобраться, а Флора была единственным человеком, способным на приведение собственной памяти в порядок.

Проблема, о которой не подозревал мужчина, стоявший в углу и задававший вопросы сгенерированным голосом, состояла в том, что биографическими комплектами Флоры Найтингейл и Глории Лиддел воспоминания не ограничивались.

Луковица или капуста. Один слой под другим. История пряталась за историей, а попытки вспомнить события какого-то конкретного дня обретали некую фасеточность.

Кажется, несколько раз она даже видела себя со стороны — не прибегая к технике или зеркалам. В калейдоскопе жизней существовала ось, закономерность, правильность — то, что позволяло проживать один и тот же день в разных телах, с разным уровнем доступа, заботами, социальными связями и квалификацией, но при этом оставаться собой.

Флора попробовала сосредоточиться на том, чтобы вычислить общий знаменатель, который она сумела бы назвать собой. Должно было существовать некое истинное имя, а может волшебное слово, останавливающее калейдоскоп. Нечто, позволяющее самостоятельно выбирать из десятков жизней, а при необходимости переключаться с одного проживания на другое, как если бы непрерывность существования биологического тела напоминала один из каналов потоковой трансляции, одно из независимых окон расширенной реальности.

К сожалению, отстраненность от допроса была эфемерной. Каждый последующий вопрос словно поворачивал калейдоскоп множества личностей, поддерживая внутренний хаос, побуждающий давать ответ за ответом.

Такое положение раздражало Флору, заставляло напрягаться, порождало головную боль и злобные интонации в голосе.

Чем-то положение девушки походило на одержимость, когда одержимую тщательно фиксировали, а затем приступали к экзорцизму.

Экзорцизм! Флора вспомнила с чего стартовала линия ее рассуждений. Вспомнила всю последовательность вопросов, которые будто капли падали на нее с потолочных динамиков.

Похитители задавали правильные вопросы. Откуда-то составителю допросной модели было известно про то, что можно быть в двух местах одновременно, причем не по сети, не

голограммой или дистантом.

В расслоении психики нашлись и положительные моменты, связанные с параллельными мыслительными потоками. Чаще всего данный прием требовал наличия специальной камеры, внутри которой обеспечивался тщательный медицинский контроль над всеми функциями организма. Сочетание органического с аппаратным допускало организацию многозадачности. Но если форсированный режим работы чипа обеспечивался поступлением энергии и дополнительным теплоотводом, органике требовался не только приток нейромедиаторов, но и средства контроля, не позволяющие нервной системе уйти вразнос.

Поймав крохотную паузу между вопросами Флора изучила фиксатор, который прижимал ее руку к столу. Догадка не обманула: похитители использовали дорогую модель.

Одна из параллельных биографий, с опытом разработок передовой медицинской техники, тут же подтвердила: с вводом в кровь каких-либо веществ такой фиксатор справится на ура. Место ввода веществ обезболит, дозировку проконтролирует, не позволит десятку разнородных соединений смешаться раньше времени. А все остальное умная медицинская техника операционного стола сделает.

Что стоило похитителям с самого начала зафиксировать тело и накачать его всем необходимым?

У Флоры был только один ответ на этот вопрос: на какой-то стадии план предполагал свободу ее перемещения, может даже использование «Пигмалиона».

Но зачем? Мимо внимания девушки промелькнуло еще три или четыре вопроса. Она на них что-то ответила, не особенно сосредотачиваясь на собственном голосе.

Пришлось напрячь ослабленную химией волю и вызвать из памяти чипа некоторые официальные документы.

Разгадка лежала в спецификациях полицейского чипа. Обладая расширенным набором функций это устройство нуждалось в дополнительной защите.

Когда-то среднестатистического горожанина могли привести в бессознательное состояние десятком различных способов, оттащить в безлюдное место, а затем лишить чипа, чтобы перепрошить его и вставить следующему счастливчику. С тех пор аппаратное усиление перестало считаться роскошью, чипы привязали к генетическому коду, но это лишь изменило схему мошенничества.

Теперь, вместо похищения, чип перепрограммировали, вынуждая жертву подменяя какие-либо факты из ее биографии.

Зашел человек не в тот тупик, а вышел уже озабоченный проблемой возврата крупного старого долга, которого пару минут назад еще не существовало в природе.

Часть криминальных приемов, под предлогом обеспечения безопасности значимых данных благополучно позаимствовали корпорации и родственные им структуры, но проблема с хакингом личности до конца не ушла.

Блокировать выполнение полицейских команд если в крови обнаружены психоактивные вещества не стали. К тому моменту доказали свою эффективность, электронные наркотики, да и штатная деятельность полицейских предполагала частое применение средств для разгона сознания, которые если отличались от наркотических средств только формально, на уровне упаковки с дозировкой.

Однако, чтобы взломанные полицейские, в основном мужчины, не кидались командами ограниченного использования, разработчики предусмотрели какой-то секретный тест на идентичность личности, увязанный с какими-то хитрыми методами анализа ритмов головного мозга. И, сумев активировать «Пигмалиона», Флора продемонстрировала, что в состоянии пройти этот тест.

По своей же воле, добровольно, помогла коварным похитителям!

Девушка не нахмурилась только в силу расслоенности сознания. Даже охватившая Флору злость не распространялась на мимические реакции, хотя лабораторная техника, возможно, все равно считывала ее чувства неведомыми методами.

Меня препарируют, разбирают на мельчайшие детали чтобы оцифровать и повторить тот же эффект на других людях, догадалась Флора.

Отвратительное чувство. Лучше бы меня перепрошивали или насиловали.

41

Наверное, им стоило как-то оформить свои отношения. Два высококвалифицированных специалиста в своих областях, они слишком много времени уделяли работе.

Сильвия порой задумывалась о том, чтобы обзавестись общей квартирой, но не представляла как будет складываться общий быт и немного опасалась, что более частые встречи могут что-нибудь испортить в осторожных отношениях с нейроархитектором.

Да, они встречались и даже регулярно спали друг с другом, но не переступая той незримой черты, за которой уже начиналась семья.

Соловьев, которого она все чаще и чаще называла Славкой, радовался ее успехам, но с той конференции в Ясмине больше не представлял публике никаких своих работ.

— Ты была права.

Сильвия вздрогнула, предчувствуя серьезный разговор. Неизвестно как, но со Славкой она обладала какой-то формой интуиции, определяя важность предстоящих реплик — то ли по интонации, то ли по тому, как Соловьев напрягался и глядел вдаль, а не на то, что поблизости.

— Я часто бываю права, — вздохнула Сильвия. — О чем ты сейчас?

Встреча проходила на плоской крыше делового центра. Двумя этажами ниже располагался офис Соловьева. Компания Сильвии монтировала экспериментальные сенс-камеры ещё ниже, на минус первом этаже соседнего здания.

— Про твой разговор со своей южной подругой, — говорить Славке пришлось витиевато, чтобы автоматика, если писала их разговор, не вычленила фамилию Барбат и не повесила на запись соответствующий тэг.

Сильвия нахмурилась. Мало того, что ей не удалось угадать тему, но появление в ее жизни следов Валерии тоже не добавляло душевного равновесия.

Миз Райзенор вызвала в памяти запись того разговора, быстро пробежала глазами по стенограмме.

Соловьев все это время смотрел вдаль. На горизонте виднелись поля с генетически модифицированным картофелем, где занимались сбором урожая заключённые в оранжевых робах.

— С тех пор как мы согласились с расширенной реальностью и допустили существование аппаратных мощностей, неразрывно связанных с нашим мозгом, направление технологического развития оказалось в целом определено.

Об этом с Соловьевым тоже часто спорили, хоть и с другими контекстами. Воспитанные не просто в разных культурах — в иных, часто совсем не понимающих друг друга цивилизациях, они то и дело наталкивались на различия во взглядах, порой порождавшие ожесточенные споры.

— Тогда как решалась проблема с перезаписью людей у вас в России?

В прошлый раз, когда Сильвия только-только рассказала Соловьёву о том, что ждёт от его разработок Валерия Барбат этот вопрос тоже поднимался. Но российский подход к информации отличался от принятого в средиземноморском регионе. Русские национализировали часть данных, сделав их принципиально открытыми для своих граждан.

Одно это меняло подход к обучению из-за чего овладеть специальностью на высоком уровне у них мог любой желающий, не влезая в кредиты и не подписывая никаких обязательств.

Законодательство на востоке не признавало за корпорациями прав на перепродажу трудовых контрактов другим сторонам, отчего острых потребностей в загрузке одних личностей поверх других не возникало.

Архивы личной памяти, так называемые мемории, после смерти человека передавались в специальные дата-центры, мемориалы. О том, чтобы на базе мемориалов работали действующие без тела личности, Соловьев не слышал.

— Наши мемории не хранятся в тех же форматах, в которых записываются, — пояснил Славка. — Возможно, это ошибка, поскольку живой человеческий организм серьезно отличается от голого хранилища данных, даже с учётом временной симуляции окружения для бесед посетителя мемориала с цифровым слепком личности.

Но я хотел сказать немного о другом. Я не нашел никаких принципиальных технических ограничений для тех видов перезаписи памяти, которыми тебя пугала Валерия.

Соловьев договорил и повернул голову, серьезно посмотрев на свою подругу.

— То есть, это не пустые угрозы, — подытожила Сильвия. — Имея в своем распоряжении ресурсы такой корпорации как «Карфаген Индастрис», можно превратить жизнь всех людей в ад.

Уточнение про способы, которыми корпораты в состояние это сделать, не требовались.

Оба собеседника держали стенограмму того разговора в Ясмине в отдельном окне расширенной реальности.

— Если о возможности и потенциале узнают конкуренты…

Славка пожал плечами и снова вернулся к наблюдениям за

картофельными полями.

Научившись читать его действия как намеки, Сильвия почувствовала, что нейроархитектор проводит параллели между заключенными, отбывающими срок за провинности и теми гражданами Массалии, которые станут жертвами технологии работы с памятью.

При наличии возможности и потенциала такая технология будет рано или поздно изобретена.

— Контртехнологии?

Если изобретение неизбежно, следовало разработать защиту от последствий его распространения по средиземноморью.

Сильвия прикинула и отбросила вариант с публикацией фальшивых результатов исследований, которые могли бы затормозить корпоративные разработки. Но такие приемы устарели ещё в начале Великой Депопуляции.

Сейчас любая публикация детально разбиралась множеством суперкомпьютеров. Фальшивка могла лишь ускорить разработки, за счёт привлечения внимания. А два и два, как это сделала Валерия, многие руководители высшего звена сложат.

— Пока не знаю, — пожал плечами русский. — Не представляю как в такой ситуации можно подключать к анализу суперкомпьютеры. Говорят же, что в любом правильно поставленном вопросе уже содержится половина ответа. Не хотелось бы одним неосторожным словом или движением приблизить грядущий апокалипсис вдвое.

Так нельзя, подумала Сильвия, делая шаг вперёд и заключая Славку в объятия. Предчувствие конца света ещё не сам конец. Они обязательно что-нибудь придумают.

— У этой проблемы есть двойное дно, — тут же активировался радиомодем Соловьева, гарантирующий приватность разговора. Впрочем, миз Райзенор уже давно отбросила в сторону инфантильные формы наивности.

Если специалистам какой-нибудь из ведущих корпораций потребуется получить запись их беседы, не спасут и такие меры предосторожности. В конце концов, когда один из участников разговора мужчина, всегда можно организовать взлом.

От мысли, что кто-то будет ломать ее Славку Сильвия напряглась. А то, что сказал сам нейроархитектор и вовсе ошеломило.

— Пока мы совсем ничего не знали об угрозе, опасность все равно существовала, — говорил Соловьев, точнее автоматический спикер голосом Соловьева. — Второй уровень, известно о неизбежной угрозе, но нет никаких деталей. На втором уровне мы все равно бессильны. Необходим третий, а то и четвертый

уровень реагирования. Вот почему я провел некоторые исследования. Надо знать врага и его слабости.

Райзенор страшно захотелось посмотреть своему мужчине в глаза, без всех этих адреалиновых очков и обманчивой виртуальности. Ей хотелось знать, не поддался ли Славка искушению, о котором говорила Барбат?

— И как далеко ты продвинулся в этих… исследованиях? — поинтересовалась она, прижимаясь ещё сильнее — так что это становилось даже неприличным. Но Сильвии хотелось как можно детальнее воспринимать все реакции Славки, чтобы различить ложь или недомолвки.

— Для мужчин положение совсем печальное, — отреагировал Соловьев. Стирание и блокировка памяти уже появились, но их пока что используют точечно, на уровне отдельных воспоминаний или стоп-слов. Не хватает только функции записи правдоподобных фальшивок. А дальше психика сама подхватит ложные воспоминания, со временем превратит их в настоящие. Подобно тому, как физическое тело на девяносто с лишним процентов состоит из воды, наша личность в сопоставимой пропорции состоит из памяти.

Сильвия замерла и продолжила вслушиваться. У Славки размеренно стучало сердце, она слышала его слова и дыхание, ощущала как тот напряжен.

Соловьев сказал ещё не всё. Мужчины и без угрозы переписывания личности испытывали немало проблем из-за отсутствия природной устойчивости к хакингу.

— Я попытался смоделировать женский вариант технологии. Он сложнее, но для корпоративного матриархата привлекательнее. Тот, кто первый овладеет технологией сможет перезаписать конкуренток. Но для этого придется временно засекретить мужской вариант перезаписи.

— Только если корпоративные разработчики будут верить, что задача разрешима в принципе, — Сильвии показалось что ей удалось отыскать слабое место в рассуждениях партнёра.

— Она разрешима, — теперь уже и сам Соловьев обнял Сильвию, прижимая к себе.

— Многие отчего-то считают, будто устойчивость к взлому распространяется на все виды хакинга. Но это не так. Женская психика более пластична, а потому способна принять чужую память легче чем мужская.

Сильвия молчала. Ждала. Она чувствовала, что Славка напрягается, желая сказать что-то ещё, но может. Будто что-то ему мешает.

— Не бойся, — прошептала она ему. Не по сети, своим

настоящим голосом. — Главное, ничего не бойся. Я с тобой.

Соловьев прижал ее чуть крепче, собрался с духом.

— У меня есть рабочий прототип, — наконец выдохнул он. — Только женский, в мужском варианте все намного сложнее. Там почти такие же сложности как в случае со взломом женской прошивки, если не хуже.

Сильвия на мгновение оторопела. Затем попыталась вырваться из цепких мужских объятий.

— В прототипе отсутствует уничтожение памяти и личностных качеств реципиента, — попытался успокоить женщину Соловьев. — Меня интересовал только сам аспект переноса и распределения памяти между двумя телами.

— Реципиента? О каком реципиенте речь?

Сильвия никак не могла поверить, что ее партнер тайно разрабатывал технологию, способную навсегда разделить людей на элиту и рабов.

Раз в его словах всплыло понятие реципиента, это могло означать как добровольную передачу тела, во что никак не верилось, либо изощренные формы принуждения.

— Гипотетический реципиент, половозрелая особь того же пола, с чипом не ниже четвертого поколения, психически здоровая, — перечислил Соловьев требования чем возмутил Сильвию ещё сильнее.

— Реципиент, если я не напутал в расчетах, продолжает жить своей жизнью, какое-то время может даже не замечать наличия второй памяти. Лишь при достаточно мощной поддержке, сетевой и медицинской, может наблюдаться эффект раздвоения личности, как вариант дополнительного потока сознания.

— А личность, дух, душа? Квалиа и все такое? — Сильвия совсем не ожидала, что страшная технология обернется всего лишь переносом памяти. Она много раз перебрасывала файлы, сформированные на базе собственных воспоминаний другим людям — даже Валерии Барбат, хотя сейчас об этом сейчас вспоминать как раз не хотелось.

— Спроси что-нибудь полегче, — выдохнул мужчина. — Или после нескольких серий полноценных испытаний. Потому что пока это только память и слепок нейронной активности. Если дух, душа и что-то еще перемещаются в ходе копирования, то это побочный эффект, не входящий в объемы данной разработки.

Без очистки исходной памяти угроза ссохлась и уже не выглядела такой грозной. На всякий случай, чтобы не стать жертвой своих чувств к обманувшему ее мужчине, Сильвия перечитала стенограмму той беседы в Ясмине.

Передача опыта, знаний, квалификации… в прототипе

Соловьева это все присутствовало, однако требовало такого же освоения, как если бы на чип был загружен подробный интерактивный учебник.

— Славка! Ну и зачем ты такое делал?

Сильвия хотела знать все, от и до. Поскольку она иногда подумывала о замужестве, вывести обманщика на чистую воду было для нее делом принципа.

— По двум причинам, — немного помедлив с ответом передал по приватной связи Славка. Несмотря на то, что Сильвии хотелось провести этот диалог живой речью, она понимала насколько данный метод коммуникации был бы опасен. Современные системы промышленного шпионажа могли зацепиться за неосторожно сказанное слово и выдать корпорациям немало бесценных данных.

— Во-первых, без изучения данного направления невозможно составить эффективные модели борьбы с теми продуктами, которые разработают без нашего участия. Надо оказаться на шаг или два впереди противников, а то в их распоряжении большие отделы, современная техника, возможность привлечения суперкомпьютеров для анализа полученных результатов.

— А во-вторых? — Сильвия постаралась чтобы ее реплика читалась с обиженными интонациями, добавила к ней пару антикварных эмодзи.

Славка сразу как-то оттаял чем изрядно удивил свою подругу.

— А во-вторых, мне захотелось сделать тебе подарок.

По сети начал загружаться большой архив с прототипом. Сильвия сначала хотела перенаправить его сразу в мусорную корзину, но потом передумала и решила кое-что проверить.

— То есть, тебя не устраивает мое тело? Подождёшь, пока я скину память в другое и уйдешь к ней? Или мне предлагается стать подопытным образцом, на котором отлаживается революционная технология?

Перед ответом Сильвию резко развернули, так что она оказалась к Славке лицом к лицу.

— Я хочу лишь того, чтобы этот архив был у тебя в памяти, — ответил мужчина, явно сдерживая желание поцеловать вместо того, чтобы раскладывать по полочкам то, что ему и без того казалось очевидным. — Чтобы у тебя оставалась возможность продолжить исследования, если со мной что-нибудь случится. Чтобы у тебя был шанс спастись, хотя бы так — если ты вдруг окажешься в смертельной опасности, а рядом отчего-то не будет меня.

Глупо и романтично, подумала тогда Сильвия, признавая некоторую логичность в позиции Соловьева.

Но, поскольку все сказанные по сети слова могли оказаться лишь искусным спектаклем, женщина решилась на финальную проверку.

— Я надеюсь, кроме этого, только что раскрытого секрета, у тебя больше не осталось от меня никаких тайн, — заявила Сильвия, стараясь не выказывать своего волнения.

К счастью для неё, разговор шел по сети, которая не передавала интонаций. Узкий канал был и без того загружен приемом архива, между собеседниками стоял только чистый текст, с минимальной концентрацией смайликов и примитивной графики.

— Прости, — сокрушенно выдохнул Славка, делая полшага назад. — У меня есть и другие тайны. Обещаю, когда-нибудь ты узнаешь их все.

Небезнадежен, констатировала Сильвия, фиксируя завершение приема прототипа. Но идею начать совместную жизнь все равно поставила на паузу.

А через неделю Вячеслав Михайлович Соловьев был убит. Старший инспектор Корпола Диана Кавелье долго искала тех, кто мог быть заинтересован в убийстве маститого нейроархитектора, но серьезных зацепок не нашлось и дело закрыли с вердиктом «несчастный случай в ходе проведения антитеррористической операции».

42

К тактической сети Диал-Апа подключили в режиме «рид онли», однако это все равно оказался настолько захватывающий опыт, что даже сидя в запертом отсеке бронированной машины напарник Карлсона то и дело размахивал руками, а также пытался давать непрошенные советы, которых никто не слушал.

Прежде чем начать атаку, людям Сильвера пришлось преодолеть примерно половину километра по сильно пересеченной местности.

Группа Лития залегла, сильно не доходя до зоны, которую на тактическом канале подсвечивали мягким оранжевым цветом. Никель с коллегами разбрелись в сторону, неторопливо продвигаясь к непонятной мешанине цветных пятен в эпицентре оранжевой зоны.

Расшифровки кодовых обозначений и символов Диал-Апу никто не раскрыл. Приходилось догадываться о смысле происходящего, пропуская версии через программы на чипе, способные работать без поддержки сетевых серверов. Обитай Диал-Ап в не столь маргинальных районах города, такого софта у него могло бы и не оказаться. Более обеспеченные горожане, не соприкасающиеся с подземным ликом Массалии, предпочитали не перегружать мозги, обращаясь к облачным сервисам.

Переговоры на внутреннем канале также шли с помощью неизвестного кодового языка: емкого и сформированного на базе кириллицы.

Программы автоперевода выдавали какой-то мусор, вычленяя какие-то отдельные фрагменты из текстового массива.

Диал-Ап развлекался расшифровкой, пока Уран не запустил обратный отсчет по завершению которого раскрасила схему в новые цвета, проявила две колонки незнакомых символов, быстро убегавших снизу вверх.

В это время чипу удалось разгадать один смысловой слой канала. Танец пятен преобразился в захват технологического автобуса, Диал-Ап часто видел такие в портовых районах, когда требовалось срочно подогнать дополнительных дистантов на разгрузку или погрузку контейнеровозов Логистического Союза.

Судя по инфографике на канале, автобус временно отрезали от сети, цвета его пятен поблекли, а их конфигурация стала вдвое компактней.

Момент, когда люди Сильвера начали перестрелку, Диал-Ап пропустил. До него внезапно дошла причина, по которой группа Лития насчитывала всего трех бойцов — четвертый остался за

рулем броневика, внутри которого сидел пленник. За несколько секунд до перестрелки электромотор мягко загудел, бросая машину вперед, а сидящего в запертом салоне — куда попало.

Повторно закрыть глаза и настроиться на тактический канал удалось не сразу. Пришлось искать ремни безопасности, а затем затягивать их так, чтобы болтало не слишком сильно.

За тонкой металлической стенкой что-то заунывно гудело, чуть поодаль чуткое ухо фиксировало треск, похожий на звуковые эффекты архаичного огнестрела.

Если у них не выгорит, подумал про себя Диал-Ап, меня все равно запишут в сообщники. Постфактум и посмертно.

— … две минуты… частоты определены… — сообщил в тактическом чате Рений. — … Аппаратуру…

Группа Никеля бросилась к автобусу. Яркие, но быстро пропадающие с тактической схемы змейки, скорее всего, обозначали засветку от какого-то оружия. Змеек было немного: Магния задела только одна, но иконка состояния бойца оставалась жёлтой всего пару секунд.

— Контроль!

— Контроль!

— …

— Контроль!

После подтверждения от группы Никеля к осажденному автобусу подбежал Уран.

Диал-Ап соотнес маршрут своего броневика с картой и понял, что скоро тоже окажется в зоне непосредственного конфликта.

Чертов Карлсон! И сам вляпался во что-то нехорошее, и меня за собой утянул.

В эти минуты Диал-Ап предпочитал не вспоминать о том, что сам нашел такой контракт для головолома.

Поначалу оно проходило по категории быстрого заработка — уже к восходу солнца напарники должны были встретиться в баре Подмостков, выпить за плодотворное сотрудничество и разбежаться до следующего раза. Кто ж мог знать, что данное дерьмо ещё и токсично?

Обмен ракетными ударами между вторым броневиком и ярко красной каракатицей, внезапно нарисовавшейся на тактической схеме, едва не заставил Диал-Апа обосраться. К счастью, все прошло слишком быстро и ощущалось как оглушительный гром, без какой-либо локализации.

О том, что автоматика перехватила и подорвала в непосредственной близости от него две ракеты, Диал-Ап узнал только из логов чата.

С «каракатицей» разобрался второй броневик, иконка

которого сменила зелёную рамку на оранжевую.

От внезапного осознания, что его жизнь только что едва не стала потусторонней Диал-Ап нервно расхохотался, а когда взял себя под контроль, грязно выругался.

Сейчас ему повезло уцелеть, но кто мог дать гарантию, что так и продолжится дальше?

Когда бронированная дверца распахнулась, настроение пленника балансировало на грани срыва. Диал-Апу хотелось напиться до потери сознания и выжить в данной передряге, причем именно в такой последовательности.

А затем одетый в защитный костюм боевик с буквами Cu на груди положил тяжелую руку ему на плечо и прыснул прямо в лицо какой-то вонючий аэрозоль.

— Боевой стимулятор, — лаконично пояснил Купрум через внешние динамики закрытого шлема. — Поможет собраться и минут сорок держать себя в норме.

Прочихавшись и уняв резь в глазах Диал-Ап вопросительно посмотрел на человека Сильвера.

— А потом? — голос после аэрозоля стал хриплым, но Купрум предусмотрительно протянул небольшую бутылочку с чистой водой. В городе такие продавались на каждом углу.

— А до потом надо еще дожить, — последовал саркастический ответ. — Сейчас эту консервную банку вскроют и придет время послать кодовый сигнал туда.

Рука в тактической перчатке указала в ту сторону, куда Диал-Ап отвез Карлсона. Словно это движение выступало командой для начала светового шоу, горизонт в указанном направлении раскрасился багровым. Гулкая звуковая волна дошла до броневика чуть позже.

— Хорошо, — Диал-Ап нахмурился, заранее ощущая, как сильно не нравится продолжение, в котором неизбежно будет озвучена его роль в предстоящих авантюрах.

— Сигнал дойдет до нескольких людей, — терпеливо и размеренно продолжил Купрум, сверяясь с показаниями на тактической схеме. — Поскольку один из них, твой головолом, необходим код, получение которого означает, что сообщению можно доверять. У вас в команде обязательно есть такой код, без него схема взаимодействия разваливается — мы моделировали сценарии.

За спиной у Купрума что-то с шипением разрезало ночное небо снизу вверх, уходя в низкие тучи, за пределы видимости. Диал-Ап не удивился очередной вспышке за облаками и поддельному грому.

— Могли спросить на месте, без этих поездок за город, —

пробурчал напарник Карлсона. — Людям Сильвера мы не отказываем.

— На месте мы не доказали бы, что являемся теми, кем являемся, — возразил Купрум. — Кроме того, работаем по ветке номер два, а план для веток с четвертой по двенадцатую предполагал более деятельное участие с твоей стороны. Все, парни уже заканчивают. Пошли.

— Я могу прямо тут передать ключи…

— Может потребоваться твоя консультация.

Купрум мягко подтолкнул пленника в сторону выхода.

— Сохраняем темп, — дал совет человек Сильвера. — Все должно быть сделано быстро. Дроны прикрытия сбиты, но стоит Корполу заподозрить, что тут тоже очаг сопротивления, жди штурмовую группу или залпа городской артиллерии. Поверь, это не тот опыт, который пригодится в будущем.

Хотелось бы думать, что в жизни не пригодится и опыт путешествия с криминальными боевиками-сепаратистами, мысленно проворчал Диал-Ап, успокаивая себя тем, что его действия хоть как-то искупают вину перед Карлсоном за то, что тот попал в настолько неприятную ситуацию.

43

— Шесть случаев! Это определенно зацепка!

После того как совещание четырех региональных директоров «Карфаген Индастрис» ужалось вдвое и превратилось в диалог, Марьям стала вести себя намного эмоциональнее.

Двум дамам позволили бежать, даже с сохранением денег на тайных счетах. В ожидании предстоящего аудита транзакции от замешанных в коррупции выглядели бы слишком подозрительно. Вместо денег беглянкам пришлось сдать всю свою внутреннюю агентуру и компромат, которого оказалось больше ожидаемого.

Но прибыль Ольга с Марьям получили сразу. Дополнительные данные позволили уточнить модель и выявить перспективные зависимости в действиях Валерии.

— Зацепка-то зацепка, — покачала головой мисс Кавендиш. — Но мотивы не стали яснее. Эта красная сучка по какой-то причине заинтересовалась группой девушек. Три из них умерли еще до того, как попали в лапы Барбат. При этом аппаратные компоненты одной из покойниц, в нарушение закона, добывали корпоративные теневики, а тела второй и четвертой доставили в лабораторию целиком. Только девушка под номером три выжила, но она сейчас в России, не допросить.

— С вероятностью более семидесяти процентов дело было так…

Марьям находилась на прямом подключении сразу к трем антарктическим суперкомпьютерам. Ольга, в силу возраста, не решалась так нагружать свои мозги, а потому уступила роль посредника с консорциумом более молодой коллеге.

— Валерия, во время прохождения итоговой практики в элитарном университете познакомилась и сдружилась с девушкой номер один, Сильвией Райзенор. Специалист по медицинской технике, высшая категория. Временный контракт с центральным отделением нашей корпорации, четыре с половиной года назад.

Последний раз пересекалась миз Барбат на конференции в Ясмине. Если бы не подчеркнутая и возведенная в имидж холодность Валерии, можно было бы предположить, что причиной прекращения дружбы стал мужчина. Аналитики указывают на Вячеслава Соловьева, русского нейроархитектора, который к тому моменту уже пятнадцать лет жил в Массалии. Длинный список патентов и разработок.

— А спустя год Барбат переводится в Массалию. Если не вспоминать про этого русского, то необычный маневр. Одинаковый статус для центрального и регионального офисов,

это горизонтальное перемещение только формально, — поддержала Кавендиш. — Полагаешь, перевод связан с этой разработчицей сенс-камер? Или с нейроархитектором? И при чем тут остальные девушки?

— Остальные появились позже, после того как Сильвия погибла во время террористического акта, когда неизвестные подорвали в зале греческого ресторана баллон с запрещенными токсинами нервно-паралитического характера. Расследование, кстати, не обошлось без участия нынешней похищенной.

— А мужчина?

Ольга подобралась, ожидая случая, чтобы ухватить тонкую ниточку и с ее помощью выйти на секреты Барбат.

— Убит, — вздохнула Марьям, которая тоже надеялась увидеть любовный треугольник. — В личном деле значится формальная отметка о несчастном случае, но доступных архивах Корпола есть запись о предполагаемой связи Сильвии с человеком, которого долгое время считали Сильвером. Он был устранен за неделю до террористического акта в ресторане. Наемный отряд из «Артемиды» облажался и пристрелил этого нейроархитектора на улице.

Обе дамы синхронно вздохнули. Из-за того, что имя Сильвера упоминалось более одного раза, обработка данных становилась на порядок сложнее. Знаменитого врага корпораций неоднократно выслеживали, нашпиговывали жучками, сажали в тюрьму, допрашивали, а порой даже убивали какого-то несчастного, что не мешало сепаратисту продолжать свою деятельность. Вопрос о существовании двойников и клонов преступника, при том, что технология высокоскоростного клонирования человека так и не была разработана, возникал с завидным постоянством.

Следы Сильвера, в основном цифровые, разбирались побитно, составлялся и неоднократно моделирования его психологический портрет, по словарному запасу и особенностям произношения с точностью до двух кварталов локализовали место, в котором он, с высокой долей вероятности, жил не менее трёх лет.

Рассматривали даже гипотезу, будто Сильвер существует лишь в качестве виртуальной модели, но суперкомпьютеры раз за разом подбрасывали свежие доказательства противного.

Корпол, по согласованию с парламентом, организовал отдельный, регулярно пополняемый денежный фонд, на ежегодные проценты от которого работал специальный литерный отдел. Девяносто процентов активов этого фонда, просто фантастическая по масштабам города сумма, обещала достаться тому, кто окончательно покончит с серебряной угрозой Массалии.

— Ладно, другие девушки? — нить оборвалась, однако суперкомпьютер, вместе с аналитиками «Карфагена» нашел и другие случаи. Ольга продолжала поиски, параллельным сознанием отдавая по несколько распоряжений в минуту.

— Второй случай, Роза Бойс. Микроэлектронщица, тоже не из последних. Работала с архитектурой полицейских чипов. Отмечен ее значимый вклад в разработку полицейского алгоритма идентификации личности чипом, — моментально выдала Марьям.

В виртуальном пространстве присутствовала только ее аватара, облагороженная косметическими алгоритмами — потому морщин, которые предательски проявлялись на ее лице от перенапряжения, никто не увидел.

— Роза утонула при таинственных обстоятельствах. Дело засекречено Корполом. Доступ отсутствует.

Заказное убийство, скорее всего, решила миз Кавендиш. Но отчего этот случай суперкомпьютер поместил в список?

Ольга машинально перебросила пакет данных собственным аналитикам, мимоходом подумав о том, что те тоже сидят на стимуляторах и быстрее работать уже не смогут.

На удивление, первые сообщения от аналитиков появились уже через несколько секунд.

— Роза несколько раз встречалась с Барбат лично, — такие детали стоило зачитать в виртуальном пространстве, чтобы миз Пресслер тоже прониклась. Ольга запустила спикера, параллельно переходя к изучению следующих записей.

— Предположительно именно миз Бойс занималась препарированием электроники погибшей Сильвии Райзенор. Вероятность того, что микроэлектронщицу убили ради секретности, составляет более шестидесяти процентов. Но доказательств нет, цепочки подчищены Валерией.

— Третий случай, конфликт с применением современного оружия. Сформированная по распоряжению Барбат группа захвата устроила перестрелку с русской туристкой. Дело было бы полностью засекречено, однако имел место дипломатический скандал и короткая заметка сохранилась в архивах корпоративного парламента. Но тут слишком мало деталей, — мисс Пресслер выделила на общение с коллегой слишком скудный поток сознания отчего казалось, будто Марьям вещает, не приходя в сознание. — Одно из ключевых, по мнению искусственного интеллекта, доказательств принадлежности этого случая к рабочей группе, фамилия туристки — Соловьева. Похоже, какая-то родственница покойного нейроархитектора решила посмотреть на места, где он жил. Возможно, женщина

задала неудобные вопросы или стала копать там, где не следовало.

Некоторые медицинские показатели, определяемые сенс-камерой, которая погружала регионального директора в виртуальное пространство, уже обзавелись жёлтой рамкой, предупреждая о рисках перенапряжения. Но жёлтая рамка была предпочтительнее черной, потому Ольга отмахнулась от грозди висевших перед ней сообщений. Жест транслировался и для Марьям, но та полностью ушла в переписку с консорциумом.

— Дальше, — устало выдохнула миз Кавендиш. — Четвертая.

— Диана Кавелье. Старший инспектор Корпола. Полицейские до сих пор держат дело на контроле. Там обвинения в шпионаже и внутреннее расследование, но очень похоже на информационное прикрытие. Скорее всего, аналитики Корпола объединяют похищение Кавелье и Лиддел в одно дело. Много совпадающих деталей. Тело найти не удалось, однако Диана успела передать по сети сообщение о своем пленении. К сожалению, через цепочку ретрансляторов, без топологической привязки.

Марьям ненадолго задумалась.

— С высокой долей вероятности ее содержали в том же подземном комплексе, который штурмуется сейчас.

— Диана работала по делу об убийстве Соловьева, — коротко дополнила Ольга, пытаясь свести все шесть случаев к одной модели. — А еще ее перед исчезновением видели на закрытой территории порта, сработала автоматика нашей складской площадки. Я помню, пришлось согласовывать с «логистами» совместный осмотр складов на предмет возможных улик.

— Пятый случай сложный. Скрытый инцидент с пропажей нескольких сотрудников регионального офиса. Я не подумала, что он связан с Барбат, но суперкомпьютер решил иначе, — прокомментировала миз Пресслер.

Один из отделов, занятых разработками в области безопасного ускорения нейрофизиологических процессов, проводил полевые испытания. Смерть одного из сотрудников на ход исследований не повлияла: служба безопасности проверила обстоятельства смерти, констатировала отсутствие постороннего вмешательства и злого умысла в обширном инсульте головного мозга.

Корпоративный стиль одобрял трудоголизм, выжимая из работников максимум возможного, вот и приходилось мириться с такими случаями несколько раз в квартал.

Родственники покойной получили ролик с соболезнованиями от руководства, традиционные выплаты, пожизненную скидку на

продукцию корпорации.

На этом история закончилась бы, так и не попав в сферу интересов Валерии, а затем и Марьям. Но спустя какое-то время кто-то просматривал данные из-под учётной записи покойной.

То, что на первый взгляд казалось банальной утечкой, тем более совершенной незадолго до смерти, едва не увело отдел внутренних расследований по ложному следу.

Когда Ольга просматривала выжимки из отчётных документов повышенной секретности, следы отредактированной истории замечались лишь в контексте с другими случаями «соловьиного» кейса.

Утечки не могло произойти, окажись учётная запись покойной переведена в архив сразу после смерти — с этим в «Карфагене» всегда было строго.

Но даже останься запись активной — доступ к материалам дата-центра требовал аппаратного подтверждения личности, аналогичного тем, которые применялись Корполом.

После фальшивого расследования, объяснившего инцидент техническим сбоем из-за планового ремонта серверов аутентификации, в премиальный отпуск отправились два сотрудника отдела расследований, а также их начальник.

Ни с кем из этой троицы связаться не удалось. Обязательные корпоративные сигнатуры, по которым учитывалось положение работников, на выходах из города не фиксировались.

Официально, пара мужчин и женщина купили билеты в круиз по Атлантике, якобы сели на корабль Логистического Союза и благополучно выпали в офлайн. Для безопасников и аналитиков подобный информационный детокс был нормой, дополнительные проверки не проводились.

Персональных данных преступников, которые устроили несанкционированное подключение раздобыть не удалось, однако экспертное заключение гарантировало, что взлом осуществляла женщина, чьи аппаратные и психические параметры позволили мимикрировать под покойную сотрудницу.

Шестой случай, Глория Лиддел, рабочий псевдоним Флора Найтингейл. Псевдоним передан «по наследству» после исчезновения Дианы Кавелье, старшего инспектора Корпола. Лиддел какое-то время стажировалась у Дианы в то время, когда та закрывала дело Соловьева.

— Маловато, — вздохнула миз Кавендиш. История складывалась условно, без деталей, с минимумом фактов, опираясь лишь на модели и вероятности.

Какие-то выводы антарктического суперкомпьютера вряд ли получилось бы всерьез приложить к делу. Искусственный

интеллект отмечал повышенное содержание образов соловья в именах, фамилиях, рабочих псевдонимах и аккаунтах задействованных лиц. Аудиторы только скупо улыбнутся, если увидят такой аргумент.

Отсутствие строгих доказательств проверяющие поймут. Барбат умела затирать следы и обрывать потоки данных. Когда связь идет через одноразовое устройство-посредник, установить источник сообщения выйдет только если отправитель совершает какую-либо ошибку.

Не тот случай. Опыт корпоративных интриг подсказывал, что заказывали очистку истории через офлайн, где поиск занимает часы вместо сетевых миллисекунд. Текущему поиску данное направление не поможет, а ресурсы отвлечет. Да и привести офлайновый поиск может к трупу. Или человеку с искусственно созданной амнезией.

— Если дурацкая версия про «соловьиные» имена имеет под собой какие-то основания, то у нас, возможно имеется зацепка.

Марьям сверкнула глазами, Ольге моментально прилетели новые пакеты данных, отчего сердце забилось еще чаще, а на панели с медицинскими данными прибавилось желтых маркеров.

Широкий поиск по второстепенным корреляциям приносил первые плоды: несколько городских камер в прямом эфире транслировали двум региональным директорам сцену неторопливого убийства Вирджинии Айдони, еще одной девушки с «соловьиной» фамилией.

44

Какие чувства может испытывать ученый, когда на его глазах совершается эпохальное открытие? Хорошо, не обязательно ученый — руководитель проекта, администратор по природе, лидер, который держит в руках все управляющие нити, тоже подходит. Какими эпитетами можно передать тот экстаз, который охватывает от осознания раскрывающихся перед тобой тайн мироздания?

Валерия вспоминала древнего жителя Сиракуз, выбежавшего нагишом с криком «Эврика» на улицу. Ей тоже хотелось выкрикнуть что-то величественное, чтобы услышал весь мир. Но вместо того, чтобы торжествовать, дама в красном развернула в четырех окнах расширенного пространства сводки, еще одно окно оставила для приближенного аналитика, а в шестое вывела прямую трансляцию из лаборатории.

Свен размеренно задавал вопрос за вопросом, каждый ответ полицейской моментально направлялся на обработку суперкомпьютеру, тайно смонтированному здесь же, в подземном исследовательском комплексе «Карфаген Индастрис». С каждый ответом искусственный интеллект, которому до этого скормили материалы по предыдущим девушкам, вычленял все новые и новые детали открытия.

Глория Лиддел, как следовало характеризовать пойманную девушку по официальным биометрическим данным, являлась частью чего-то большего.

Под комбинированным действием электронных и синтетических наркотиков пленница подтвердила базовую гипотезу — ее сознание содержало память как минимум четырех посторонних людей.

Если бы это всплыло в повседневной жизни, Глория, наверняка, объяснила бы данный факт своей профессией полицейского чип-ридера. Очень удобное прикрытие: читая память чужих людей можно невольно запустить в собственную память множество данных. Так прикрывала свою природу Диана Кавелье, попавшаяся на том, что слишком увлеченно копалась в деле Райзенор.

Теперь вопросы составлялись таким образом, чтобы свелась к нулю возможность получить ответ через работу с посторонними чипами. Последние минуты жизни другой женщины, так и не попавшие в полицейские сводки, чью аппаратную память удалось утаить от следователей Корпола, не могла знать никакая Флора Найтингейл.

Суперкомпьютер, после обработки материалов по данному феномену, констатировал единство личности в нескольких людях. То существо, которое называло себя Флорой, как минимум, помнило разнородные биографии как свои.

Найтингейл — соловей. Возможно, этот образ как-то помогал синхронизировать воспоминания вокруг одного семантического ядра. Валерия благодарила всех известных ей богинь за то, что те подарили такой удобный ключ для выявления носителей Найтингейл.

У пленницы исходно не было распределенного сознания, какого-либо развитого сверх человеческих норм интеллекта, других фантастических суперспособностей из числа тех, которые любят вставлять в художественные сценарии про героев.

Только общий психологический слепок и синхронизируемая посредством сетевых соединений память. Никакой мистики в Найтингейл выявить не получилось — лишь программно-аппаратная поддержка, позволяющая нескольким женщинам стать единой в нескольких телах.

Валерия Барбат сомневалась, что феномен можно воспроизвести на мужской базе: те же особенности психофизиологии, которые делали женщин почти не взламываемыми, обеспечивали бесконфликтный контакт между двумя личностями.

Охота за сокровищем потребовала немалых вложений, определенного риска, даже противостояния с Корполом, но оно того стоило.

Являясь одним из директоров центрального филиала, временно работающей в регионе, Барбат умела быстро и точно определять коммерческий потенциал той или иной инновации. В данном случае ценник улетал в небеса, потому что речь шла о возможном бессмертии.

Проводимые в подземной лаборатории эксперименты: медицинские, психологические, аппаратные и программные тесты, должны были дать ответ на центральный вопрос, ради которой Барбат лично присутствовала в осажденном комплексе — насколько качественно сохраняется в других телах исходная память? Можно ли сказать, что там, на операционном столе лежала та, кого когда-то звали Сильвией Райзенор?

Чтобы предотвратить возможную ошибку, а также пресечь утечку данных к другим телам Найтингейл, пришлось закопаться под землю, разорвать большинство сетевых соединений, спровоцировать Корпол на установку изолирующего купола, а также заполнить окружающее пространство шумами передовой радиоэлектронной борьбы.

Валерия старалась держать себя в руках, но взгляд то и дело возвращался к индикатору метрики, которую определял проводящий исследования суперкомпьютер. Девяносто семь процентов — так оценивалась вероятность того, что удалось вычленить все необходимые алгоритмы, позволяющие синтетической личности по имени Флора Найтингейл транслировать себя на разные тела.

Свен уже приступил к предпоследней секции вопросов, та требовалась для контрольного сравнения состояний до того, как попавшая в плен распределенная личность узнает о гибели одного из своих тел и позже.

После этого сопоставления необходимость в Глории Лиддел отпадет, подумала госпожа в красном. Лабораторию придется закрыть, а сделанное открытие проверить на подопытных.

Зачем нужно бессмертие, если оно не твое?

Валерия задумчиво посмотрела на Свена, который потихоньку отмирал от «Пигмалиона», на скучающего Бобби, валяющегося в полуобморочном состоянии Карлсона.

Эти люди, сами того не зная, добывали секрет, за обладание которым можно было убить и не испытать никаких угрызений совести. Но госпожа Барбат не хотела чувствовать себя неблагодарной. Когда-нибудь позже она вспомнит всех причастных к ее возвышению, позволив их именам появиться на пьедестале, достойном памятника первой бессмертной женщине планеты Земля.

О том, что первенство когда-то принадлежало каким-то женщинам-соловьям мировой истории знать не обязательно, полагала госпожа в красном, мысленно поднимая тост за счетчик, который показывал уже девяносто восемь процентов соответствия.

45

Представьте, что вы находитесь в окружении людей, которые не сделали вам ничего плохого, однако сами по себе являются дурной компанией. А вы лежите себе на полу, почти что в позе эмбриона, под действием аппаратного паралича и химии для выбалтывания секретов. Химия при этом не работает лишь оттого, что ей мешает этот самый паралич.

Крайне неприятная ситуация, которая обещала стать втройне более неприятной, когда действие «Пигмалиона» завершится. Карл уже несколько раз замечал, как напрягаются голосовые связки, пока еще слишком вяло для чего-то отличного от тихого хрипа.

Если Флору все-таки положили на стол и включили непрерывную подачу допросной смеси, то головолом мог лишь надеяться на то, что химия исчерпает свою деструктивную мощь раньше, чем он проболтается о чем-нибудь существенном. В этом вопросе особую угрозу для Карлсона представлял Бобби.

Мало того, что боевик оказался иммунен к аппаратному запрету на движения, но он был силен, опытен и вооружен пушкой, которая могла повторить выстрел с допросным инъектором.

Помимо Бобби следовало опасаться автоматических защитных систем самой лаборатории. Но эта техника могла находиться под контролем внешнего оператора, влиять на которого головоломку было нечем.

Странное знание, пришедшее невесть откуда, говорило Карлсону, что в его распоряжении есть только один виртуальный патрон на три потенциальные угрозы.

Свен, чью опасность Карл оценивал как умеренную, замыкал список.

Какое-то время головолом думал «выстрелить» именно в чип-ридера. Если прервется допрос Флоры, внешнему наблюдателю придется вмешаться. Других специалистов в лаборатории Карлсон не видел.

Свена спасала его неподвижность и соображение, что подключиться к динамикам можно снаружи, а записи с датчиков наверняка дублируются на какой-то удаленный сервер.

Бобби. Внешние системы могли справиться с тем, что собирался швырнуть головолом. Более того, в случае с защитными системами лаборатории сохранялся риск промахнуться. Не так просто направлять виртуальный пакет с вирусным софтом в сторону того, про кого почти ничего

неизвестно.

Не будь набор вирусов скопирован с директории-ловушки, также расположенной в местной сети, Карлсон отдал бы предпочтение другой мишени. Но от собственных вирусов лабораторная техника наверняка была защищена…

Сфокусировать внимание в той мере, которая требовалась для направления зараженного пакета, удалось с третьей или четвертой попытки. Сначала Карл даже не понял, что запрос ушел и он снова безоружен.

Состояние головоломка чем-то напоминало то, которое испытывал бы человек, только что использовавший последний патрон, но продолжающий давить на спусковой крючок.

— А забавно получается, — голос боевика перекрыл размеренное бормотание Флоры. — С разницей в две секунды мне поступило три разнородных распоряжения от моих драгоценных нанимателей. Прошу прощения, дамы и господа, а в особенности вам, уважаемый Свен. Я невольно прервал вашу душеспасительную беседу. Надеюсь, вы успели исповедовать жертву демонической одержимости, потому как мне поручено отправить грешную душу в чистилище.

— У меня еще одиннадцать вопросов в списке, Бобби!

На этот раз Свен ответил с использованием собственного голоса, не через динамики лаборатории.

А ведь могли бы обменяться репликами во внутреннем чате, с сожалением подумал Карлсон. Тогда оставался бы шанс, что вирусная атака заденет двоих.

— А у меня обратный отсчет запущен. Отпускай девушке грехи в темпе, пока я перезаряжаю оружие. Тут уже инъекторами не обойтись.

Флору скоро убьют, понял Карлсон, прикладывая усилия для того, чтобы восстановить контроль за телом. Организм, уложенный после сеанса взлома на пол, успел расслабиться, практически до состояния дремы. Только химия в мозгу, аппаратная стимуляция да угроза для девушки не давали Карлу впасть в спячку прямо сейчас.

Вирус почему-то не спешил нейтрализовать боевика. Казалось, Бобби даже не заметил попавших к нему зараженных файлов.

Когда же… Когда?

— Да, у меня есть потребность процитировать один глупый стишок, — продолжил как ни в чем ни бывало боевик.

Карлсон сумел кое-как повернуть голову и теперь видел, как тот неторопливо, даже немного скучающе, выщелкивает патроны из магазина, один за другим. Вирус, вирус, ау!

К сожалению, увидеть своими глазами Флору, пока та была еще жива, головолом не мог — для этого требовалось встать на ноги. Зато постепенно возвращалась способность доступа к местным камерам. Девушка казалась задремавшей. Отсутствие вопросов от Свена сломало ритм, поддерживающий ее в сознании.

Пэкмен, пэкмен, где ты был?

Все сломал, но все забыл…

Сначала Карлсон подумал, что у него продолжаются галлюцинации. Откуда у Бобби кодовый ключ, который помимо головолома, знал лишь один человек?

А затем головоломка начала складываться и Карл с ужасом понял, что подстрелил не того.

46

Хьюберт Морган вот уже несколько минут внимательно следил за каждым своим движением. Память работала урывками, разворачивая в расширенной реальности никому не нужные окна с роликами-воспоминаниями, не отзываясь на многократно повторяемые запросы.

Госпожа в красном сделала из менеджера послушную марионетку, подобную той, которая долгое время сопровождала самого Моргана, да отстала после очередной серии взрывов, очевидно покончивших с внешними камерами.

Не так Хьюберт планировал завершать свою карьеру, совсем не так. Однако, жажда наживы завела его туда, где ему приходилось ползти по какому-то длинному темному металлическому коробу, толкая перед собой тяжелый газовый карабин, похожий на те, которыми вооружались штурмовики Корпола.

Если бы не пара подпольных модификаций и дублирующий процессор, установленный неподалеку от затылочного чипа, Морган вряд ли пришел бы в себя. Но поскольку мужчин ломали легко и часто, кто угодно на его месте задумался бы о подстраховке.

Возвращение сознания не позволяло вмешиваться в деятельность чипа, который работал ретранслятором команд от внешнего источника к телу, но даже этот вариант все равно был лучше, чем смерть в результате неповиновения.

Госпожа держала под контролем защитные системы комплекса, что давало ей власть над жизнью и смертью каждого, кто спустился ниже второго подземного этажа, не обезвредив при этом всю активную электронику. Точнее так, контроль явно осуществляла мощная экспертная система, сервера которой, судя по косвенным признакам, также располагались где-то в подземельях.

Из-за того, что теперь команды шли напрямую к телу, Хью лишился возможности узнавать о предстоящих событиях. Но металлический короб и карабин задавали такой контекст, который оставлял мало места фантазиям.

Если предстоял спуск, скорее всего, жертвой Моргана должен был стать кто-то из лаборатории, подъем означал бы, что марионетку направили задержать дистантов корпоративной полиции.

К сожалению, периоды осознанного восприятия всецело зависели от активности чипа. Дополнительного питания у

дублирующего процессора не имелось — подземные мастера и так сделали то, о чем Хьюберт только мечтал. За те деньги, которые были в его распоряжении, ждать полностью независимой системы не приходилось. Но сейчас это приводило к регулярным провалам: каждый раз, когда с сервера приходил большой пакет с инструкциями, аппаратных мощностей для сохранения независимого сознания не хватало.

Чаще всего, это походило на дрему или последствия опьянения, когда вроде бы идешь куда-то на автопилоте, может даже что-то кому-то втираешь, распускаешь руки или получаешь по морде, но сам вроде как не при чем.

В таком сумеречном состоянии психики Морган в два удара выбил одну из панелей осточертевшего металлического короба и аккуратно спрыгнул вниз.

Автоматика любезно зажгла пару тусклых ламп аварийного освещения.

Значит, лаборатория, констатировал превращенный в марионетку незадачливый администратор. Пустой аквариум и диван, на котором совсем недавно скучал Бобби, были надежными приметами, в контексте которых карабин стал восприниматься как инструмент сохранения жизни. А ну как придется вступить в перестрелку с боевиком, для которого организовать дополнительный внеочередной труп лишь повод избавиться от хандры?

Неведомый кукловод подвел Хьюберта к дивану. Тот оказался неожиданно тяжелым: для того, чтобы сдвинуть диван и разместиться в щели между спинкой и стеной, пришлось на время отложить карабин в сторону. Похоже, бронированная спинка или что-то похожее, решил бывший менеджер, отмечая удобство занятой позиции.

Отсюда ему были видны не только створки лифта, но и двери в лабораторию, туалет и техническую подсобку, откуда внимательный или крайне дотошный человек мог выбраться в не менее технические коридоры, преднамеренно отсеченные от лабораторного сегмента, появившегося здесь недавно, аккуратно вписанного в планировку, характерную для скрытого дата-центра.

Из засады у меня хотя бы есть какие-то шансы, подумал Морган, но вместо того, чтобы успокоиться, наоборот — напрягся.

Если менеджеру его уровня приходится всерьез держать в руках оружие, значит дела заметно хуже плохого. Несмотря на то, что дерьмо время от времени случается в жизни каждого, Хьюберт не забывал оценивать перспективы.

Иногда дно это точка опоры для взлета, но порой это шаткая конструкция, которая может упасть еще ниже, считал он большую

часть своей взрослой жизни. Невозможно быть высококвалифицированным менеджером, сохраняя избыток оптимизма.

Как бы детально ни была составлена стратегия развития, сколь бы подробным ни был план, неучтенный риск всегда в состоянии разнести его в клочья. Только хорошо прокачанный, а также взятый под контроль пессимизм делает из рядового управленца профессионала.

Стоило Моргану заняться оборудованием позиции для стрельбы как в его голове запустился процесс определения потенциальных противников.

Сидящих в лаборатории Хью вычеркнул сразу, чуть поколебавшись в отношении боевика. Против штурмовой группы Корпола, с дронами, дистантами и бойцами в тяжелых экзоскелетах Морган не продержался бы и десятка секунд: ради такого противостояния не стоило двигать диван.

Но газовый карабин… это устройство стреляло пулями из вольфрама, попутно окутывая каждую слоем раскаленной плазмы. Ударное сочетание позволяло вычеркнуть из списка целей всю одноразовую технику, которая брала свое количеством, а не живучестью.

Без легких дронов и тяжелых дистантов, не имевших шанса пройти по узким коридорам перечень возможных противников сократился в разы.

Морган внимательно осмотрел пристроенный на спинку дивана карабин, посмотрел в сторону лифта и вздрогнул от внезапно пришедшей в голову мысли. Если все идет так хреново, как подсказывал бывшему менеджеру прокачанный до экспертного уровня пессимизм, через несколько минут ему предстоит встретиться с очередным корпоративным мифом Массалии — чистильщиком.

47

— Я наблюдаю у вас классическую проблему доверия, — констатировала госпожа Тхакур, демонстративно озираясь. Поскольку встреча проводилась в виртуальном пространстве, у движения полномочного секретаря имелось только одно значение, намек на приватность беседы.

Те, кто получили доступ к встрече автоматически отделялись от всех прочих, пусть и временно, но декларировались как избранные, уполномоченные решать особые вопросы. Не понять такого намека Матильда Кох, разумеется, не могла. Заявку на предстоящий торг она приняла наравне с остальными.

— На краю города неожиданно появилась сравнительно развитая технологическая зона, относительно которой можно заранее сказать, что ее владельцем является город. Точнее, либо Корпол, на основании нашедшего, либо муниципалитет, управляемый депутатами корпоративного парламента…

Ничья, отчужденная, конфискованная собственность! Слова упали в издавна подготовленную почву. Слишком маловероятным был сценарий, в котором какая-то из корпораций признается в нелегальном строительстве — после сегодняшнего штурма сумма штрафов в несколько раз превышает не только стоимость обнаруженной собственности, но и любые прибыли от нее, на многие годы вперед.

Судя по тому, как синхронно нахмурились Берта и одна из представительниц Корпола, выступление Анны Тхакур вызвало какие-то проблемы.

К счастью, аналитик быстро подсказал комиссару причину озабоченности Бешеной Берты. Судя по данным разведки, помимо шести подземных этажей найденный комплекс обладал полноценным дата-центром, возможно даже с какими-то системами искусственного интеллекта. С одной стороны это резко увеличивало стоимость находки, но с другой — продолжение штурма угрожало намного большими потерями, особенно если противник предпочтет воспользоваться системами автоподрыва.

Пока представительница Логистического Союза не подняла вопрос о том, кому будет принадлежать это хозяйство, Бешенная Берта могла не обращать внимание на сопутствующий материальный ущерб.

Теперь же с нее могут спросить, особенно если Корполу не удастся заключить выгодного соглашения со всеми заинтересованными сторонами. Логистический Союз, пользуясь

тем, что свалка находится за пределами официальной городской черты, скорее всего, намерен заявлять какие-то права? Или же последует предложение выкупить «кота в мешке», неизвестное содержимое подземного строения как есть — но за приличные деньги?

Выслушав аналитика, Матильда Кох мысленно посочувствовала Берте. Выстроенные модели захвата подземелий, вместе с освобождением заложницы, только что были спущены в канализацию.

Заложница… Если до этого похищение полицейской выливалось в немалые репутационные потери для Корпола, то теперь комиссар не дала бы за жизнь девушки даже стакана воды из третьесортного муниципального автомата. В споре за перспективную собственность невинная жертва была крайне выгодным козырем. Даже если та дыра, в которой засели похитители, принадлежала Сильверу, выгода от ее захвата могла существенно поправить квартальные показатели любой из корпораций Массалии.

Матильда нисколько не сомневалась, что к аналогичным выводам в ближайшие полчаса придут все задействованные в штурме стороны.

Только вот неожиданно упавшее то ли на баланс Корпола, то ли на муниципальный, имущество, угрожало изменить расстановку сил перед распределением ежегодных квот.

Здравствуй, депутатский мандат, мысленно произнесла Матильда, направляя запросы группе подчиненных юристов. Кто его знает, может получится вырвать из лап Корпола что-то для своей корпорации.

Проблема доверия…

Сердце комиссара пропустило удар. Суперкомпьютер корпоративной полиции присваивал делу о похищении сотрудницы литерного отдела одиннадцатый уровень приоритета. Массалия даже без крайне неоднозначного вопроса о правах на имущество похитителей могла в любую минуту скатиться к открытым конфликтам между корпоративными силами.

Как же невовремя, вздохнула про себя Матильда, осознавая, что с этого момента придется тщательно следить за репликами всех присутствующих. Одно неосторожное заявление и город рисковал превратиться в арену боевых действий.

Если начнется перестрелка, плакало мое депутатство…

До осознания госпожой Кох того факта, что от действий парламентского комиссара уже почти ничего не зависит оставалось меньше четверти часа.

48

Когда франтоватый боевик объявил вслух, что текущая жизнь Флоры завершается, девушка испытала самый настоящий когнитивный диссонанс. Среди множества воспоминаний, которые заполняли слои ее памяти, внезапно нашлись предсмертные. В иных, более комфортных условиях, Флора отгоняла от себя приближенные к реальности осознание личной смертности.

Даже когда приходилось, напрямую или же опосредованно, согласиться с потенциальной возможностью умереть, как правило, чтобы принять необходимые меры и предотвратить тот или иной риск — констатации оставались достаточно абстрактными.

Психолог Корпола, когда вносил необходимые правки в психологический профиль девушки перед тем, как выдать допуск на полевую службу, предостерегал Флору от детальных реконструкций сцен с умиранием.

Расширенная реальность могла оказаться настолько убедительной, что влияла на человеческое подсознание, буквально отключая за ненадобностью какие-то части инстинкта самосохранения.

Но тому психологу даже не приходило в голову, что память человека в состоянии хранить и воспроизводить по требованию, от первого лица, несколько достоверных воспоминаний, завершающихся настоящей, не смоделированной в виртуальных пространствах смертью.

Обретя за счет какой-то впрыснутой в вены химии способность к разделению мышления на потоки, Флора сумела преодолеть внутреннее табу, вспомнив сначала самую первую смерть, а затем и все остальные — по одной.

С тремя потоками мышления все оказалось не настолько страшно: пока в одном потоке реконструировалось умирание, со всем неприятием и экзистенциальным ужасом смертного человека, второй поток не позволял первому свернуть к другим биографическим эпизодам, а третий — внимал первому, на правах стороннего наблюдателя, отмечая наиболее яркие детали.

Для страха за свою нынешнюю жизнь места во Флоре почти не осталось. Вместо паники с лихорадочным поиском несуществующего выхода девушка ощутила легкое беспокойство из-за того, что другие тела, чья память фрагментарно присутствовала в ее голове, недоступны из-за отсутствия устойчивого соединения.

А вот собственная принадлежность к людям отчего-то стала предметом сомнений. Все человеческие мысли, стремления, реакции так или иначе упирались в ощущение и понимание собственной смертности.

Априорная неизвестность того, что будет после прекращения биологического существования тысячи лет оставалась краеугольным камнем человеческого бытия. На этой точке опоры воздвигался священный храм веры в будущее и настоящее. С оглядкой на нее поднимала свою голову культура, история рода людского и вся его цивилизация.

Сломав этот, ранее непокорный барьер, Флора ощутила растерянность и дезориентацию. Никогда ранее ее множественная личность не подвергалась атаке медикаментозными препаратами, пробуждающими все памяти разом. Химия породила консилиум Флоры Найтингейл, к котором количество переходило в качество.

Одна биография, со всеми фактами, навыками и воспоминаниями, прорастала в другую, стирая границы много качественнее, нежели это происходило раньше.

Как-то без особо сильного удивления Флора узнала Карла Карлсона, вспомнила обстоятельства нескольких знакомств с этим человеком, догадалась о мотивах, которые двигали головоломом, чуть отстранившись от происходящего — пожалела, что в этот раз их отношениям помешали обстоятельства неодолимой силы.

Без особого труда удалось вспомнить Свена, отчего-то покинувшего руководящую должность в одном из отделов «Карфаген Индастрис», подивиться причудливости истории, настойчиво подводящей к тому, что господин Пескаторе станет её убийцей вот уже третий раз.

Изоляция лаборатории не давала возможности поделиться откровением с другими вариантами себя, но это не выглядело непоправимым. Все элементы головоломки по имени Флора Найтингейл, кроме крохотного фрагмента, пребывали в сети, а также органической и аппаратной частях каждого из тел. То, что однажды совместилось в одной голове, когда-нибудь позже совместится в другой. Потеря данных не являлась катастрофой, непоправимой трагедией — лишь досадной, немного обидной задержкой.

Кажется, Флора даже улыбнулась, представив как когда-нибудь расскажет о своих переживаниях и ощущениях Карлу. Ей все-таки хотелось как-то отблагодарить и успокоить головолома, который своим взломом помог соединиться со всеми доступными вариантами личности.

Талантливый специалист, как ни крути, профессионал и

немного романтик. Не хотелось, чтобы его мимоходом убили или покалечили при скоростной перепрошивке, когда придет пора заметать следы. Но увы, спасли Карлсона было не во власти полицейской.

Он так трогательно пытался ей помочь…

Мозг, работавший в форсированном режиме, выдал набор подходящих решений. Вне специальной сенс-камеры поддерживать столь эффективную работу сознания удавалось только за счет постоянного притока медикаментов. Это убивало, столь же верно, как милосердная пуля Бобби, только не сразу.

Организм Глории Лиддел не был адаптирован к таким нагрузкам, единение сжигало резервы жизненных сил с бешенной скоростью.

Оставалась нерешенной лишь проблема с наказанием тех, кто охотился на соловьев-Найтингейл во всех телах. Тех, кто убил уже несколько тел Флоры, построил такую ловушку, с допросом и профессиональным медицинским анализом.

Вопросом наказания этих людей уже занимались другие люди. За ее тела, утраченную память и нереализованные возможности отомстят.

Флора осторожно подумала про Сильвера. Допрос прервался, концентрация химии, которая обязывала отвечать на поставленные вопросы снизилась до безопасных значений, но девушка не доверяла собственному чипу, оставленному без программной защиты после взлома.

Думать приходилось только органической частью сознания: получалось не слишком четко и путано. Сказывались перенапряжение после допроса, нагрузка от параллельных потоков и последствия взлома. Сознания Найтингейл постепенно угасали сами по себе. Отчего-то дольше прочих хотелось удержать в активном состоянии те, которые помнили и любили, Сильвера, Вячеслава Соловьева, Карла Карлсона — как будто это имело какое-то значение.

49

Когда все цифры счетчика стали девятками, Валерия протянула руку к бокалу. Наконец-то, не в мечтах, наяву.

Коллекционное французское вино, последний сбор перед тем, как легендарная страна развалилась под грузом накопившихся проблем, не дотянув до Новой Реконкисты всего четыре с лишним года. Смутные времена, войны и эпидемии бутылка пережила где-то в бункерах Магриба — для того, чтобы оказаться открытой в час триумфа или падения той, которая вознамерилась завладеть тайной бессмертия.

Валерия поднесла бокал к лицу, сделала глубокий вдох, в который раз бросила взгляд на счетчик, видимый только в ее расширенной реальности.

Пять девяток: две по левую сторону от разделителя и три справа. Выстроенный для операций по планированию шпионских и диверсионных операций суперкомпьютер пересчитывал собранный массив данных.

Для решения нетривиальной задачи его пришлось перепрограммировать сверху донизу, удалять закладки центрального офиса, архивировать базы с компроматом на политиков и взяточников рангом поменьше. Увы, это был самый мощный программно-аппаратный комплекс, к которому удалось получить монопольный доступ.

Не самый современный, но передовой для времен, когда Валерия была молода, суперкомпьютер кое-как вписывался в требования к «железу». Быстродействие хромало, но план просчитывался с учетом возможных пауз и ожидания промежуточных ответов.

Окно с трансляцией из лаборатории не огорчало динамичностью происходящего. Полицейская лежала на столе, надежно зафиксированная фиксаторами-дозаторами, Свен так и не пошевелился, сосредоточенный на работе с медицинским оборудованием.

По сути, он дирижировал тем, что в другом контексте назвали бы форсированным допросом, а не передовым исследованием свойств распределенных психических процессов.

Когда Валерия заказывала оборудование для лаборатории, обоснованием закупки стала необходимость быстрого взлома двойных агентов. Вспоминая этот момент, госпожа Барбат позволила себе довольно сощуриться. Ей нравилось играть контекстами и формулировками так, чтобы окружающие становились проводниками ее воли, полагая себя свободными и

независимыми.

Счетчик мигнул, продемонстрировав Валерии долгожданную сотню с тремя нулями после запятой.

Первый миг триумфа… обескураживал.

Еще мгновение назад в жизни присутствовала неизвестность, вердикт экспертной системы воспринимался как момент истины в русской рулетке. Три с половиной года она пребывала в шрёдингеровском ящике, не ведая, чем все обернется.

У соловьиной тайны могло обнаружиться другое объяснение. Секрет распределенной жизни мог оказаться зависим от миллиардов параметров, которые оставляли бы Валерию в стороне от чуда вечной жизни.

До самой последней аналитической операции, проведенной в местном дата-центре, госпожа в красном жила этим исследованием.

Незабываемо, госпожа Барбат обнаружила, что затаила дыхание, застыв в постижении триумфа.

Глоток вина позволил собраться с мыслями, задуматься о ближайшем будущем. Третья четверть плана…

Команду боевику она отдала самостоятельно.

— Оборвать все сетевые соединения с лабораторией и прилегающими коридорами!

Девушка-аналитик вопросительно посмотрела на Валерию.

— Кроме канала Ноль, — поспешно уточнила госпожа Барбат. — Вариант «Тунец».

Мало доказать возможность технологии, собрать условия ее применения, выявить ограничения, связанные с наличием сети — нужно отловить тот информационный пакет, который окажется в состоянии запустить процесс с нуля.

Логика подсказывала, что такой инициирующий пакет будет отправлен автоматически, как только прежний носитель умрет. Валерия не знала, в каком формате и по каким каналам уйдет «последняя воля» Флоры Найтингейл, отчего постаралась капитально изолировать все пространство лаборатории, сохранив только один оптоволоконный кабель, с гирляндой анализаторов трафика.

— Выполнено…

Девушке пришлось докладывать вслух. Изоляция по варианту «Тунец» предполагала отключение почти что всех каналов не только от лабораторной секции. Пункт управления операцией тоже отключался, заставляя госпожу в красном и аналитика терпеть последствия сенсорного голода.

— Теперь ждем, — констатировала Валерия Барбат, делая еще один глоток коллекционного вина.

— Прошу прощения, госпожа, но может стоило оставить какие-то средства контроля за происходящим?

Голос аналитика дрожал, девушка явно волновалась.

Хорошая интуиция, слабая выдержка. Не идеальный кандидат, зато соблюдается принцип ограничения привлеченных лиц.

— Слишком ответственный этап, нельзя рисковать. Техническая возможность жить в нескольких телах доказана, однако мне нужен образец самой технологии, а не знание про ее существование где-то в стороне.

Валерия оценивающе посмотрела на свою подчиненную. Перепад между полноценной работой сенсорного костюма и вынужденным периодом безделья влиял на девушку не лучшим образом. В другой ситуации аналитику досталась бы порция инъекций для безопасного выхода из режима форсированной обработки данных.

— Если оставить техническую возможность удаленного наблюдения, остается риск, что передача инициирующего кода пройдет мимо нас.

Валерия тоже страдала от сенсорного голода. В противном случае, ей бы не пришло в голову что-то объяснять собеседнице. Но живой голос, даже свой собственный, успокаивал, позволял скоротать период ожидания. — Мы же не знаем, какой протокол используется в таком случае. Суперкомпьютер пока не сумел выделить необходимые последовательности команд, позволяющие объединить несколько аппаратно-органических комплексов. Этот метод использует какие-то недокументированные свойства чипов, быть может зарезервированные для спецслужб или оставленные разработчиками с прицелом на дальнейшие модернизации.

Так что канал должен быть один — только так можно гарантировать, что код получен целиком.

— Вариант «Тунец» это же про рыбалку, госпожа?

— Сидим и ждем поклевки. Ты стой на страже, а я пока выпью. Сегодня великий день — он войдет в историю.

Еще два испытания, мысленно продолжила реплику Валерия. Третий этап волшебный: после него одной бессмертной в мире станет больше.

50

Карла трясло. Скопившееся за время аппаратного паралича нервное напряжение выходило наружу, через тряску рук, частый стук зубов, никому, неслышную тарантеллу вытанцовывало сердце.

В представлении головолома все смешалось в запутанный клубок противоречий, скатилось к какому-то жестокому и бессмысленному хаосу. Тот, кто каким-то непонятным образом, получил от Диал-Апа пароль, собирался убить любимую девушку Карла.

Единственный союзник в этой чертовой лаборатории, а Карлсон заразил его аппаратную компоненту вирусами.

— Не надо…

Работу с сетевым чатом, где мысль можно было бы передать намного легче, быстрее и детальнее, заблокировал то ли антивирус, то ли тот внутренний Карлсон, который всплыл откуда-то из глубин сознания — совершенно непохожий на привычного Карла.

Оставался лишь тихий хриплый голос из напрочь пересохшего саднящего горла.

Удивительно, но его услышали.

Еще более удивительным стало то, что к нему прислушались.

Бобби сделал шаг в сторону головолома, отложил оружие на край стола и достаточно бережно перевел Карлсона из беспорядочного лежачего положения в сидячее.

— Свен, нас впрямь отключили? Тебе за пультом должно быть виднее…

— Проверяю, но с теми возможностями, которые остались, это займет пару минут.

Карл собрал волю в кулак. Тело не желало слушаться, однако нога согнулась в колене.

Тем временем боевик вернул себе оружие, но не спешил им пользоваться.

У головолома сложилось впечатление, будто убийство Флоры по каким-то неведомым причинам откладывается.

— Почему?

Внутренний чат, к которому попытался обратиться Карлсон, намертво завис. Словно лабораторную сеть действительно отключили. Голосом выходило лаконичнее, но с каждым слогом все ближе подступал приступ кашля.

— Скажем так, мастер Карл…

Бобби присел на корточки возле головолома, закрыв от того

фигуру тяжело дышавшей полицейской.

— У любой истории, как у хорошего музыкального произведения, присутствует некий темпоритм. Что-то идет быстрее, что-то притормаживает.

Боевик поправил галстук, на секунду задумался, а затем продолжил:

— Хороший план, вроде такого, в рамках которого нас собрали в этом подземном помещении, машинная партитура. Вроде все гладко, но безжизненно, не так эстетично, как могло быть. Я предпочитаю аналог джазовой импровизации.

— Пахнет нарушениями контракта, — недоверчиво заметил откуда-то издалека Свен. Карл не сразу понял, что теперь это снова настоящий голос вместо сгенерированной фальшивки из потолочных динамиков.

— Ни хрена! — отмахнулся Бобби. — Мне необходимо обеспечить гарантированную смерть девушки, но нигде не сказано, что это обязательно должен быть мой выстрел.

С выключением лабораторного оборудования даже не нужно тратить патроны. Сам понимаешь, что к чему — так нафига эти подколки?

Голоса Глории/Флоры постепенно затихали в памяти Карла, с каждым вдохом думать самостоятельно получалось все лучше и лучше. Даже этот непонятный подсознательный Карлсон, каким-то образом заполучивший вирусный пакет, больше ничем себя не проявлял.

Бобби не собирался стрелять, чтобы Корпол не назначил его ответственным за смерть девушки. Но к чему тогда разговоры о каких-то гарантиях смерти?

— Мне показалось, что ты хотел бы с ней попрощаться, — внимательно изучив Карлсона заметил боевик. — Это не в моих правилах, однако миру нужно больше романтики. Не зря же он регулярно сводит происходящее на классические сюжеты с рифмами в стиле «кровь/любовь»?

— Не… убивай…

Бобби посмотрел на тяжело дышащего головолома, прикинул массу его тела, а затем вколол Карлсону порцию стимулятора.

— Я тут пас, Свен. Может, хотя бы ты сумеешь объяснить коллеге? А то у него фиксация на моей репутации. Смерть ходит вокруг меня, но как убедишь в этом?

Вместо ответа чип-ридер смущенно прокашлялся.

— Лучше просто покажи ему как есть, Бобби…

Боевик подхватил непослушное, но уже начинающее оживать тело головолома, резким движением закинул его на стол, по соседству с полицейской.

Когда приступ головокружения отступил, Карл понял, что лежит на боку, уткнувшись носом в ухо Флоры.

— Допрос проводился в условиях медикаментозного форсажа, — Свен отсоединился от ставшего бесполезным пульта и приблизился к остальным присутствующим. — Аналогичные коктейли применяются в современных сенс-камерах, для разделения внимания на несколько независимых потоков.

Карлсон покопался в своей памяти. Как головолом, он знал о параллельных потоках, на аппаратном и органическом уровне чуть меньше специалистов по нейрохирургии. Основной принцип защиты чипа строился на формировании отдельного потока, который следил за целостностью прошивки. Но больше двух потоков органика не выдерживала. Головному мозгу не хватало снабжения — в первую очередь, кислородом.

Мозг отдавал команды сердечно-сосудистой системе, вгоняя организм в форсажный режим, с чудовищным пульсом и стремительным расходом нейромедиаторов.

В чипы, для предотвращения смертей от самоистощения, пришлось добавлять блокировку, а также программные ингибиторы.

Очистка в нуль! Карл вспомнил, что полный сброс аппаратных настроек включал в себя обнуление таких блокировок. Получалось, что взлом Флоры требовался не для снятия корпоративной защиты, а чтобы разогнать мышление девушки до упора.

Теперь, после признания Свена, стало ясно, отчего чип-ридер все это время находился за пультом. Вне специальных сенс-камер, которые в автоматическом режиме отслеживали состояние пациентов, поддержка форсированного организма напоминала эквилибристику. Но если сеть…

— Последние снятые показатели демонстрировали минимум шесть параллельных потоков мышления, — стараясь не смотреть в сторону девушки, выдохнул Свен. — Выход из такого форсажа требует двух часов специальных процедур, в кругах профессионалов это называют мягкой посадкой. Нас отключили за пару минут до выхода в режим мягкой посадки.

Карл аж застонал от ощущения безысходности. Без мощной вычислительной поддержки разогнанный до запредельных значений организм обречен работать до крупного сбоя, будь то обширный инсульт, инфаркт миокарда, или кровоизлияние в мозг. Словно из Флору сделали человекоподобную бомбу, которая вот-вот могла взорваться.

— Отмирание коры…

Карлсон не сразу понял, что этот голос не настоящий, а

транслируется через чип.

— Флора?

Оказавшись на одном столе радиомодем головолома вновь сконнектился с радиомодемом девушки.

— Извини, Карл…

Вне установленного коннекта сил Флоре хватило лишь на выдох, чуть более громкий чем предыдущий. Разгон мозга, более не поддерживаемый вводом в кровь необходимой химии, жадно отбирал у остального тела остатки сил.

А следом в память Карлсона потекла вереница образов.

Флора, которую он взламывал, Флора незадолго до похищения, на работе, на прогулке возле Подмостков.

Карл жадно ловил образы, аккуратно раскладывал их в папки для последующей загрузки в органическую память, представляя как в самом ближайшем будущем станет пересматривать дары Найтингейл, негодовать из-за собственной неспособности что-либо изменить.

Неведомые корпораты все тщательно спланировали и не менее тщательно исполнили план. Мог ли Карл не взламывать девушку? Конечно же, мог! Спасло бы это полицейскую? Разумеется, нет.

Карлсон встретил Флору, взломал, полюбил — но его чувства были обречены, причем задолго до того, как головолом ответил на звонок Диал-Апа.

Спустя несколько ударов сердца калейдоскоп воспоминаний Найтингейл изменился. Один поток сознания сменился другим. Но в другой жизни, о которой рассказывала Флора, все равно проявлялось то, что позволяло Карлсону признавать самоочевидное: он любил Найтингейл, независимо от того, какой жизнью и под каким именем та жила в Массалии.

Ведь он любил ее не за биографию или красивую фигуру. Головолома манила душа Флоры, дух Флоры, ее стиль и что-то неуловимое, не способное выражаться словами или файлами из аппаратной памяти чипа. Если бы все, что любил в девушке Карлсон можно было оцифровать, он несомненно ухватился бы за такую возможность, отчаянно сжигая аппаратную и органическую части себя в попытке сохранить ускользающую жизнь.

— В сказках, которые отражают глубинную природу мироздания, говорится о волшебной силе любви, — тихо пробормотал Бобби, но Карл его услышал.

Эта реплика слово разрушила какое-то гипнотическое состояние. Файлы из памяти Найтингейл еще поступали головолому, но теперь он уже не бросался на них сразу после получения.

Боевик словно выдернул его из внутреннего мира во внешний.

— Некоторые сказки утверждают, будто поцелуй истинной любви способен даже воскресить мертвого.

Бобби договорил и отвернулся в сторону двери. В его представлении только сама смерть, достойная заглавной буквы, могла совершить такое сказочное чудо. Для остальных чувств и смертей, чудеса давно ушли из мира.

— Спасибо…

Карлсон собрался духом приподнялся на локте и навис над Флорой. Поцелуй, который требовалось сделать, чтобы впоследствии не сокрушаться на тему его отсутствия, вышел коротким и нескладным.

А затем прогремел выстрел.

51

По мнению Свена отключение лаборатории от сетевого обеспечения неизбежно влекло за собой неприятности. Корпоративные наблюдатели выбрали чертовски неподходящий момент для такой диверсии. Или наоборот: феноменально подходящий, если в их планы входило убийство плененной сотрудницы Корпола.

Финальное распоряжение. озвученное мистером Пескаторе, являлось свидетельством того, с какой потрясающей надежностью составлялся план операции. Даже если у девушки оставался шанс выжить после передозировки медикаментов, Бобби флегматично умножал его на ноль.

Мысленно попросив прощения у допрашиваемой, Свен отсоединился от ставшего бесполезным пульта и задумался о том, как выбираться из лаборатории. Без сетевой поддержки вариантов оставалось немного.

Теоретически, можно было никуда не спешить, а просто дождаться прибытия штурмовой команды Корпола. Но эта сценарная ветка предполагала не менее жесткий допрос, а затем весьма строгое наказание. Смерть полицейской Корпол никак не мог оставить без внимания. Смертной казни в Массалии не было, но пожизненное заключение с полной перепрошивкой личности все еще существовало, а Свену не хотелось превращаться в зомби, одержимого прополкой грядок.

Шансы на успешное бегство, сквозь несколько поясов автоматической обороны, не попавшись корпоративной полиции на экраны, Свен оценивал как низкие. Может быть, Бобби, как профессионал, еще мог бы обхитрить сканеры и защитные алгоритмы подземной базы, но не чип-ридер, еще не забывший своего прежнего места работы.

Должность старшего безопасника в одном из секретных отделов корпорации «Карфаген Индастрис» являлась для Свена натуральной «черной меткой».

Лабораторию и весь подземный комплекс организовала его родная корпорация, слишком много косвенных следов зафиксировал в аппаратной и органической памяти его чип.

Собранные улики превращали Свена в смертника, которого никак нельзя было отпускать без тотальной перепрошивки. Более того, бывший безопасник подозревал, что где-то в его чипе ждет своего чата одна или несколько закладок, которые не позволят ему спастись даже при самом благоприятном стечении обстоятельств.

Когда входную дверь в лабораторию буквально снесло с петель направленным взрывом, Свен тут же прыгнул вперед и вбок, стараясь чтобы между его телом и входом оказался набитый медицинской аппаратурой стол. Выстрел, прозвучавший за долю секунду до подрыва двери, позволил чип-ридеру благополучно достичь своей цели.

А затем в бой вступил Бобби. Он поразил человекообразную фигуру, возникшую в дверном проеме трижды: в левую руку, туловище и голову. Ворвавшийся в лабораторию чуть отшатнулся, принимая и гася кинетическую энергию от попавших пуль. Обычный человек был бы уже мертв — мистер Пескаторе знал, как и куда нужно целиться в перестрелке.

Но первую и вторую пулю приняла на себя тяжелая броня, а третья разбила какие-то сенсоры защитного шлема.

Прежде чем Бобби успел произвести новую серию выстрелов, нападающий бросил перед собой радиоэлектронную гранату, а затем хладнокровно расстрелял камеры и сенсорные датчики под потолком.

Когда Свен понял, что корпораты не дали Бобби как следует вооружиться, страх за свою жизнь куда-то ушел.

Ликвидация свидетелей после того, как потребность в них исчерпалась — что может быть естественнее?

Свен успел пожалеть о том, что втянул в эту историю двух хороших людей. Операторы систем безопасности, что Хех, что Хаухет, были ему симпатичны. Когда он взял их с собой, никто не предполагал такого финала.

Им следовало получить запись в рабочем профиле, квартальную премию, небольшой положительный модификатор к шансу получить повышение по службе, но никак не риск стать преступником в глазах Корпола.

А затем Бобби успел выстрелить еще трижды, после чего в ушах остался только противный звон, а расширенная реальность разродилась набором предупреждений.

— Репутация чистильщиков чрезмерно раздута, — ровным голосом констатировал Бобби. О том, что перестрелка не прошла для него бесследно Свен понял лишь по отсутствию в голосе боевика привычных интонаций. — Сомневаюсь, что такие вещи могут просчитываться суперкомпьютерами. Жизнь в этот раз победила. Это было красиво. Нам повезло. Мои соболезнования, Карл…

52

Короткий период дезориентации, удар по зрительным нервами, вынуждающий зажмуриться. Незадолго до этого Флора наблюдала за тем, как ее тело умирало.

Померкла и полностью пропала чувствительность ног, забылось и не вспомнилось как совсем недавно чувствовались руки, туловище, как отдалились и превратились в невнятный гул окружающие звуки.

Память о прожитых жизнях и параллельные сознания растворялись куда заметнее. Самое важное из уходящего покидало Флору последним.

Неожиданно для Найтингейл образ головолома маячил перед глазами даже когда отключилось периферийное зрение.

Девушка успела собрать в правильной последовательности все паззлы, связанные с Карлом Карлсоном, но тут реальность будто моргнула и явила Флоре новую картинку.

— Дерьмо! — выругалась Найтингейл, мимоходом отмечая двойственное ощущение от собственного голоса.

Какое-то внутреннее чувство подсказало девушке, что реинкарнация прошла очень быстро. Память, которая теперь принадлежала Флоре, подсказала точные цифры. С момента смерти в подземной лаборатории прошло чуть больше трех минут. Где-то ниже, в паутине коридоров «Паталы» до сих пор умирали клетки ее мозга.

Та же память осторожно напомнила, что при желании до своего прежнего тела можно добраться меньше, чем за десять минут.

Любопытное ощущение, подумала Флора, задумываясь о новой внешности. К сожалению, стандартная функция чипа, вызов виртуального зеркала, отзывалась сообщением о временной ошибке.

Попытка ощупать пальцами собственное лицо тоже не увенчалась успехом. Рука натыкалась на препятствие неясной природы. Точно так же не удавалось пошевелить ногой, повернуть голову.

— Через час и пятнадцать пять минут состоится восход солнца, первое утро новой эпохи, — произнес откуда-то сбоку голос, который в равной степени мог принадлежать как женщине лет тридцати, так и даме за пятьдесят. Хорошо поставленный, с легкой хрипотцой и усталым растягиванием некоторых гласных. Так привыкла разговаривать элита Магриба, которая последние несколько десятилетий осуществляла планомерную

экономическую экспансию на некогда французские земли.

Какие-то невидимые Флоре механизмы позволили повернуться и увидеть сидящую в эргономичном кресле даму в деловом костюме алого цвета. Ободок и дужки адреалиновых очков были на тон темнее костюма, осуществляя плавный переход к аккуратной прическе. Оттенок «красное дерево», мимоходом определила Флора.

— С добрым утром, — отставив полупустой бокал в сторону, произнесла дама в красном. — Прошу прощения за столь раннее и несколько экзотичное приглашение на беседу, но мне стало интересно. Каково это, ощущать себя бессмертной?

Флора попыталась вдохнуть побольше воздуха, мимоходом отмечая, что у нового тела грудь чуть больше, а мышцы развиты слабее.

— Никогда не чувствовала себя бессмертной…

— Валерия. Должности и титулы оставим за скобками. У тебя продолжается обработка поступившего пакета, чуть позже обязательно вспомнишь меня. Кроме нас двоих здесь больше никого не предвидится. Только та, которая еще недавно была известна как Глория Лиддел и я, сумевшая поймать соловья в хитрую клетку.

Память подсказала Флоре, что на ней сейчас специальный аналитический костюм — устройство, превращающее все человеческие чувства в каналы поступления данных.

Работать в таком костюме умели немногие. Такие специалисты ценились корпорациями на вес редкоземельных металлов и даже сильнее. Настраивать аналитический костюм приходилось индивидуально, под каждого оператора, но в настроенном состоянии устройство позволяло работать с динамически изменяемой «биг датой» на порядок эффективнее чем в одних очках расширенной реальности.

К сожалению, контроль за данным костюмом был перехвачен Валерией из-за чего та могла обращаться с Флорой как с марионеткой.

— Что вам от меня нужно, Валерия?

Оценив свое положение, Найтингейл решила задавать прямые вопросы. Сам по себе костюм еще работал, обостряя всю новообретенную сенсорику. Отсутствие сетевых подключений сместило фокус восприятия во внешний мир — этим, едва ли не единственным преимуществом следовало воспользоваться по максимуму.

— Наивный вопрос! Разумеется, мне необходима практическая реализация технологии, которая обеспечивает эффект распределенной жизни.

Валерия отдала несколько безмолвных распоряжений в своей расширенной реальности. Попытка реконструировать команды по вторичной моторике, провалилась. Работать с аналитическим костюмом умела предыдущая личность, временно уступившая тело Флоре. Какая-то внутренняя, но не находящая возможностей для проявления память подсказывала Найтингейл: трансляция в другое тело произошла не так как обычно.

Что-то изменилось. Но это было не главным. Наконец Флора смогла увидеть человека, стоявшего за ее похищением. Виновного во взломе, смерти от форсированного допроса, скорее всего — в других смертях и неприятностей, которые сохранились в глубинах памяти.

Наконец-то борьба с некогда неведомым противником перешла в открытую фазу.

— Я тебя огорчу, — к счастью, аналитический костюм не затрагивал мимических мышц, ограничиваясь очками расширенной реальности и классическим заушником для дополнительных аудиоканалов. — Технологии распределенной жизни у меня нет.

Флоре не слишком нравилась та стервозная маска, которой приходилось пользоваться для взаимодействия с некоторыми из особо назойливых коллег.

Коллективная память, работала неустойчиво: сказывалось отсутствие сети и недавнее перерождение. Кроме то, до этого момента Найтингейл ещё ни разу не осознавала свою множественность сразу, без ассимиляции с природной личностью тела. Догадаться о причинах сбоя было легко — стоило лишь посмотреть на корпоративную хищницу.

— Кто бы сомневался, — презрительно фыркнула Валерия, вставая с кресла и поправляя прическу, по каким-то внутренним причинам, нежели от присутствия каких-либо изъянов. — Поднимать себя за волосы, удел сказочных персонажей, а не романтических дур, очарованных биографией флорентийской медсестрички.

Флора нахмурились. Ее противница обладала солидным преимуществом в мобильности, информированности, аппаратной поддержке. Переход от допроса, в ходе которого данные утекали к этой краснушке, к встрече тет-а-тет не мог быть случайным.

— Я не шаблонная злодейка сетевых игр. Но, так уж получилось, что мне придется кое-что тебе рассказать…

Валерия подошла к неподвижной Флоре, заглянула пленнице в глаза, неторопливо провела указательным пальцем по ее лицу. Острый ноготь, покрытый флуоресцентным лаком, оставил неглубокую царапину в нескольких миллиметрах от левого глаза

Найтингейл.

— Разумеется, мне необходимы твои реакции, — продолжила Валерия, не обращая внимания на попытки Найтингейл замкнуться и начать генерировать шумы за счёт наведенных волей фиктивных чувств. — Одно дело изучать полностью ассимилированный вариант, в котором синхронизация множественной памяти завершена задолго до поимки. Другое — предельно очищенный экземпляр, который не имеет доступа к сети.

Психическое изнасилование пополам с препарированием, вынесла вердикт Флора. Нынешнее возрождение выходило неправильным. Исходная личность тела закапсулировалась и не шла на контакт. Эманации, который исходили от ментального барьера, Флора интерпретировала как ужас.

— Кстати, сценарий с подгрузкой воспоминаний по сети мы с тобой уже проверили, ещё в полицейском теле. Так что у нас осталась лишь одна, заключительная проверка — самоосознание.

— Зачем это тебе?

Задать вопрос для того, чтобы потянуть время, постараться внести хоть какие-нибудь помехи, Флора решила не сразу. Но даже в таком беспомощном положении она не забывала, что исследование это дорога с двусторонним движением. Пускай шансов передать обретенное знание в распределенную память Найтингейл было немного, не стоило терять веры в чудо.

Теория игр соглашалась с Флорой.

— Сделать следующий шаг, который не только обеспечит мне гарантированное бессмертие, но и даст колоссальную власть, — с готовностью ответила Валерия. — Если не над всем миром, как в дурацких комиксах и шоу для инфантилов прошлого, то над регионом. А потом можно и на восточный блок замахнуться.

— Только вот с чего такая уверенность? — Флора постаралась изобразить удивление. Про то, что распределенная память может дать фору в обретении высокой квалификации, она знала и без этой корпоративной выскочки. Но у той, судя по размаху, было на уме что-то иное.

— Да с того, что ваша создательница, а это, похоже, была Сильвия, ухватилась за сам принцип, но так и не сумела развить его как следует! Не знаю, насколько детально в тебе присутствует ее память, а хотелось бы проверить. Благо мне известен метод.

— Уже любопытно, — с нескрываемым скепсисом ответила Найтингейл. Где-то внутри ей все-таки было страшно. Лабораторный допрос, по сравнению с диалогом, который приходилось вести с позиции жертвы, выглядел детской забавой.

Пришлось вспомнить многочисленные психологические

тренинги Корпола. На них ходила Диана, ходила Глория. Пригодилось только здесь, в следующей жизни.

— Откровенность за откровенность, — торжествующе улыбнулась Валерия. — Стараться не нужно, я все равно считываю все твои реакции, а обучить новое тело не дергаться и не напрягаться тебе было некогда. Извини.

Флора мысленно перебрала свои памяти, как идущий ва-банк игрок перебирает свои карты перед тем, как сделать свой ход. Все остальные памяти отступили на второй план, пропуская вперед Диану.

— Откровенничать буду я, — Барбат подмигнула пленнице, проверила что-то невидимое в своей расширенной реальности. — А вы там, сколько бы вас не было, станете слушать и реагировать.

Сотни раз проводила такие допросы, подумала Диана Найтингейл, вспоминая штаб-квартиру массальского Корпола.

— Для начала, отдельная благодарность Сильвии, — Валерия Барбат откровенно злорадствовала, наслаждаясь своей местью. — После смерти русского только у тебя могли сохраниться его наработки. За тобой, Сильвия, следило целое детективное агентство, гордись! Привлекла бы отделы «Карфагена», но уж больно не хотелось привлекать внимание шпионов из других корпораций.

В этом месте Флоре полагалось напрячься. Диана послушно собралась, понимая, что первые реплики Барбат — только калибровка перед настоящими проверками.

— Суперкомпьютер долго подбирал отраву, которая убивала бы тебя долго, но не слишком мучительно, — сделав небольшую паузу продолжила магрибинка. — И ты выдала там под конец такой фееричный всплеск трафика, что это самое настоящее признание в обладании технологией!

— Примерно такое же чистосердечное, как твое признание в организации заказного убийства, — опыт старшего инспектора Корпола помог Флоре отбить эту атаку Барбат.

Вместо ответа на такую подколку Валерия расхохоталась.

— Нас тут, между прочим, штурмуют дистанты Бешеной Берты, а ты про такие мелочи. Я играю в высшей лиге, где другие правила. Мне даже продали твое тело, Сильвия! Я наняла экспертов, которые по битам разобрали все, что оставалось в чипе. Ты же перед смертью не стирала никаких приватных роликов, а газ разрушал только органику, нервную систему в основном.

Вот тут Флору действительно проняло. Как ни крути, Сильвия оставалась для нее центральной памятью, со всеми чувствами, ценностями, переживаниями. Не важно, врала ли сейчас Валерия

или говорила правду, но сама мысль о подобных издевательствах…

Вновь пригодился опыт Дианы, расставивший все по местам. Анализ чипа — не обязательная, но периодически встречающаяся практика расследования преступлений. Чаще всего, Корпол находит преступников без этой возни, но иногда приходится. Законы не учитывают существования распределенной памяти и таких как Найтингейл. Если человек мертв, с ним и обращаются как с покойным. Останься у Сильвии родственники, которым было бы не безразлично, что делают с ее телом… Впрочем, Барбат и тогда справилась бы, признала Флора. Большие деньги, очень большие деньги практически всемогущи там, где все продается.

— Но настоящая охота началась потом!

Валерия долго скрывала свои замыслы, оттого рассказывала историю с явным воодушевлением и гордостью за успехи.

— Как отследить, кто же из массальских женщин носит в себе чужую память?

Хороший вопрос, признала Флора-Диана. Найтингейл будет полезно узнать свои слабости. Да и знать как к другим приглядываться тоже надо. Не стоит считать других глупцами: открытое единожды может быть открыто снова.

— Конечно же, нужно взять под наблюдение всех, кто попадет под подозрение! Повесить камеры в городском колумбарии, чтобы посмотреть, чье внимание привлечет урна с прахом миз Райзенор, мистера Соловьева. Я распорядилась специально разместить их таким образом, чтобы анализатору было легче отслеживать перевод взгляда от одной ниши к другой.

Флора почувствовала, как щеки Веры предательски краснеют от смущения.

— А затем был захват Дианы, ты его должна хорошо помнить.

Найтингейл постаралась проигнорировать намек. Когда «карфагенцы», в нарушение городских законов, напали на представительницу Корпола, она не сумела передать на сервер необходимый объем доказательств. Судебное разбирательство «Карфаген Индастрис» блокировало встречным обвинением, заявив о провокации со стороны конкурентов.

Тогда Диане пришлось действовать наперегонки с хакерами, удаляя или осознанно повреждая все, что только оставалось на чипе. По ту сторону сети, где пребывала нынешняя Флора это выглядело жестом отчаяния. Найтингейл помнила слова Соловьева, про необходимость идти на шаг впереди корпораций, однако все ее попытки сделать хоть что-нибудь, завершались примерно так же, как проникновение Дианы на территорию «Карфаген Индастрис».

Теперь, оказавшись в плену, Флора понимала, что почти с самого начала Валерия шла по ее следам.

— А после того, как мои специалисты немного покопались в чипе миз Кавелье, стало примерно понятно, как все работает, — резко перейдя от издевательских манер к холодным деловым, заключила Барбат. — Так что сначала я собрала фрагменты вашего кода из двух чипов, построила рабочую модель и только после этого отдала распоряжение захватить Глорию Лиддел.

Ничего личного, всего лишь триангуляция!

53

Свен наклонился над лежащим без сознания Карлом, осторожно посмотрел на Бобби.

Боевик успел обыскать труп чистильщика, а также отойти к дверному проему и застыть в ожидании новой перестрелки.

Ладно, подумал Свен. Одна голова хорошо, две лучше, а три и вовсе — волшебное число.

Аптечку с набором стимуляторов удалось отсоединить от пульта только благодаря внимательному изучению документации. Предназначенный для ведения форсированного допроса агрегат снабжался средствами оказания первой помощи, которыми мог специалист мог воспользоваться как для поддержки своего состояния, так и для того, чтобы допрашиваемый не сыграл в ящик, прежде чем расскажет все необходимое.

Надеюсь, парень, у тебя нет никаких специфических аллергий, пробормотал Свен, прикладывая инъектор к руке, к которой до сих пор крепился рабочий ноутбук.

— Где один труп, там и два, — хмыкнул Бобби. — Давай уже, не медли. Мы в глубоком цейтноте. Сверху Корпол, коридор кем-то обстреливается, но это не мешает вваливаться без стука и предупреждения разным тварям.

Про тварей Свен был полностью согласен с боевиком.

Мужчинам неслыханно повезло, что чистильщика подстрелили чуть раньше. Реконструируя беспорядочную перестрелку безопасник догадался, что в лабораторию чистильщик ввалился не совсем по своей воле.

Кто-то снаружи сумел приложить к твари приличное количество кинетической энергии, отчего та буквально влетела, дезориентированная и раненная.

Когда-то часть чистильщика была мужчиной. Типичным представителем магрибской культуры, если судить по второстепенным признакам. Кто-то нафаршировал будущего монстра механизмами без стандартной маркировки, встроил его в штурмовой экзоскелет, снабдил энергетическим оружием и набором сканеров.

В узких коридорах подземного комплекса, без доступа к сетевой поддержке, чистильщик не мог реализовать весь свой потенциал.

Его конструировали для борьбы с дистантами, встроенными в стены и потолки защитными комплексами и солдатами в тяжелой броне.

Слишком машина, которую автоматика идентифицировала как человека, он оказался неуместен в лаборатории, где Бобби сначала стрелял, а потом разбирался в кого.

Слишком человек для энергетического оружия, чистильщик выжил после прямого попадания из карабина. Окажись у него секунда-другая в запасе, никто не покинул бы лабораторию живым. Бобби успел раньше: сначала опустошив обойму с инъекторами, а затем ухитрившись передать на аппаратную часть чистильщика какой-то не в меру разрушительный вирус.

Лишь тот факт, что боевик сделал не один контрольный выстрел, а два, выдавал тщательно скрываемое волнение.

Комбинация из кинетического повреждения, смертельной для органики дозы допросной химии, а также патронов, которые некогда запрещались какими-то древними конвенциями, хоть и прикончила чистильщика, но правая нога киборгизированного трупа все еще продолжала неритмично дергаться, отвлекая на себя внимание.

Головолом приоткрыл глаза, с видом записного мученика посмотрел на Свена и неуверенно поднес свободную руку ко лбу.

— Пациент скорее жив, чем мертв, — констатировал безопасник. Полторы минуты на возврат физической формы и можем выдвигаться.

— Сначала надо нейтрализовать стрелка, а затем пойдем по следу из хлебных крошек, — уточнил Бобби, все это время обдумывавший проблему эвакуации. — Наш непрошеный гость, конечно, весит больше любого из присутствующих, но хотелось бы, чтобы вы с головоломом подняли эту тушу с чрезмерно нервной конечностью и, по моей команде, выкинули его в коридор.

— Что… меня вырубило какое-то стремительное…

Карлсон кое-как приподнялся на локте и замолчал, увидев, что полицейская не дышит.

— Одно из двух, — Свен осторожно придержал головолома, чтобы тот не упал на пол. — Последствия взрыва радиоэлектронной гранаты или предсмертный сброс данных через радиомодем. А вернее всего, совпадение двух поражающих факторов вызвало аварийную перезагрузку чипа. Симптоматика характерна для перезагрузки.

— Флора?

— Формально мертва, — пожал плечами Свен, помогая Карлсону встать. Стимулятор творил чудеса, Карл избавился от тремора и тошноты, мысли обрели четкость. Лишь остаточное головокружение и понимание, что за подобный форсаж потом придется расплачиваться, напоминали о том, что это уже «второе

дыхание», а не норма.

— Нейрофизиологические процессы прекращены, — пояснил Свен, ошибочно принимая адаптацию Карлсона к последствиям стимуляции за растерянность. — Но, после того, что мы тут услышали, есть шанс на повторную встречу, в не столь экстремальных условиях. Я бы, например, извинился.

В ответ Карлсон лаконично кивнул. Безопасник оценил вероятность повторной встречи с Найтингейл и признал, что головоломом, при прочих равных, встретится с Флорой первым.

— Плохо помню, — выдохнул Карл, обойдя стол против часовой стрелки и едва не споткнувшись о неподвижную ногу чистильщика. Вторая нога ещё время от времени дергалась, но уже гораздо реже, пару-тройку раз в минуту.

— Эта страхолюдина по наши души, — поспешил объяснить Свен, прикидывая, за какой фрагмент экзоскелета будет удобнее поднимать труп. — То ли от «Карфагена», то ли уже Корпол подсуетился.

— Пожалуйста, чуть побыстрее, — попросил Бобби, набивая магазин своей пушки невесть откуда взятыми патронами. — Нам еще наружу выбираться.

— Раньше ты не упоминал название корпорации, — Карлсон сообразил за что ухватиться первым и выбрал наименее пострадавшее плечо чистильщика. Свену досталась другая сторона.

— Так нас тогда еще не списали. Да и сеть работала, логи куда-то транслировались, — поднять чистильщика удалось только со второй попытки, с некоторых испачканных кровью деталей пальцы соскальзывали, делая хват неудобным. — Да и команду на чип могли отправить, а оно мне надо?

Нога чистильщика дернулась в последний раз, поспособствовав перетаскиванию трупа на позицию перед броском.

Несколько секунд невольные компаньоны собирались силами, а затем чистильщик вылетел в коридор и началась стрельба.

54

Среднестатистический человек не умеет жить с осознанием своей смертности. Как правило, все ограничивается согласием с какой-то абстракцией, благодаря которой долгосрочные планы перестают требовать активного и обязательного участия, а ближе к старости производится подготовка к передаче дел следующему поколению.

Но с мыслью о том, что каждый вдох может стать последним, человек не способен смириться. Он гонит ее, потому как не имеет какого-либо подтверждения в собственном опыте.

Сильвия, как и большинство людей ее круга, думала о смерти прагматично. До этого гипотетического события предстояло сделать еще многое. Миз Райзенор даже завещание составила только потому, что на существовании такого документа настоял юридический отдел.

В тот день стояла приятная весенняя погода. Жаркий сезон ещё не вступил в свои права, а ветра отогнали от города надвигающиеся со стороны материковой Франции грязные дожди.

Отдел разработок, который возглавляла Сильвия, сосредоточенно исправлял недочёты в новой модели сенс-камеры, дата предварительного релиза была уже согласована с высшим руководством и даже озвучена на официальном сайте компании.

Миз Райзенор сидела на веранде небольшого греческого ресторана. На столике перед ней стоял бокал с витаминизированным коктейлем. Салат только что унесли, а горячее обещали подать в самое ближайшее время.

Кто-нибудь менее прагматичный, нежели Сильвия мог бы отвлечься от изучения отчётов и потратить пару минут на восторженные мысли о том, какой прекрасной может быть жизнь.

Когда позади нее что-то упало на пол и разбилось, Райзенор лишь пожала плечами. Человеческий фактор, как же иначе. На случай возможных неприятностей чип подключился к ближайшим камерам и с этого мгновения мир непоправимо изменился.

Террористическая атака. Устранение нежелательных лиц.

Нейтральный комментарий экспертной системы, которая за доли секунды проанализировала ситуацию, заставили Сильвио отвлечься от чтения документов. Она попыталась вдохнуть побольше воздуха, чтобы подавить приступ паники, но тело ее не послушалась.

Такого рода события среднестатистический человек встречает не чаще раза в жизни, но передать свой опыт уже не успевает.

Сильвия уже давно не считала себя среднестатистической.

Поражение нервно-паралитическим газом, сообщил ей чип, принимая на себя управление сервоприводами костюма.

Зрение отключилось, но сигнал шел напрямую к зрительному нерву.

Оценочный срок прекращения деятельности головного мозга — четырнадцать секунд.

Эта яркая надпись никогда не существовала в действительности, но помимо нее зрительные доли не обрабатывали ничего.

Цифры лениво моргнули и секунд осталось тринадцать.

Я умираю, спокойно, с некоторой толикой удивления подумала Сильвия. Вот так живёшь себе, а потом нелепая случайность и тебя умножает на нуль.

Мысли, освобождённые от внешней сенсорики и повседневных забот, обратились к воспоминаниям. Так, перед прекращением существования перед мысленным взглядом пролетает вся жизнь.

Сильвия не успела прославиться, даже в городских масштабах. У нее не осталось детей, а единственная родня, старшая сестра, вряд ли станет носить траур и долго грустить.

Славку, русского гения, своего так и не состоявшегося мужа, Сильвия вспомнила, когда жизни оставалось лишь на семь секунд.

А что я, собственно, теряю, подумала умирающая, запуская так до этого ни разу не использованный подарок. Если ничего не получится, от меня останется никому не интересный информационный пакет.

Славка не успел рассказать всех деталей, а приложенная к архиву инструкция состояла из одного слова.

Запусти.

После запуска для Сильвии ничего не изменилось. Счетчик дошел до пятерки, Чип фиксировал резкий всплеск исходящего трафика.

Экстренная эвакуация. Сильвия забеспокоилась, решив, что на скачивание уйдет слишком много времени и процесс не удастся завершить из-за того, что отравляющие вещества успеют уничтожить мозг.

— Есть кто живой? Это младший инспектор Корпола, Глория Лиддел. Если вы живы, отзовитесь!

В лишенное иных сенсорных раздражителей внутреннее пространство Сильвии ворвался информационный пакет ближайшего специалиста Корпола.

На долю секунды умирающая ощутила страшную жажду жизни. Но до поражения головного мозга оставалось менее двух

секунд. Если бы рядом находилась квалифицированная медицинская бригада… но в этом случае миз Лиддел не пришлось бы спрашивать по сети, есть ли живые. У медиков есть сканеры.

И все же, Сильвия ответила неведомой девушке, радуясь хотя бы тому, что не придется умирать одной.

— Спасибо, Глория! Я была жива. Сильвия Райзенор, руководитель отдела разработки компании…

Отравляющее вещество проникло в мозг, исказив целостность нейронных соединений настолько, что ближайшие к пострадавшему ресторану ретрансляторы заблокировали исходящий оттуда поток данных. Если Сильвия после блокировки говорила что-то еще, об этом никто не узнал. Sic transit Gloria, Sic transit…

55

Поиздевавшись над Флорой Валерия ненадолго отвлеклась, отдавая экспертной системе команды. Найтингейл оценила глубину своих ошибок и признала, что корпорации, в лице Барбат, выиграли этот раунд противостояния. Хуже того, если не удастся передать находящимся на свободе Найтингейл текущую память, «Карфаген Индастрис» будет раз за разом отлавливать ничего не подозревающие версии Флоры.

— Я проверила ваш инициирующий код, — завершив свои дела, магрибинка вновь повернулась лицом к девушке в аналитический костюме. — Он попадает в загрузочные сегменты чипа и, в фоновом режиме, перегоняет схему нейронной активности в органическую память. Эта инвазия не замечается жертвой, поскольку ту незаметно переваривают, растворяют в некоторой синтетической мультиличности. Да, миз Найтингейл, речь о вас! Крайне грубая схема, из-за которой мне приходится общаться с вами вживую.

Растворение? Сама Флора воспринимала процесс несколько иначе. Отдельные биографии выступали аспектами ее личности — ракурсами, каждый из которых не затмевал и не подавлял друг друга. Сравнивать взаимное обогащение с пищеварительным актом было нелепо.

Если бы в распоряжении Флоры имелась сеть, моментально отыскались бы десятки аргументов против: Сильвия, одна из старейших биографий, имела медицинское образование. Ни одна из тех, кто носил в себе распределенную память, не осталась в проигрыше.

Нехорошие подозрения заставили Найтингейл проверить личность нынешней носительницы.

— Дерьмо!

Слово вырвалось непроизвольно, в отрыве от той вспышки понимания и узнавания, которая сопровождала временную смену аспекта в привычном для Флоры чередовании.

От индивидуальности агента Хаухет в этом теле оставались жалкие ошметки. Сохранилась память, активный словарный запас, моторные навыки. Но за ними не стояла живая человеческая воля. Экспериментальный перенос, который осуществила Валерия, убил прежнюю хозяйку тела, скованного аналитическим костюмом, добавив к распределению только информационную оболочку.

Осознание этого факта моментально развеяло весь план корпоративной хищницы.

— Пробрало, да? — Валерия позволила себе как-то совсем несерьезно хихикнуть, на мгновение представ перед своей пленницей одинокой и несколько сумасшедшей девчонкой, которая переросла молодость, но все-таки дождалась игрушек своей жестокой мечты.

— Пробрало, — хмуро признала Флора, тщетно выискивая способ избавиться от оков. Увы, аналитический костюм снимался лишь после отключения. Как, не обладая сетевыми… да, отчего бы и нет!

— Ты что-то задумала? — сосредоточившись на том, что существовало исключительно в расширенном пространстве, Валерия не сразу обратила внимание на то, как быстро поменялось состояние Найтингейл.

В ответ на команду «Випунен» дама в красном сначала замерла, но уже в следующий миг расхохоталась повторно — на этот раз более продолжительно и естественно.

Когда до Флоры дошло, в чем же была ее ошибка, настроение испортилось еще сильнее. Быстрое перерождение сыграло с Найтингейл дурную шутку: в этом теле она уже не являлась полицейской, а потому ее чип не мог подтвердить команду на сон.

— Идеально… — констатировала Валерия. — Практически бесшовная склейка. С такой технологией можно переходить к следующему этапу испытаний. Извини за недоверчивость, но вариант с изощренным глубинным зомбированием пугал от оторопи. Капитальная перепрошивка, правда в лабораторных условиях, известна уже лет тридцать как. Но тут ведь не простая аппаратная прошивка. Это какой-то экзотическое гибридное соединение программно-аппаратной и органической компонент.

Флора поняла, что ее вновь провели. Кроме того, отчего-то страшно зачесалась левая коленка: то ли сама по себе, то ли в рамках очередного эксперимента безумной корпоратки.

А в следующий момент глубинная память выдала Найтингейл несколько воспоминаний, относящихся к временам, когда миз Райзенор и юная Барбат работали в одном медицинском комплексе, поправляя здоровье магрибинским чиновницам.

Нельзя! Нельзя пользоваться этим знанием, напомнила себе Флора.

В этом месте отсутствовали сетевые соединения, только у Барбат оставался узкий канал связи с местным дата-центром, при помощи которого обрабатывались сведения от сенсоров аналитического костюма.

Если Флора не могла получить нужные данные извне, значит те каким-то образом уместились в переданный и перехваченный

код, перебранный суперкомпьютером по байтам.

— Ты не до конца понимаешь специфику положения, моментально отреагировала Валерия, отвечая скорее на реакции пленной нежели на ее слова.

Представительница «Карфаген Индастрис» вернулась к оставленному ранее бокалу. Присутствие в расширенной реальности Барбат нескольких окон с данными анализа делало ее движения несколько противоестественными.

— Твой нынешний костюм настроен таким образом, что мне даже не требуется производить считывание памяти с чипа, — продолжила Валерия, сделав пару мелких глотков. — Надежности ради, я и этим методом не пренебрегаю. Но бессмысленно скрывать от меня мысли. Мы тогда не договорили. Не знаю, помнишь ли ты до сих пор ту нашу беседу в Ясмине…

Вопрос был риторическим, но Флора предпочла бы не вспоминать, отвлечься на что-то яркое, но неважное.

Найтингейл вспомнила запах натурального, а потому безумно дорогого и редкого кофе, а также свой пылкий восторг обладания тайным знанием, которое чуть позже привело Соловьева к созданию прототипа для будущих Найтингейл.

Помимо кофе там было чудо и не самый красивый женский разлад, повод для которого изобрели еще в раннем палеолите.

Но тогда Сильвия видела лишь светлую сторону технологии. Из-за этого, поведанная ей тайна стремилась вырваться наружу, прорывалась какими-то странными и нелепыми двусмысленностями, неочевидными намеками. От раскрытия секрета удерживало данное слово. Слово и глубокие чувства к человеку, чье мертвое тело ей потом снилось в кошмарах. На сороковой день он отправил ей открытку и букет цветов. Открытка была не подписана, но на оборотной стороне нашлось изображение невзрачной серой птички на ветке.

— Соловей-разбойник… — шутила она на ломанном русском над тем, кого сумела сначала полюбить, а затем почти потерять.

Открытка, о которой не следовало вспоминать в присутствии Барбат, подарила Флоре какую-то странную, почти что мистическую надежду на то, что все завершится хорошо. Глупую надежду, подпитываемую образом странных русских и того, что по слухам творилось у них на родине.

В вопросах организации социальной инфосферы русские ушли в какие-то запредельные дали, потому вспышка интереса к практически не встречающемуся в средиземноморье языку объяснялась только научным интересом к редким публикациям научно-популярного характера, сильно напоминавшим фантастику. Иная культура как иная цивилизация.

Со Славкой, тогда ещё не Флора, чувствовала себя участником инопланетного контакта. Это сначала манило экзотикой, затем перспективами, а под конец тяга зашкалила, утратила всякие рациональные обоснования и стала попросту безальтернативной.

Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои…

Тогда будущая Флора испугалась чувств. Они угрожали сумасшествием, хаотичным безумием и утратой связи с реальностью. Потом все стало с одной стороны проще, а с другой — многократно сложней.

— Помнишь, — сверившись с расширенной реальностью, констатировала Валерия. — Вот и я помню. Спасибо за нее. Я тогда высказалась, резко высказалась. А потом пожалела и решила прослушать разговор по записи. Знаешь, доработка твоей техники распределенного сознания была бы невозможна, не поговори мы тогда в перерыве между выступлениями. Я тогда сделала сгоряча несколько предположений, но затем остыла и обдумала их уже всерьез. И стало кристально ясно: Соловьев не мог не заинтересоваться такими перспективами. Он мог обвесить сам метод предупреждающими алгоритмами, ограничениями, ловушками от злоупотреблений, но сам метод все равно бы разработал. Ты же знала его, согласись.

Флора, которая чувствовала себя куда больше Сильвией, чем даже до смерти от нервно-паралитического газа, молчала.

— Я следила за вами, еще до того, как вы начали секретничать на крыше, — выдержав паузу призналась Барбат. — А я ждала, когда же он поделится с тобой своими секретами. А русский меня обманул: сделал вид, будто все не приступал и не приступал к разработкам. Или осуществлял их втайне от остальных. Я вновь разозлилась, а потом вдруг поняла, что должна попробовать сама. Талантливый руководитель находит других людей и другие инструменты, если эти не справляются. Только ребенок, споткнувшись, винит в своем падении подвернувшийся стул. Взрослый человек делает выводы и не спотыкается.

Валерия вздохнула, а затем наполнила бокал по новой и выкинула опустевшую бутылку в дальний угол, на полметра промахнувшись мимо утилизатора.

— А ведь нас тут на самом деле трое, — заметила она, мимоходом снимая с пленницы часть фиксации. Флора вдруг поняла, что теперь может поворачивать голову куда угодно. Увы, тело оставалось скованным, а колено чесалось ещё сильнее.

— Извращённый любовный треугольник, продолжала тем временем госпожа Барбат. — Только господин Соколов, был

крайне не вовремя застрелен по подозрению в террористической деятельности. Но его дух незримо витает меж нами.

Читает и угадывает мысли, ещё раз одернула себя Найтингейл.

— И все же, почему тогда он выбрал тебя, а не меня?

Голос Валерии чуть дрогнул, но она сделала ещё глоток вина.

— Выбор разработчика медтехники, вместо директора одной из крупнейших корпораций Средиземноморья, иррационален! Чем ты его подкупила?

— Русская душа, — с трудом выговорила Флора. Нынешнее тело не обладало моторными навыками для использования русского языка. — Потёмки.

Внутренний голос запоздало расстроился от того, что знание иностранных языков в новом теле тоже не удалось скрыть. Найтингейл мысленно отмахнулась от этого зануды. Снявши голову, по волосам не плачут.

— В любом случае, мы обе получили от него подарок, — резко сменила тему Барбат. — И ничего, что свой экземпляр мне пришлось добывать самостоятельно, не слишком легальными путями. Сомневаюсь, что ты подашь на меня в суд. Само твое существование — угроза для нашей цивилизации.

— А твое, значит, нет?

— А мне можно, — Барбат иронично подмигнула собеседнице. — Я на вершине пищевой цепочки, а также не планирую оставлять следов. Никаких романтических соловьиных подсказок и прочей муры. Голая прагматика и захват ключевых фигур влияния. Распределившись по директорским креслам всего нескольких корпораций, можно взять под контроль всю Европу. Твой метод распределения несовершенен, поскольку ограничен черепашьей скоростью ассимиляции. Мой, при наличии аппаратной поддержки — на два порядка быстрее.

Флора представила график распределения Валерии по директорским креслам. Выходила какая-то психопатологическая экспонента. Только вот…

— Не знаешь, как уживутся между собой две моих копии?

Найтингейл вновь поморщилась, когда ее мысли оказались угаданы, причем так быстро.

— Это естественный вопрос, не переживай так. Ради того, чтобы получить ответ и, возможно, установить какие-то алгоритмические ограничения на прошивку, мне пришлось вставить еще один этап проверки, сразу после того, как твоя полезность подойдет к концу.

Флора изучила уровень вина в бокале и пришла к выводу, что жить в этом теле осталось меньше, чем четверть часа.

— Да, финальный этап уже запущен, — якобы мимоходом добавила Валерия. — Мы с тобой уже завершили, осталось лишь перепроверить некоторые параметры. Извини, не могу сказать, что было приятно тебя увидеть живой. Зря потраченные деньги — такую заразу как ты и нервно-паралитический газ не убивает. В этот раз попробуем напалм.

— Ква!

В этот раз Найтингейл и Барбат вздрогнули абсолютно синхронно. Голос был мужским и шел со стороны двери.

56

Если делаешь что-то самостоятельно, это следует делать красиво. У тебя может не получаться, ты в состоянии проиграть, чего-то не суметь — но даже неудача обязана содержать в себе зерно эстетики.

Пока ты действуешь красиво, остается шанс на повторную попытку. Этой позиции Валерия придерживалась с самого детства и полагала, что такой стиль способствовал ее возвышению.

Чувство прекрасного подсказало ей выбрать красный цвет — цвет лидеров и победителей, символ решимости и энергичности. Триумф и обретение бессмертия должна была сопровождать красота, чтобы спустя века, когда органическая память перезапишет себя тысячи раз, аппаратная запись все еще вызывала трепет и эстетический оргазм.

Но в сценариях, которые прорабатывали для Валерии дизайнерские эксперт-системы, не было места для идиотской реплики, равно как и для незваного гостя.

Этому человеку удалось пробрался через десяток защитных систем, не спровоцировав ни одного срабатывания, ни одного оповещения в расширенную реальность. Опасность подчеркивал карабин, явно позаимствованный в той же оружейной, где получал экипировку брошенный на устранение чистильщика Морган.

Узнать гостя получилось легко, сработала ассоциативная цепочка. Меньше часа назад его чип, вместе с чипом Моргана, перепрошивали в этой же комнате. Неужели с тех пор допуск не аннулирован?

Валерия сделала быстрый запрос системе безопасности, но та не отозвалась. Зеленый маркер, убеждающий в работоспособности защитных периметров, оказался фальшивкой. Неведомый хакер проник даже в святая святых — интерфейс расширенной реальности.

— Хех! — опознала пришедшего Найтингейл, подтвердив тем самым возможность быстрого освоения исходной памяти донора.

Валерия попробовала запустить еще несколько служб, но адреалиновые очки не показывали новых окон в расширенном пространстве. Даже если вызванные сервисы действительно где-то запускались, они не спешили отчитываться перед главным администратором комплекса.

К счастью, программы, запущенные до появления третьего лишнего, работали в штатном режиме. Или только имитировали работу, с тревогой подумала Валерия.

Если взломаны все каналы подземного комплекса, оставалась лишь одна возможность для проверки — отслеживание внешней телеметрии.

Всего два шпионских процесса: мониторинг путей отхода в одном окне, инсталляция кода распределенной памяти у двух корпоративных дур — в другом.

— Приношу извинения за то, что без стука, — тем временем произнес мужчина, наводя карабин на Валерию.

Весомость угрозы заставила Барбат уделять больше внимание физической реальности.

— Я видела начальника, — немного подумав, ответила Флора, решив сохранять до последнего образ Хаухет. — В лаборатории, двумя этажами ниже.

— Туда пошел этот чинуша Морган. На редкость бесхребетная тварь, если приглядеться.

Хех с тоской посмотрел на пустую бутылку, перевел взгляд на бокал Валерии, затем на статичную позу Найтингейл.

— Так вот чем занимаются плохие девочки, когда остаются вдвоем…

Валерия вздрогнула, услышав реплику, но подлинный ужас накатил на нее спустя долю секунды, когда чип перевел фразу и определил язык.

Вот нас и в самом деле снова трое, подумала она. Непростительная ошибка, исключенный из планов и уравнений значимый фактор.

Если Сильвия умерла, но возродилась как Найтингейл, что заставило считать господина Соловьева окончательно умершим? Только то, что на место гибели своего дяди приезжала под видом туристки его племянница? Или же слепое пятно женского шовинизма, вписанного в корпоративный матриархат настолько естественно, что вызывал серьезные искажения?

Ладно местные мужчины, жертвы Великой Депопуляции, чего-то не могут, но разве можно подходить с той же меркой к русским?

— А раньше… раньше прийти было совсем никак?

Флора тоже сначала попробовала русский язык, но перешла на новофранцузский.

— Прости, птичка певчая, тут все настолько запущено.

Хех-Соловьев развел руками, подходя ближе к Флоре.

— Пушку из рук не выпущу, — предупредил он Валерию, задумавшуюся о способах вернуть контроль над ситуацией. — Тут ходит несколько чистильщиков, попадать в прицел к которым, дурная примета.

Придя к выводу, что с проблемой придется разбираться

своими силами Валерия постаралась оценить возможности Соловьева.

Русский свободно пользовался круговым обзором через датчики своих очков, двигался мягко и прагматично. В опыте и навыках владения оружием сомневаться не приходилось: возможные слабости следовало искать в захваченном теле. Если Соловьев не маскировался под аналитика корпоративной безопасности с самого начала, скорость реакции могла оказаться ниже — как бы ни старались алгоритмы чипа разгонять нервную систему.

Безоружных директоров корпорации не бывает, не являлась исключением из этого правила и Валерия Барбат.

Внешние защитные системы могут оказаться уничтожены или взяты под контроль подкупленным оператором, которого окрутила одна из заместительниц или ассистенток. От посягательств со стороны крупной автоматики Барбат носила пояс с радиоэлектронной гранатой, со всем остальным должен был справиться выполненный на заказ, под ее руку, скорострельный пистолет-пулемет скрытного ношения. Электроники в них не имелось: после взрыва гранаты это становилось существенным преимуществом.

Однако всю модель самозащиты портил русский: темная лошадка с тяжелым ручным оружием. Слишком много неизвестных переменных сказывались на рисках; рисков становилось больше и Валерия предпочла дождаться подходящего момента.

— Славка, как ты меня нашел?

Нервное напряжение уходило прочь. Если бы не жесткая фиксация костюма, Флору уже вовсю трясло.

Валерия изо всех сил старалась не завидовать самой черной из всех доступных форм зависти.

Это не к ней спешил на помощь благородный герой, не ради нее вооружался и терпел лишения. Не Валерия Барбат называла спасителя странными русскими производными от имени Вячеслав, не ей достался секрет распределенной памяти.

Гордость директора «Карфаген Индастрис» позволяла признать, что такое положение дел крайне обидно. Та же гордость призывала отомстить за нанесенную обиду.

— Нашел общий язык с файловой системой местного дата-центра. Отсюда и из лаборатории шел самый активный поток данных.

Одно из окон расширенной реальности удерживало в активном состоянии программу анализатор. Скорость обработки по сравнению с условиями, когда сеть активно работала, была

крайне низкой, но от сервиса требовалось только пропихнуть запрос локальным экспертным системам, а потом подгрузить ответ.

Славка, прочитала Валерия справку от суперкомпьютера. Латинское наименование — Silvia. Род птиц из семейства славковых. Относится к отряду певчих воробьиных…

Игра слов — имя Сильвия и переведенный на латынь омоним от сокращенной формы имени Вячеслав.

Следующий шаг в рассуждениях Барбат сделала самостоятельно. Сильвия стала Флорой Найтингейл в честь фамилии Соловьев, сбив всех с толку отсылкой на известную историческую личность.

Мужская производная от Сильвии была известна по всей Массалии. Расшифровав головоломку, Валерия подписала себе смертный приговор.

Так вот ты какой, Сильвер, ощущая как ужас сковывает ее движения, подумала госпожа Барбат. Бессмертие, которое еще несколько минут назад могло стать ключевым преимуществом Валерии, повернулось к ней другой стороной.

57

Завидев Урана, выходящего из автобуса, Диал-Ап отбросил в сторону дешевую сигарету, которой незадолго до этого его угостил Магний.

— И что дальше?

— Сигнал ушел, точка выхода известна, — пожал плечами человек Сильвера. — Будем окапываться и обеспечивать отход. А вот что будешь делать ты, мне неизвестно. Твоя задача выполнена в полном объеме. Можешь отойти к дороге, дойти до складских территорий и вызвать такси, а если нет желания побыстрее добраться до койки, можешь с Магнием понаблюдать за окрестностями.

— Неужели никаких ограничений? Даже память затирать не станете?

Диал-Ап попробовал изобразить недоверие на лице, но на улице была ночь, а адреалиновых очков не было ни у него, ни у собеседника.

— Оно немного не так работает, — усмехнулся Уран. — В нашем положении возиться с очисткой бывает некогда. Так что склероз отрабатывает по скрипту, а скрипт в чипе с самого начала нашего знакомства. Да, предупреждая следующий вопрос: у нас стоят такие же, но мы сливаем дамп на запароленный сервер, до следующей операции. Так что технология отработана и в пускающего слюни идиота ты превратишься только если не перестанешь курить что попало.

— А Магний не превратится?

— И Магний станет идиотом. Я ведь почему предложил тебе вместе с ним поглазеть на окрестности? Потому что пара затяжек и пропитываешься этим запахом на сутки с лишним. Кто, кроме Магния согласится с тобой сейчас работать?

Диал-Ап хотел было сказать, что не надо с ним работать, но неожиданно для самого себя передумал.

— И куда надо тащиться, чтобы… наблюдать?

Вместо ответа Уран подозвал еще одного боевика. Тот притащил коробку из-под офисных пайков из которой вытащил знакомые Диал-Апу очки.

С подключением расширенной реальности вопрос куда тащиться отпал: метка Магния приветливо подсвечивалась в паре сотен метрах к городу.

— Только по минимуму шумов, — попросил Уран. — И пиццу с доставкой не заказывай…

Когда-то, пока двигатели внутреннего сгорания варварски

заправлялись драгоценными нефтепродуктами, на месте современного пригорода стояли высотки, почти такие же как на северных окраинах. Кое-где под грудами строительного мусора еще можно было различить ржавую арматуру и бетонные блоки.

Этой части Массалии не повезло стать полем боя арабских реваншистов с отрядами Нового Ренессанса. Порт был рядом, а корабли Нового Магриба так и не пришли помочь, испугавшись распространения «ватиканки».

С адреалиновыми очками с инфракрасной подсветкой можно было идти, не боясь споткнуться или провалиться в какую-нибудь дыру.

Странные они, пробормотал Диал-Ап, огибая гигантскую воронку, успевшую на четверть заполниться водой и жухлой растительностью. На привычную криминальную структуру люди Сильвера не походили — несмотря на многочисленные предупреждения со стороны Корпола и очевидный черный пиар.

У Сильвера была репутация бунтаря и сепаратиста. Если кому-то из жителей Массалии не нравилось засилие магрибинцев в корпоративной республике, он рано или поздно признавал, что деятельность неуловимого преступника неоднозначны.

Диал-Ап считал, будто умеет неплохо разбираться в людях. Криминал выдавал себя десятками мелких, практически незаметных черт, но среди этих боевиков было иначе.

Расхождение интриговало, даже несмотря на предупреждение, что память все равно окажется стерта по команде или наступлению какого-то события.

— Присаживайся, сейчас подключу тебя к датчикам, — приветливо встретил гостя Магний. Сначала репликой «по лучу», а затем и сбросив камуфляжное покрытие.

— И пригляди себе место поудобнее, нам похоже до утра тут куковать.

В качестве посадочного места Диал-Ап подобрал себе плоский кусок синтетического камня. Магний повторно предложил сигарету — вспомнив предостережение Урана Диал-Ап вежливо отказался.

— Если не секрет, то зачем мы тут сидим? — поинтересовался напарник Карлсона, налюбовавшись на редкие грузовики, ползающие по дороге вдали, да энергетические вспышки со стороны свалки.

— Контроль подступов, — не стал скрывать Магний. — Сигнал с указанием путей отступления мы отправили, маршруты провешены. Но если кто-то полезет в зону контроля, нам придется отвлекать внимание. В том числе и посредством огненного контакта.

— Все настолько серьезно?

Наличие такой поддержки выглядело… крайне корпоративно. Пофантазировав на тему неформальной корпорации, Диал-Ап посмотрел на Магния по-новому. Боевик не шутил. Кто бы ни направил его на задание, он не использовал никакого ощутимого программирования или принуждения.

— Мы не профессионалы, — верно угадав направление мыслей временного напарника пояснил Магний. — Когда придет время, мы точно так же все забудем и продолжим жить обычной жизнью. Но когда потребуется, нас призовут снова. И мы придем опять.

— Звучит напыщенно и романтично, — покачал головой Диал-Ап. — Но ничего не говорит о причинах, которые побуждают бросить повседневную жизнь и пуститься в авантюры с риском для жизни.

— Ключевое слово прозвучало, — пожал плечами Магний, закуривая свою вонючку. В этот раз синтетический запах ощутил и сам Диал-Ап.

— Повседневность?

— И тотальная безнадега, — подтвердил человек Сильвера. — Корпоративная конкуренция безжалостна к обычным людям. Ниш для развития нет, все поделено и продается корпоратами. Продавай свою свободу одной из корпораций или выбирай андеграунд, из которого тебя могут в любой момент отправить на прополку картофеля.

Правила спускаются сверху, зависимые от решений совета директоров и показателей доходности за период. Рано или поздно тебе хочется послать все к чертям. Ищешь лазейку в этой мышеловке… а затем приходит сигнал и вдруг вспоминаешь о том, что ты не отчаявшийся винтик системы. Ты нечто большее, рыцарь плаща и кинжала — пусть и малая, но альтернатива жесткому бесчеловечному механизму.

— А Сильвер?

Монолог Магния не стал для Диал-Апа неожиданностью. Похожие слухи доходили до него множеством окольных путей, только проверить их было невозможно. Люди Сильвера, даже если ходили где-то неподалеку, никак себя не выдавали.

— Никогда его не видел, — коротко хохотнул Магний. — Только в сгенерированном облике по сети. Он не признается, но явно один из наших. Одно время мне было интересно угадывать, кто это мог бы быть. Но он идеолог, методолог, стратег. Не тот, кто ходит в подобные акции. Ему сейчас, должно быть за пятьдесят…

Диал-Ап поежился, ощутив порыв ветра. Под утро

температура падала даже на широте Массалии, климатический оптимум не спасал — вместе с ним задиралась и привычная температурная норма.

— И… похоже, у нас небольшие проблемы, — констатировал Магний, первым заметив скопление техники и дронов прикрытия на трассе в сторону порта. — Это силы «Карфаген Индастрис». Полная обойма!

— Не слишком ли рано для тревоги? Они просто двигаются в сторону…

Не успел Диал-Ап договорить как бронетехника корпорации начала тормозить. Тройка дронов тут же набрала высоту и направилась в сторону недавно захваченного автобуса.

— Против обоймы мы простоим секунд десять, — удрученно заметил Магний. — И это лишь в том случае, если они решат брать кого-то в плен. Придется отступать.

Диал-Ап посмотрел на дорогу через расширенную реальность. Засеянные по обочинам датчики гасли по мере того, как охранники «Карфаген Индастрис» подавляли любую радиоэлектронную активность в зоне высадки.

— Километр и сто три метра, приближается…

Магний сверился с картой и обнаружил набор сигнатур с кодами Логистического Союза.

— Если обстреляешь караван, сможем уйти?

Диал-Апу пришлось повторить вопрос, прежде чем строгий голос Урана запустил обратный отсчет и отрядил трех стрелков из команды.

Угол обстрела для Магния был неудачный, потому его оставили в резерве — сбивать дроны, если что-то пойдет не так.

— Кажется, парни, вам немного не хватает изворотливого криминального мышления, — пробормотал себе под нос напарник Карлсона, остро жалея, что не успел стрельнуть еще одну вонючку.

58

Флора чувствовала себя принцессой, которую спасает от злобного чудовище доблестный рыцарь.

Так не бывает, говорил ей здравый смысл. Это чудо, которое вряд ли может иметь рациональное объяснение. Славка был мертв, причем уже давно.

Она помнила, как держала на руках его мертвое тело. Как рыдала в подушку, после того как убедилась в том, что известный ей способ распределения памяти существует только для женщин и не пригоден для кого-то еще. Как окрутила милого, но не слишком приспособленного к жизни Карла Карлсона — только потому, что тот был чертовски похож на Славку своими манерами и даже немного внешне.

Тогда казалось, что они больше никогда не встретятся по эту сторону жизни. Флора утешалась мыслями о том, что многие из ее тел и, быть может душ — вместе с тем, кого она любила.

В воскрешение мертвых и переселение душ Флоре иногда верилось, а иногда — нет.

Как дело обстояло с ее собственной душой или душами, Найтингейл не знала.

Память памятью, но как быть с тем глубинным внутренним узнаванием, которое, как выяснилось, все это время только ждало встречи?

Славка же, несомненно, Славка, кто же еще? А значит, есть, была, будет душа или души, не сводится технология к голой трансляции файлов и синхронизации воспоминаний.

Найтингейл вспомнила русский язык, который учила в двух жизнях. Богатый на словарный запас, со сложной грамматикой. Вряд ли чип, в условиях офлайна, мог скачать и незаметно для владельца перенести в органическую память целый язык?

При мыслях о таких вещах Флора робела и вспоминала о вере в потустороннее.

Было в Славке что-то медиумическое, шаманское.

Возможно, Флоре это лишь мнилось, но было что-то в его взгляде, манере передвигаться. Наверное, в те моменты, когда у Найтингейл просыпалась множественная память, у нее тоже проступала некая глубина.

— Славка, как ты меня отыскал?

Передоз чудес это непросто, резервы нервной системы не безграничны. Хотелось расплакаться, поскольку внутреннее напряжение, с которым Флора успела сродниться, куда-то пропало.

Если бы сейчас высшие силы отобрали у нее распределенную память, Найтингейл не сокрушалась бы о потере.

— Нашел общий язык с файловой системой местного дата-центра. Отсюда и из лаборатории шел самый активный поток данных.

Флора вспомнила лабораторию. Там до сих пор лежало одно из ее тел. Мертвое. Переставшее быть настоящим.

Желание смотреть на организм, из которого когда-то смотрела на мир, пропало у Флоры после первого такого опыта. Хватило одного взгляда, чтобы ощутить пустоту там, где когда-то обитал дух.

Славка подошел к ней. От него пахло горелой электроникой, непривычно пахло. Этот запах Найтингейл никогда не связывала со своим любимым. Сандал и лаванда, вот те ароматы, которые сопровождали Соловьева. Русские так и не оставили архаичную привычку пользоваться парфюмом для выражения своей индивидуальности. Средиземноморское население предпочитало персональные дезодоранты или вовсе игнорировало проблему с запахом.

Значит, решила Флора, он маскировался. Валерия, должно быть, тоже помнила привычки Вячеслава Соловьева. Но почему встречи пришлось ждать три с лишним года? Или… это по какой-то причине было необходимо?

Славка осторожно дотронулся до аналитического костюма, наткнулся на его аппаратное сопротивление, нахмурился.

— Она что-то сделала со мною, — поспешила предупредить его Флора. — Пробуждение памяти нетипично быстрое. Меньше часа назад я была полицейской в лаборатории, где меня прогнали через форсированный допрос с применением медикаментов.

— Я догадался, — кивнул Славка, ласково прикасаясь свободной от оружия рукой к ее лицу. — Попробуй ассимилироваться с родной памятью своего нынешнего тела. Сейчас это будет полезнее всего.

Флора послушно закрыла глаза, постаравшись сосредоточиться на внутренних ощущениях. Настройки чипа слабо отличались от тех, к которым она привыкла: перед внутренним взором довольно быстро проявился интерфейс.

Чип оказался не полицейским, но на типовой гражданский тоже не походил. Пришлось заглянуть в системные характеристики чтобы узнать марку, производителя и специфическую корпоративную прошивку.

Аналитик службы безопасности «Карфаген Индастрис». Вера Колева, рабочий псевдоним Хаухет.

Органическая память отзывалась неохотно, но зато

аппаратная часть была упорядочена так, что Флора определила Веру как редкую аккуратистку, на грани клинических отклонений. Возможно, именно потому им было так сложно найти согласие.

Чип помнил нынешнее тело Славки как напарника Веры, немногословного парня по псевдониму Хех. Корпоративные закладки внимательно следили за тем, чтобы сотрудники «Карфаген Индастрис» не заводили служебных романов, но между Веры и Хехом определенно что-то было.

Являясь высококвалифицированными аналитиками, они ухитрялись обходить ограничения, регулярно флиртуя друг с другом, разве что не встречаясь в свободное время — да и то лишь потому, что не придумали как скрывать такие встречи от коллег.

Наверное, это судьба, подумала Флора. Вере нравится Хех, я без ума от Славки. К их отношениям добавились мы, а к нашим — они. Еще одно дополнительное измерение, чем его объяснять?

Вера откликалась неторопливо. Как аналитик, она следила за допросом Найтингейл, выявила эффект распределенной памяти, а также успела догадаться о той судьбе, которую ей приготовила Валерия Барбат. У нее даже имелся некий план спасения, непонятным образом завязанный на фейковую прошивку Хеха, пришедшего вместе с неким Морганом в это помещение, на слабые и непонятные нынешней Флоре погрешности модели, описывающей Карла Карлсона и Роберта Пескаторе.

Найтингейл попробовала реконструировать сценарий, но быстро наткнулась на аппаратные ограничения чипа.

Такое впечатление, будто Вере помогал кто-то со стороны, подумала Флора. Но контактировала Хаухет только с Барбат и суперкомпьютером…

От дальнейших размышлений девушку отвлек грохот сдвоенного выстрела.

59

Момент… Валерии требовался всего лишь один подходящий случай, чтобы развернуть неудобную для себя ситуацию на сто восемьдесят градусов. Соловьев угрожал карабином, но это крупное оружие — тяжелое, мощное, но не столь удобное для быстрого применения. Вряд ли тело корпоративного аналитика накачано так, что окажется в состоянии быстро направить карабин в цель и произвести выстрел.

Барбат попробовала расслабить мышцы перед решительным рывком, успокоить сознание, привести себя в надлежащее расположение духа. Время играло на ее стороне, Вячеслав отвлекся на свою старую любовь, позволив Валерии чуть изменить положение тела на более пригодное для быстрой стрельбы.

У него тоже много тел, с тревогой и каким-то иррациональным азартом подумала магрибинка. Недостаточно убить Сильвера только раз. Это надо делать снова и снова. Он не обладает абсолютным бессмертием и уязвим, как любой другой человек. С минуты на минуту начнется бескомпромиссная охота, которая в состоянии растянуться на века.

От мысли про грядущий многомерный поединок, распределенный на сотни и тысячи тел, Валерия испытала что-то вроде оргазма.

Да будет так, хотелось воскликнуть ей в момент выстрела, но тут нужна была скорость, а не пафос. Время для пафоса придет много позже, пообещала себе Барбат, прикидывая, в какую часть тела лучше целиться.

Верней всего было бы целиться в голову, но так легко промахнуться. Ведь для управления мышцами тела даже чип не подключить. Если противник взломал расширенную реальность, он и в аппаратную поддержку может вмешаться.

Выстрел в корпус, даже разрывающий на клочки сердце, тоже оставлял Сильверу шанс свести перестрелку к ничейному исходу. Неповрежденный чип мог иметь что-то вроде алгоритма «мертвой руки», это следовало учитывать при планировании.

К счастью, у Валерии имелась при себе граната, срабатывание которой перезагружало чипы и выводило их из строя, на срок от нескольких секунд до минуты.

Пусть только Сильвер-Соловьев приблизится, чем меньше расстояние, тем сильнее нивелируются преимущества карабина.

Ждать пришлось недолго. Мужчина повернулся к Валерии, сделал шаг в ее сторону.

Недостаточно…

Отчего-то, вместо естественного общения голосом, Сильвер предпочел сетевое соединение.

— Ну и зачем ты все это устроила?

Сеть не передавала интонаций, только чистый текст, проявляющийся в одном из окон, озвучиваемый при желании программами на чипе. Но Валерия буквально ощутила те самые интонации, с которыми распрощалась чуть менее четырех лет назад. Спокойные, вежливые, но за которыми ждала своего часа сила, готовая расставить все по своим местам.

Почему сеть? Какая-то форма скрытой программной атаки, отвлечение внимания или же Сильвер не хотел, чтобы их разговор услышала эта несносная Найтингейл, взломанная и загнанная в ловушку?

Памятуя о том, что лучшей защитой является нападение Валерия сформировала ответное сообщение:

— После того как ты предпочел северное побережье южному, мне пришлось самостоятельно искать подходы к вопросу трансляции опыта из одной головы в другую. Помнишь ведь, именно такая постановка вопроса прозвучала на той конференции. Мы хотели всего лишь повысить эффективность своих сотрудников, перейти от длительного обучения на виртуальных моделях к прямой передаче аппаратными методами.

— Долгий путь от проблем повышения квалификации до злодейского антуража в подземельях?

Сильвер сопроводил текст одним из ироничных смайликов, отчего Валерия пришла в ярость. Это она должна была выводить собеседника из равновесия! Она, а не выскочивший как чертик из коробочки Соловей-разбойник.

Непроизвольно подавшись вперед Валерия наткнулась на встречное движение карабина. Нет, этот раунд предварительный, он не в счет.

— Четырнадцать смежных патентов, дорогой. А подземелья «Паталы», лишь вынужденная необходимость. Защита от промышленного шпионажа, маскировка одних задач другими. Сам же понимаешь, насколько велики ставки по данному направлению разработок.

— И секретность такая, что ради нее надо вступать в тайные и не санкционированные руководством корпорации переговоры с Логистическим Союзом, а также похищать своих же сотрудников на опыты. Я многое могу понять, но ты подделала мои визитки для того, чтобы заманить к себе головолома и боевика.

Валерии страшно захотелось покончить с Сильвером прямо сейчас. К черту осторожность и смертельный риск! Две ее копии

уже загрузились в дурочек-директорочек.

Если бы не блокировка сети, множественность памяти уже вовсю ощущалась бы, в прямом эфире и с минимальными задержками.

Но если умереть вот так, без возможности отправить будущей себе воспоминания о Сильвере. А значит, у противника сохранится преимущество в неожиданности.

— И давно ты за мною следишь?

Реплика получилась короткой, нейтральной, позволяющей тянуть время в поисках того хода, который откроет путь к победе. Но и откровенность Сильвера тоже была полезной. О противнике лучше знать как можно больше. Пусть говорит — это полезно.

— Со второй или третьей серии первого сезона, — печально улыбнулся Сильвер. — Желание узнать, кто же тебя прикончил, естественно для любого человека. Только некоторые могут его удовлетворить, а кто-то заранее не успел. А уж когда пришлось класть цветы на могилу к любимой женщине, это стало делом принципа.

Валерия посмотрела в глаза мужчине и ощутила, что тот готов убить ее в любой момент.

Обычному человеку, для того чтобы лишить жизни другого, необходимо какое-то внутреннее усилие, не все могут легко переступить этот психический барьер. Нужно быть профессиональным убийцей или психопатом чтобы делать это быстро и без внутренних колебаний.

Барбат многократно отправляла на смерть других, но еще ни разу не лишала жизни самостоятельно. Даже оказавшись тет-а-тет с человеком, которого жаждала убить, она колебалась, находила себе какие-то нелепые оправдания, оттягивала неизбежное до последнего…

У того, кто прожил несколько жизней и неоднократно умирал, внутреннего барьера не имелось.

— Да не бойся ты так, это только первый раз страшно.

Сообщение сопровождалось старинным смайликом в ковбойской шляпе и парой кольтов.

Валерия дернулась, пробуя уйти с линии выстрела, но Сильвер оказался быстрее.

Она успела выстрелить куда-то в пространство, прежде чем мир выключился, а история закончилась.

60

Для Карла перестрелка прошла оглушительно и непонятно. Не успело тело чистильщика завершить свой полет, как прогремел выстрел, Бобби выстрелил в ответ и поморщился. На этом все и закончилось.

— Этот придурок разгромил аквариум, — пояснил боевик, с сомнением разглядывая свои ботинки. — Там теперь лужа и осколки стекла.

— Прикончил стрелка? — на всякий случай поинтересовался Свен перед тем, как высунуться из лаборатории самому.

— Хоть ты не издевайся, — пробурчал Бобби, выходя на цыпочках в темноту, более не освещенную даже лампами аварийного освещения. — Пришлось вставить эти дурацкие инъекторы. Они сквозь аквариум не пробили бы, даже стреляй я в упор.

— На самом деле, он страшно доволен собой, — театральным шепотом поделился Свен с Карлсоном. — И лишь немного досадует оттого, что не нет рядом свидетелей, которые в состоянии оценить красоту его стрельбы.

— Между прочим, я все слышу! — чуть повысив голос отреагировал Бобби. — Если бы не этот административный подлиза, вышло бы и вправду эстетично.

Карл поправил крепление рабочего ноутбука и задумался о путях эвакуации. На данный этаж Морган доставил его на фальшивом лифте, другие пути были головолому неизвестны. Однако, чистильщик как-то проник в подземелье.

— Нам повезло еще раз.

Бобби харизматично улыбался, держа в руках трофейный карабин.

— Мы пойдем домой по дороге из хлебных крошек! В качестве хлебных крошек выступает поврежденное аварийное освещение. Спасибо чистильщику за ариаднову нить.

— Я хотел бы одолжить твой пистолет…

Карл и Бобби удивленно посмотрели на бывшего безопасника.

— Ты и так вооружен, а два человека с пушками всяко лучше одного, — заметил Свен. — Если выберусь на поверхность живым, обязательно верну его тебе с колоссальной благодарностью.

— К черту благодарности, — Бобби вытянул руку с карабином. — Бери этого зверя и пользуйся. А мне привычен калибр поменьше. Осталось еще два патрона, которыми я распоряжусь более толково, чем кто-либо еще.

Карл с интересом присмотрелся к переданному оружию. Вряд ли чистильщик прошел каким-то там неведомыми широкими коридорами, а в узких работать с карабином не слишком удобно. Хотя, при его убийственной силе, достаточно всего лишь выстрелить первым, даже целиться сильно не надо.

— Наверху осторожничает Корпол, — предупредил Бобби, убедившись, что Свен знает, как обращаться с карабином. — Идем тихо, держим связь по радиомодему. Если замечаем что-то подозрительное, моментально останавливаемся и готовимся к неприятностям. Как я понимаю, между нами и этажами, которые захвачены штурмовиками с их автоматикой, есть нечто не позволяющее сканирующей аппаратуре определить наше местонахождение.

— Суперкомпьютер, его реакторы и системы охлаждения, — сложил два и два Карлсон. — Судя по тому, как шел допрос, данные передавались куда-то недалеко и обрабатывались в режиме реального времени. Но простой суперкомпьютер на сотню стоек уже давно подавили бы, специалисты Корпола в этом профи. Значит, рядом реакторы, которые дистанционно давить нельзя.

— Если это так, то где-то в лабиринте коридоров должен быть специальных технический выход, для проведения регламентных работ, — подхватил эстафету Свен. — По узкой кишке, по которой можно пустить ремонтного дрона-дистанта или кабель запасные части и топливные сборки не доставишь. Для таких целей требуется дыра как минимум полтора на полтора метра.

— Идем уже, — вздохнул Бобби, подавая пример. — Успеете наболтаться по внутренней связи.

Сначала в темноте скрылся боевик. Следом за ним, моментально вступив в лужу и тихо выматерившись, последовал Свен.

Карл оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на Флору. Или на Глорию, разобраться в этом вопросе ему так и не удалось, даже в полученных воспоминаниях присутствовала каша, адская смесь, в которой не определить, кому принадлежит тот или иной фрагмент памяти.

Взламывая прошивку пленной девушки, Карлсон ощущал постоянное чувство дежа вю.

Нет, быть того не может, подумал Карл, перебирая застрявшие в его органической и аппаратной памяти фрагменты воспоминаний. Во время допроса, попавшая в кровь химия помешала головолому осознать, что перед ним та самая, которую он искал всю свою осознанную хотя бы на треть жизнь.

Метаженщина, обладательница множества ликов и биографий. Судьба организовала долгожданную встречу только для того, чтобы оставить в итоге остывающий труп.

— Меня так не обмануть, — Карл мысленно обратился к Флоре, перед тем как последовать за Бобби и Свеном. — Если я прав относительно твоей природы и своих чувств, мы обязательно встретимся и на этот раз поговорим уже открыто. Первый раз у нас не получилось, второй тоже, но будет и третий раз — сказочный и волшебный.

61

— Ты ее совсем убил?

Вопрос звучал странно, но Флора еще когда была только Сильвией, привыкла к тому, что Славка и странности ходят по одним улицам.

— Не знаю.

Соловьев был собран и недоволен. Вытаскивание девушки из аналитического костюма оказалось нудной процедурой, с долей неуместного эротизма, мешавшего сосредоточиться на деле. В обычных условиях костюм снимался сам, по команде оператора, но Барбат ухитрилась модернизировать его так, что не помогло даже отключение питания.

— То есть, она могла успеть переродиться в кого-то еще?

Флора помнила о том, что по «Патале» ходят чистильщики и нервно прислушивалась ко всем шумам вокруг. То же самое делал Соловьев и это тоже здорово мешало общаться друг с другом.

А еще Найтингейл страшно хотелось узнать, как Славка жил все это время. И почесать ногу, до которой следовало еще добраться.

— И да и нет, — пожал плечами бывших Хех. — У нее алгоритм перехода другой, разбираться надо. Сделано второпях, кривовато и без души.

В аналитическом костюме все-таки нашлась панель для аварийного выхода. Сходство с космическими скафандрами прошлого века было не случайным: конструкторы позаботились о том, чтобы медицинская бригада, при необходимости, могла без проблем достать человека наружу.

— Поясни, пожалуйста, что ты хотел сказать, когда говорил про алгоритм перехода?

Флора внезапно вспомнила, что под слоем из умной ткани с множеством приемо-передающих устройств у нее из одежды только трусы и теперь гадала, как же решить возникшую проблему.

— Только то, что она зациклилась на бессмертии. — Соловьев небрежно махнул в сторону трупа. Кровь на платье не выглядела настоящей.

Если забыть про нелепость позы и не приближаться для разглядывания деталей, могло показаться, что Валерия на самом деле сбежала, оставив вместо себя похожий манекен.

— А оно, на самом деле, только вторичный эффект, не основной.

— С этого места поподробнее!

Вера переодевалась в соседнем помещении. Выцепив драгоценное воспоминание Найтингейл попробовала сделать пару шагов вперед, но не справилась с лишенными центрального управления приводами экзоскелета и неуклюже растянулась на полу.

Хех-Соловьев кое-как успел схватиться за один из второстепенных шлангов термоконтроля, но только выдрал его из гнезда.

— Ты куда собралась, милая? — переводя взгляд с лужи охладителя на оставшийся в руке обрывок шланга, — спросил Славка. — Я бы не рекомендовал леди ходить одной по темным коридорам. Можно наткнуться на злых людей или киборгизированных зомби.

— Мне надо в соседнюю комнату.

Флора встала на четвереньки, но на этом прогресс в ручном контроле за специфическим костюмом затормозился. Встать в нем на ноги девушка уже не смогла.

— От меня не сбежишь.

Мужчина присел рядом с Флорой, оценил глубину проблемы с костюмом и решительно потянул за застежку.

— И в мыслях не было убегать, — шепнула Найтингейл, оказываясь в объятиях спасителя. — Сам куда-то пропал.

Поцелуй вышел коротким, но достаточно страстным. И он, и она были бы не против продолжения, но взяли чувства под контроль и сумели отстраниться друг от друга. Даже без учета трупа в трех метрах от целующихся, обстановка не располагала к сексу: дорогое, но чертовски неуютное для тактильных ощущений покрытие на полу и стенах, слабое аварийное освещение, риск встретиться с группой зачистки в самый неподходящий момент.

— Я все это время был неподалеку, — признался Соловьев, поднимая с пола карабин. — Даже в этом комплексе ты видела меня в другом теле.

Флора призвала на помощь воспоминания Веры-Хаухет, затем добавила в список троицу из лаборатории.

— А сказать, намекнуть хотя бы, — Найтингейл сделала вид, будто обиделась. Ее собеседник притворился, что поверил.

Без громоздкого и неуклюжего костюма прохладно, но от Славки шло уютное мужское тепло и до комнаты с одеждой можно было потерпеть.

— Не получалось, — вздохнул Соловьев, прислушавшись к техногенным шумам в коридоре.

Где-то под потолком размеренно гудела вентиляция, короткие вспышки аварийных ламп позволяли адреалиновым очкам строить в расширенной реальности модель коридора. У

Флоры очки находились там же, где и повседневная одежда: она шла с закрытыми глазами, получая картинку по ближней связи, от чипа Хеха.

— Мужской вариант распределения заметно отличается от женского, — когда они закрыли за собой дверь, сказал Славка. — Тебе удалось примирить все твои памяти, породив синтетическую личность. Я же знаю, что спасал не Сильвию и даже не Глорию, а Флору Найтингейл. Но мужская психика работает по-другому.

Вход в раздевалку оказался заперт и никак не отреагировал на биометрию Веры.

Флора уже подумала, что вынужденный нудизм дан ей в наказание за какие-то неведомые грехи, когда Славка прицелился и разнес начинку замка вдребезги.

— Взрослая мужская психика тяготеет к внутренней самостоятельности и самодостаточности. Любимая женщина, семья, родные — хоть и пускаются глубоко в душу, но не вмешиваются в нее. Интервенция во внутренний мир воспринимается агрессивно. Трюк с объединением памяти в общность у нас не сработает: миллионы лет эволюции будут резко против.

Флора скользнула в раздевалку и быстро надела свои очки.

— Данная проблема не решается в лобовую, — заняв защитную позицию возле двери Славка продолжил рассказ, но уже по ближней связи, чтобы не поднимать лишнего шума. — По этой причине Барбат окружила себя мужчинами, которых легче перепрошить: она уже имела предварительные сведения о том, как работает распределенная память и полагала, что это удел женщин. Или каких-нибудь инфантилов с донельзя искалеченной психикой. Говорят, таких было много до Великой Депопуляции. Подозреваю, что они же и стали ее причиной.

Вера оказалась крайне консервативна в одежде. Такие костюмы-космо, носили лет десять, если не пятнадцать назад. Найтингейл подумала, что переход от обтягивающего космо к аналитическому костюму дался Вере очень легко.

Девушка одевалась и слушала озвучку сообщения голосом Хеха.

— Помнишь то ощущение, когда памяти других жизней отходят куда-то на второй или третий план? Как это чувствовала Глория Лиддел в самом начале допроса? Пускай даже Карл сумел выдернуть тебя наружу, думаю ты сумеешь вспомнить тот внутренний блок — он очень похож на мужской, только наш жестче по своей природе. Вмешаться изнутри можно лишь если носитель признает необходимость этого вмешательства. Без Малколма, который влюблен в Хаухет, у меня не вышло бы

проявить себя.

Хеха зовут Малколм, с какой-то внутренней теплотой и нежностью подумала Флора. Он не говорил и правильно делал. С таким знанием проходить тесты на корпоративную этику было бы сложнее.

— А тот ты, который был в лаборатории?

Флора проверила зарядку очков, залезла в интерфейс чипа и только тут поняла, что забыла предупредить Соловьева.

— А с тем, кто в лаборатории, отдельная история…

— Слава, она что-то загрузила в чип и память! — Найтингейл перешла на реальный голос, в котором явственно звучала тревога. — Ты же уберешь ее код из моей головы?

Хех-Малколм-Соловьев тяжело вздохнул, прежде чем ответить.

— И нет и да, милая. Мне не хотелось пересекаться с другими своими аватарами, но ты права. Нельзя позволить программной гадости обустраиваться в тебе. Стоит нам выйти на поверхность, код Барбат может попытаться проникнуть во все твои тела. Как ни крути, тебе никак не обойтись без помощи Карла Карлсона.

62

— Срочный контроль трафика!

К счастью, под управлением Ольги имелся поднятый по запросу высшего приоритета пул специалистов, подключались солидные, по меркам регионального отделения корпорации, аппаратные мощности. Карту информационных потоков выстроили за считанные секунды, а потому успели зафиксировать маршрут от места убийства Вирджинии Айдони до крайне подозрительного ретранслятора в полутора километрах от свалки, на которой воевали штурмовики Корпола.

— С вероятностью около семидесяти процентов Валерия Барбат находится неподалеку от этой точки, — поделилась результатами очередного запроса к антарктическому консорциуму Марьям. — Полиция там нервная, много лишних узлов на той местности не допустит. Ты уже взяла под наблюдение ретранслятор?

— Наша техника, — переборов усиливающуюся мигрень, подтвердила мисс Кавендиш. Образ Ольги в совместном виртуальном пространстве окончательно перешел под контроль алгоритмов. Позволить себе демонстрацию слабости, чтобы коллега видела, как тяжело дается многопоточная работа с большими массивами данных? Да никогда!

— Совпадение. Установкой и настройкой ретранслятора занимался Свен Хансен, начальник отдела расследований, якобы уплывший в тур по Атлантике. В журнале Хансена фамилия не значится, но после включения аппаратура запросила обновления с наших серверов и вместе с запросом туда же успел уйти его идентификатор, перехваченный через радиомодем чипа.

— Когда?

Судя по тому, что Марьям тоже перешла на односложные реплики, ей приходилось не легче чем коллеге. Хорошо еще, что автоспикер позволял озвучивать в виртуальном пространстве те ответы, которые формировались экспертными системами и аналитическими группами.

Ольга сформировала дополнительный запрос и, не глядя на выдачу, кинула результат на аппаратное проговаривание.

— За двадцать одну минуту до отправления в круиз. Группа захвата выехала, ретранслятор под информационным наблюдением. Физический контроль через шесть с половиной минут.

Миз Кавендиш уже неоднократно прокляла тот день, когда ее мать устроилась в «Карфаген Индастрис». Карьера карьерой, но к

чему место регионального директора, если работа не награждает особыми правами и высоким социальным статусом, а превращает тебя в овощ, начиненный микроэлектроникой?

— Усиливаю группу захвата, — прокомментировала свои действия Марьям. — Это наш шанс, другого может не представиться.

Промелькнувший перед глазами Ольги на ускоренной прокрутке список выделенных дистантов, дронов, корпоративных охранников и бронированного транспорта уверил регионального директора в серьезности намерений коллеги.

Должно быть, та приняла во внимание не только общий шанс раздобыть неопровержимые доказательства вины Барбат, но и учла собственные возможности управлять форсированным поиском еще несколько часов.

Молодая… Азартная…

Ольга мысленно сравнила себя с коллегой и порадовалась тому, что миз Пресслер не из тех, кто даже во время спасения своей репутации думает о конкуренции. На месте Марьям, миз Кавендиш наверняка попробовала бы чуть затянуть поиски. Чтобы вышло вернее, надежнее, а главное — все лавры достались ей, а не конкурентке, которая сошла с дистанции по причине собственной слабости.

Какое-то время Ольга пыталась перекинуть часть задач на подчиненных аналитиков. Собранная посреди ночи на скорую руку структура так или иначе завязывалась на руководительницу. Требования безопасности не позволяли спихнуть всю деятельность на заместителей. Последние вряд ли упустили бы шанс подсидеть начальство, а тем, кто пониже и вовсе не полагалось выдавать на руки всех материалов, чтобы исключить риск утечки в другие корпорации Магриба или Массалии.

— Внешняя передача, — доложил в одном из окон расширенной реальности сгенерированный корпоративным суперкомпьютером человечек. — Через ретранслятор со стороны подземного комплекса идет структурированный поток данных.

Ольга позволила себе вольность, посмотрела на миз Пресслер в общей виртуальной реальности, отметила усталые, но искрящиеся азартом глаза коллеги. Полторы минуты до прибытия группы захвата к месту расположения ретранслятора.

Учитывая, что корпоративные структуры «Карфаген Индастрис» были прозрачны для Валерии Барбат, а среди многочисленных экспертов и аналитиков наверняка имелись ее шпионы, короткий интервал до захвата имел особую ценность.

Что могло поспешно сливаться из захватываемого Корполом дата-центра наружу?

Кто не рискует, тот не сидит в совете директоров, решила Ольга, переводя трансляцию на себя.

Корпоративный суперкомпьютер расправился с внешними паролями и кодировкой меньше, чем за два десятка секунд. Все это время Кавендиш провела затаив дыхание, стараясь не подгонять взглядом прогресс бар одного из окон расширенной реальности.

Они сорвали джек-пот.

Барбат перегоняла куда-то на приватные сервера гигабайты документов. Не имея возможности изучить их все, Ольга начала копировать все на приватные носители. Марьям, вне всякого сомнения, действовала аналогичным образом.

Когда среди потока промелькнула опись пересылаемых материалов, Кавендиш схватилась за нее. Один только список мог раскрыть многие тайны нелегально использованного корпоративного дата-центра.

Мог — и раскрывал!

С каждой прочитанной страницей Ольга все четче и четче понимала мотивацию магрибинки, перебравшейся в Массалию. Бессмертие! Распределенная по нескольким телам память и единая личность, для убийства которой необходимо строго одновременно убить всех носительниц кода.

Секрет такого масштаба мог взорвать всю корпоративную экосистему средиземноморья. Теперь уже действия Валерии не выглядели сумасшествием. Но если миз Барбат действовала рационально…

Ольга Кавендиш сложила все части головоломки. Защитные информационные системы «Карфаген Индастрис» проверяли файлы на предмет боевых вирусов, но загружаемый на чип исполняемый код распределялся между тысячами отдельных файлов, собираясь в программу уже по ту сторону файерволов.

Валерия предусмотрела, что за ее тайной деятельностью будут следить региональные директора. Женский чип было почти невозможно сломать, но он был уязвим изнутри, из личной органической памяти, куда на волне охотничьего азарта сумел проникнуть активный код.

На мгновение запутавшись в самоидентификации, Ольга узнала свое ближайшее будущее. Планы Барбат стали ее собственными планами, пока еще не разделяемыми остатками прежней личности.

Обидное поражение, успела подумать миз Кавендиш, растворяясь подобно кусочку рафинада в кипятке. Но если нельзя победить, можно попробовать сыграть вничью.

Воли в региональном директоре хватило только на одну

простую команду, но интуиция, отточенная за годы корпоративной конкуренции, позволила Ольге Кавендиш сделать правильный выбор.

63

План работал безупречно. Региональные директора корпорации старательно выискивали компромат, а значит не могли пройти мимо столь жирной наживки.

Появление Соловьева вынудило Валерию пойти ва-банк, но и такая ветвь сценария была предусмотрена искусственным интеллектом.

Что бы ни произошло под землей, Барбат не умрет. Благодаря инвазивному коду ее станет сначала втрое больше, а затем в десятки раз.

Пробуждаясь вместо Марьям Пресслер, Валерия ощущала усталость и торжество.

С чувством триумфа следовало разобраться: то ли оно сохранилось от предыдущей хозяйки тела, изучавшей набор компромата, при помощи которого загрузилась позволил инвазивная программа захвата, то ли это восторгалась итогами первого перемещения сама Барбат.

Один из багов модернизированного кода вылез сразу: им стало отсутствие связи между вторичными телами Барбат. Не желая терять контроль, Валерия прописала в условиях взаимодействия свое безусловное главенство, без которого обмен памятью блокировался на корню, но этот запрет охватил и внутреннюю синхронизацию памяти.

Заговора «новых Барбат» магрибинка не желала ни под каким видом, но, пока старшая пребывала вне сети, обе копии оставались сами по себе.

Свежие воспоминания каждой из них считывались аппаратно и отправлялись по некоему сетевому адресу, путь к которому знала лишь старшая.

Соборной общности Найтингейл Валерия противопоставляла строгую и тщательно продуманную иерархию корпоративного типа. Правила внутреннего распорядка, уровни доступа к общей памяти и тому подобные регламенты заранее составил для нее суперкомпьютер подземного комплекса.

Захватив Марьям, Валерия проверила метрики сенс-камеры. Как и ожидалось, миз Пресслер выключила почти все предохранители, буквально сжигая свой мозг и нервную систему ради сохранения место регионального директора.

С одной стороны, это помогло Валерии быстро захватить контроль над телом, который и без того, на две трети был отдан автоматике. С другой стороны, после смены хозяйки, заботиться о самочувствии требовалось уже захватчице.

Как бы ни хотелось Валерии сходу заняться вопросами корпорации, пришлось начинать с поиска кодов управления сенс-камерой. Поток мышления остался лишь один, что слегка снижало нагрузку на мозг и нервную систему. Но, как в органической, так и в аппаратной частях все еще крутилось множество фоновых задач.

Марьям сбросила на внешнюю поддержку большую часть автоматизмов, позволяя сенс-камере управлять сердцебиением, дыханием, терморегуляцией организма и так далее.

Маньячка, злорадно подумала Валерия, разбираясь в настройке того, что можно было считать ее трофеем. Много энтузиазма и мало толку.

Барбат осторожно вернула контроль за сердцебиением телу. Изнутри это ощущалось как резкое торможение, с мимолетной дезориентацией во внутреннем мире и расширенной реальности. А затем от сотни с лишним окон осталось только два.

На первом Валерия наблюдала теперь уже собственную кардиограмму, а второе привлекало внимание сообщением о кровоизлиянии в одной из точек непосредственного сочленения чипа с мозгом.

Угораздило попасть в тело полудохлой слабачки, рассердилась Валерия, вызывая новые окна, но раз за разом получая сообщения об ошибке.

Чип отказывался принимать команды: то ли по причине кровоизлияния, то ли новые ритмы мозга не проходили какую-то проверку безопасности.

Должно быть, это проделки Ольги, решила Валерия, убедившись, что на привычные волевые команды чип больше не реагирует.

Без поступления новых раздражителей, запертой в трофейном мозгу магрибинке пришлось хвататься за каждую четкую мысль. Внутренний диалог удерживал ее от беспамятства и прекращения существования. Жажда жизни требовала, чтобы тема предательства Ольги оказалась тщательно обдумана и взвешена.

Кавендиш, точнее Барбат в сознании Кавендиш, должно быть решила занять доминирующее положение среди всех Барбат. Старшая-оригинал в подземельях, вынуждена как-то разбираться с внезапно появившимся Сильвером. Следовательно, если устранить Барбат-Пресслер, можно оказаться единственной Валерией.

Серьезный соблазн, шанс обрести монополию на дарующие бессмертие технологии распределенной памяти.

Обдумав ситуацию с такого ракурса Валерия-Марьям признала, что и сама, скорее всего, поступила бы так же.

Уникальная возможность, такими не разбрасываются.

Выживает сильнейшая из Барбат. Естественный отбор и ничего более.

Валерия утешала себя тем, что не умирает до конца. Ее опыт, чувства и память, согласно настройкам кода, записывались на какие-то сервера, чтобы при первой же возможности синхронизироваться с общей памятью Барбат.

Пусть это будет тебе уроком, Барбат-Кавендиш, злорадно думала Валерия, растворяясь во тьме сенсорной депривации по мере того, как истощались запасы нейромедиаторов.

Возможно, она реагировала бы совсем иначе, если бы знала, что Ольга Кавендиш успела отключить медицинскую поддержку сенс-капсулы, из-за чего обрекла свою захватчицу на быструю смерть.

Когда тело Кавендиш нашли корпоративные специалисты из отдела расследований, логи чипа и камеры подтвердили факт самоубийства.

Это, в свою очередь, стало косвенным признанием вины за беспорядки в городе и в региональном отделении «Карфаген Индастрис».

Собранные на Валерию Барбат данные, зашифрованные парой квантовых ключей, никто не стал отправлять на расшифровку. Предварительная оценка себестоимости показала, что это попросту нерентабельно.

64

— Ты так и не сказал, в чем ошиблась Валерия, — напомнила Флора, когда ей надоело тащиться позади Славки по техническим коридорам. Тут было узко, приходилось то и дело отодвигать в стороны связки кабелей и терпеливо дожидаться пока ее спутник не отопрет очередную дверь.

— Ах это… Ну, ее алгоритмы переноса зависимы от внешних аппаратных мощностей. В моем решении предусмотрена длительная адаптация органической компоненты к появлению элементов внедряемой личности, а она решила, что имеет дело с отсутствием оптимизации.

Если делать все быстро, придется жестоко обманывать природу: моделировать на суперкомпьютере достоверный набор фальшивого опыта, который реалистично опишет носителю, что с ним происходило весь переходный период.

— Она испытывала на мне эту технологию, — напомнила Флора, стараясь выглядеть естественно.

Славка случайно напомнил ей, что Веры в общей личности Найтингейл нет. Этот факт требовалось скрывать как можно дольше, поскольку на отсутствие Веры, наверняка отреагировал бы Малколм-Хех. И хорошо еще, если бывший аналитик «Карфаген Индастрис» просто отберет у Славки контроль, но он может с горя и глупостей натворить.

— И ты не помнишь этого виртуального переходного периода, — подтвердил Соловьев, вскрывая еще одну дверь. — Потому что в конце переноса эту фальшивку стирают за ненадобностью. И… сейчас потребуется особая осторожность.

— Впереди штурмовики Корпола или чистильщик? — пользуясь ближней связью по радиомодему спросила Найтингейл. Чтобы соединение было надежным и сигнал не фиксировался на сканерах она почти прижалась к мужчине сзади, усилием воли удерживая себя от того, чтобы снизить его подвижность своими объятиями.

— Впереди профессиональный и крайне предусмотрительный убийца, — поправил девушку Соловьев.

65

— Стоп! — остановил группу мистер Пескаторе. — Впереди посторонние, возможно, засада.

Карл остановился, заглянул вперёд, но ничего подозрительного не обнаружил.

— Впереди Т-образная развилка и за углом люди, — пояснил по радиомодему Бобби. — Я бы на их месте бросил вперёд гранату.

— Это мои сотрудники, — с облегчением в голосе произнес Свен, когда адреалиновые очки с выкрученными на полную мощность датчиками, обнаружили вдали сдвоенные сигнатуры. — Знакомые цифровые подписи, они у меня прописаны в чипе, чтобы не потеряться в ходе проведения внутреннего расследования.

— А я смотрю, ты подготовился, — Бобби шел в цепочке вторым, чтобы не попасть под залп из карабина. — Хорошо быть лицензированным безопасником из крупной корпорации. Это открывает доступ к такому железу, о котором я начинаю мечтать только после второй бутылки. Всегда хотел уметь опознавать братьев по разуму за пределами видимости.

— Все не так фантастично, — чуть приземлил фантазии боевика Свен. — Люди должны быть тебе знакомы и в памяти чипа умещается не более десятка таких сигнатур. Внешние портативные сенсоры на порядок эффективнее. А здесь имплантат узкоспециализированный и не слишком удачный. Для своих.

Карл пожал плечами, опередив Бобби в такой же реакции на долю секунды.

— Твои парни, тебе и карты в руки, — заметил боевик. — Все равно на прорыв идти придется. Но если их перепрошили, то мы покойники.

— Среди них одна дама, — возразил Свен, намереваясь подать знак тем, кто засел в боковом коридоре. — Ее не перепрошьешь.

Бобби деликатно прокашлялся и показал взглядом на Карлсона.

— Женские головоломы, штучные специалисты, — покачал головой безопасник. — Был бы здесь такой головолом, не приглашали бы Карла.

— Аргумент, — немного подумав признал мистер Пескаторе, опустив пистолет. — Действуй, камрад.

С помощью Свена, который целую минуту обменивался паролями и отзывами, удалось убедить пару, засевшую в одной из

технологических ниш, покинуть укрытие и выйти на перекресток коридоров.

— Позвольте представить, мои сотрудники, Хаухет и Хех. Оба, аналитики отдела расследований «Карфаген Индастрис».

— Бывшие сотрудники, — поправил начальника Хех. — Официально мы в бегах, а единственная дама, которая могла бы подтвердить, что мы только выполняли приказы уровня регионального директора, мертва.

— Неприятно, но жить еще можно, — согласился Бобби, разглядев у Хеха такой же карабин. — У меня только один вопрос, прежде чем мы двинемся дальше: назовите атомный номер.

— Пять, — улыбнулся Хех. — И мне было приятно слышать этот вопрос. Потому как если это число прибавить к ответу на вопрос жизни, вселенной и всего остального, то это будет лайфхак.

Пока остальные мужчины перекидывались кодовыми фразами и прочими шифрами, Карл внимательно разглядывал девушку, вооруженную пистолетом и радиоэлектронной гранатой. Хаухет, как и головоломом, молчала, но даже в этом молчании Карлсон отчего-то угадывал знакомый стиль.

Это раздражало, как раздражает слово, которое крутится на языке, но никак не хочет вспоминаться как следует. Карлсон предположил, что работа его достала, ненароком сформировав навязчивые образы Флоры во всех людях с грудью не меньше тройки.

Мне нужен релакс и хороший психолог, решил Карл, вспоминая о том, что дома его все еще ждет Клара. Проблема отношений с женщинами, которых приходилось взламывать, совсем недавно вышла на новый уровень сложности. Фантастическая метаженщина, которую головолом придумал, ради объяснения своих странностей, неожиданно оказалась реальностью.

Надо быть осторожнее с фантазиями, решил Карл. Какими путями его ассоциативные связи перескакивали с одного предмета на другой, головолом не знал. Но следом за мыслью про метаженщину пришло еще одно осознание.

Только сейчас Карл понял, что является единственным безоружным человеком в этих коридорах. Отчего-то до этого момента ему было комфортно в компании Свена и Бобби, хоть эта парочка никак не тянула даже на приятелей.

— Вы в курсе, как можно выбраться из этих подземных туннелей? — спросил Свен, не слишком надеясь на удачу. Но у Хеха неожиданно обнаружилась подробная карта, которой он тут

же поделился с каждым.

Сравнительно безопасный путь начинался на минус пятом этаже, тянулся до туннеля с рельсами и несколькими автоматическими вагонетками.

Ход вел почти что в порт, демонстрируя всем наблюдательным людям как именно внутрь доставлялись реакторы и прочее оборудование. Пускай нигде не получалось найти легко узнаваемую эмблему Логистического Союза, его следы угадывались повсюду.

— Полагаешь, Корпол еще не перекрыл этот путь? — недоверчиво спросил Бобби, параллельно изучая трехмерную карту на предмет других выходов.

— Они топчутся на границе второго и третьего подземных этажей, — успокоил Хех, уверенно возглавивший авангард группы. Карл видел, как подобная активность и говорливость удивляет Свена. От этой осведомленности и открытости в головоломе зрело убеждение, что кто-то снес бывшему карфагенцу если не всю корпоративную прошивку, то, как минимум, модули лояльности.

— На третьем подземном реакторные залы. Их будут брать под контроль настолько аккуратно, что это на час возни. Ниже располагается суперкомпьютер. но его захотят перехватить еще более ласково. Если, конечно, никто не заложил между стоек ничего взрывоопасного.

— Собираешься взорвать тут все к черту? — моментально ухватил суть Бобби. — Самый чудесный вариант hard delete, который мне известен. Главное, чтобы нас не задело мимоходом.

— Все учтено, — легкомысленно отмахнулся Хех.

Карл подметил, что в присутствии Хеха Бобби ведет себя более сдержанно и задумался, какие повороты судьбы могли свести высококвалифицированного боевика с аналитиком корпоративной безопасности.

— Только нам придется где-то сделать небольшую остановку, — подала голос Хаухет.

Карл тут же решил не откладывать вопрос с психологом в долгий ящик. А не получится с психологом, всегда можно организовать запой или, на самый крайний случай, взломать какую-нибудь из женщин. Известно же, что клин клином вышибают, так может и сейчас получится?

— Эту остановку лучше делать там, где нашу временную группу никто не станет ассоциировать с конфликтом на свалке и глубже, — отрезал Бобби. — Риски слишком велики.

— Они будут еще больше, если Карлсон не проверит Хаухет на предмет внедренных закладок, — возразил ему Хех. — Есть

основание предполагать, что стоит ей выйти из зоны глушилки, заложенные в ее аппаратную часть закладки начнут действовать. И тогда мы все окажемся в смертельной опасности.

В лучшем из возможных сценариев, активные и неконтролируемые трансляции в сеть просто наведут на нас Корпол.

Карл вспомнил, что у недавно присоединившегося к беглецам мужчины еще не было возможности открыто узнать его фамилию. Разве что, если Свен сдал его по персональному каналу.

— Пожалуйста, Карл, — девушка будто знала, какими интонациями пользовалась Флора. Или же это был некий фирменный прием всех девушек в данном подземелье.

— Только быстро, — согласился головолом, опасаясь своих реакций на вторжение в личное пространство Хаухет. Но отказать не было возможности, а значит сделать все требовалось быстро и надежно.

66

— Закладки? — удивилась Флора, но не подала виду, разве что отправила Славке вопросительный запрос по личной связи. — Разве ты не собираешься сказать ему всю правду?

— Ты именно про всю-всю-всю правду или про какую-то ее часть? — немедленно ответил Славка. — Но да, наверное, он и так узнает тебя, когда начнет ковыряться в памяти чипа.

— А у нас есть какая-то альтернатива? Похоже, в нашу совместную тайну придется пустить третьего человека…

Ответ на загадку Соловьева про второго себя в лаборатории Найтингейл отыскала достаточно быстро. Роберт Пескаторе, как следовало из досье, которое изучала и запомнила Вера, являлся лучшим исполнителем Массалии. Про него ходили слухи от Прованса до Египта. Чем объяснить такую известность как не читерской помощью славкиной памяти? К тому же они обменивались какими-то паролями… К сожалению, на роль головолома подходил только Карлсон. Свен, при том, что сам являлся чип-ридером, умел работать только при наличии пульта и соответствующего программного обеспечения, тогда как Карлу было достаточно ноутбука и содержимого собственной головы.

— А вот это нелегкий момент, — признал Соловьев.

Группа деловито шагала по техническим коридорам: расстояние между Флорой и Славкой то и дело порождало временные разрывы соединения, потому ни о каком псевдоголосовом общении и уж тем более про какую-то совместную виртуальность речи не шло. Только текстовые пакеты, без интонаций и мимики партнера.

Флора уже успела пожалеть, что не занялась со Славкой-Малколмом любовью прямо возле тела Барбат. Предстоящее вторжение Карла казалось чем-то вроде измены любимому.

Да, в лаборатории Карлсон взламывал прошивку полицейского чипа. Но тогда Флора не знала, что Славка жив. Более того, тот случай мог и вовсе проходить по графе насилия, поскольку разрешения у пленной полицейской никто не спрашивал.

Флора терялась в своих чувствах, а потому даже немного обиделась на Славку, когда тот предложил обратиться к постороннему головолому.

О том, почему сам Славка, гениальный разработчик, создатель распределенной памяти и многих других информационных систем, не мог поправить код в ее чипе, девушка догадалась чуть позже, когда на связь вышел Свен.

Соловьева, в качестве активной личности в теле Малколма, удерживала только общность задачи — спасения Веры-Хаухет из подземелья. Стоило Хеху начать работу с чипом Веры, как это единство пропадет так же, как пропала личность Веры из-за модификаций Барбат.

Однако, даже длинный список убедительных рациональных соображений, не помогали Флоре чувствовать себя несчастной.

Процесс самокопания неожиданно выяснил, что какая-то ее часть в этого Карла Карлсона влюблена. Скорее всего, отличилась Глория Лиддел, активная персона, работавшая в Корполе. А раз так, предстоящая проверка еще сильнее напоминала то ли нелепую измену, то ли вообще что-то из разряда технологических извращений, которым пока что не придумали отдельного названия.

С распределенной памятью вообще сложно говорить о каких-то моногамных отношениях. Сильвия, самая первая из Найтингейл, любила Соловьева, но все остальные ее личности либо не знали такого человека, либо полагали его погибшим из-за чего вопрос верности перед Флорой не стоял. В сравнении с Соловьевым все прочие мужчины уступали: если не своей физической формой, то глубиной ума и какой-то неповторимой харизмой.

Память Флоры в условиях жесткого офлайна разворачивалась постепенно. Чем еще, помимо этого обстоятельства, можно было объяснить тот факт, что некоторые воспоминания Дианы Кавелье, активные в теле полицейской, проснулись в теле Веры только сейчас.

Господи! Мы же с Карлсоном были женаты! От этой мысли Флоре на мгновение захотелось убежать обратно, в темные коридоры. Все оказалось еще более запутано.

Еще вчера у Веры были только тщательно скрываемые чувства к Хеху, да обязательные сексуальные контакты в рамках поддержки женской прошивки. А сегодня мозг гудел от сложной комбинации из любовников, мужа, наведенной влюбленности — опять же в бывшего мужа, но уже другим телом. Флора не представляла, как на такой ворох нелинейных отношений отреагирует Карл.

Наверное, именно по этой причине ни одна из Найтингейл так и не вышла замуж. Непродолжительные отношения не в счет, а что до сильных чувств, то Вера могла бы стать первой, кто мог бы конкурировать с Сильвией, но Вере не повезло.

К Вере Флору скопировала Валерия…

И тут Найтингейл вдруг поняла, что в ее картине мира присутствует лакуна. Огромная дыра, объяснить существование

которой мог только Славка.

— Да, рано или поздно, все дети задают взрослым этот сакраментальный вопрос, — усмехнулся Соловьев. К счастью, только по внутренней связи, иначе Свен или Карл моментально насторожились, заподозрив неладное.

— Девочка моя, ты повзрослела. Пора тебе наконец узнать, откуда берутся дети…

Откуда и в результате каких действий зарождается новая жизнь, Флора знала давно. Но вот каким образом расширяется список Найтингейл, все еще оставался для нее загадкой. Метод Барбат позволял самостоятельно выбирать новое тело, но не новую личность. Соловьев пошел по другому пути. Когда Сильвия запустила подарок нейроархитектора, вторая Найтингейл уже ждала своего часа.

Флора слушала его объяснения и вспоминала свои прошлые жизни.

— Но зачем ты рассказал обо всем именно сейчас? — задала вопрос множественная девушка, пригибаясь, чтобы не задевать головой связки кабелей в защитной оплетке. — Он же через несколько минут начнет проверять память и тоже узнает о том, что своим взломом спровоцировал расставание с женой. Я бы на его месте убила бы. Сначала тебя, а потом и меня. Не дожидаясь, когда появится сеть, для надежности.

— Не одна ты взрослеешь этой ночью, — Соловьев сопроводил реплику картинкой старца посохом и фонарем. — Извини, дорогая, но нам всем, время от времени, приходится взрослеть.

67

Во время пути по техническим коридорам и металлическим лестницам Карл был молчаливее всех в группе. Свен сосредоточено переписывался со своими подчиненными, Бобби время от времени в чем-то спрашивал Хеха и лишь головолом оставался один на один со своими и не только воспоминаниями.

Яркость и четкость всплывающих эпизодов обеспечивала окружающая темнота. Когда этим путем проходил чистильщик, он выжег все освещение, уничтожил все действующие камеры, пожег все сенсоры. Карлсон шел третьим, следом за Свеном и Хехом, тут и захочешь не заблудишься.

Появление Флоры сломало жизнь Карлсону, окончательно и бесповоротно.

В жизни головолома было много женщин. Это не удивительно, если с ними связана твоя работа. Кто-то из них уходил сразу после взлома — в таких ситуациях Карл впадал в затяжную депрессию, побуждая к выполнению новых заказов. С некоторыми удавалось завязать отношения — разовые или на непродолжительный срок.

Но еще никто не уходил от Карлсона прямиком в смерть. Остаточные фрагменты памяти Флоры подсказывали головолому, что сложись обстоятельства иначе — у них был бы шанс избежать проблем из-за то и дело возникающих искусственных влюбленностей.

Найтингейл жила в нескольких телах, но вряд ли это стало бы препятствием для длительных отношений. Карлсон не нуждался в том, чтобы владеть ею целиком: еще когда он придумал теорию про метаженщину, стала понятна эфемерность такого обладания. Нет, Карлу хватило бы одной, единственной. Любой отличной от нуля части было бы достаточно, чтобы все остальные женщины из его головы, в сравнении с обретенным чудом выглядели бы тенями, призраками на дневном свету.

Пробираясь во тьме, практически наощупь, по транслируемой для всех позади идущих модели, которую составлял Свен, Карл горевал об упущенных возможностях.

Ему казалось, будто именно Флора, за счет своей необычности, могла что-то изменить, предотвратить все новые и новые приступы влюбленности, которые накатывали как волны на морской берег.

Подземная лаборатория, отсутствие доступа к городской сети — разве можно было придумать менее подходящую обстановку для встречи Той Самой?

Карлсон сжимал кулаки в ожидании предстоящего взлома и проклинал Диал-Апа с его авантюрными заказами. Где-то там, на верхних этажах почти опустевшего небоскреба, в ожидании Карла спала еще одна девушка, вспоминая о которой головолома грызла совесть, потерявшая всякую надежду на лучшее.

Воспоминания, которыми поделилась Флора перед смертью, напомнили про расставание с Дианой — удивительно, но она тоже являлась одной из Найтингейл. Этот факт грозил разрушить мечты о чуде совместной жизни, даже если головоломку удастся повстречать Флору вновь.

Какова вероятность повторной встречи с Найтингейл? Карлсон не знал ответа на этот вопрос. Более того, он понимал, что сама по себе встреча, только первый элемент в цепочке. Мало встретиться, поздороваться, о чем-то побеседовать.

Как определить, Найтингейл перед тобой или нет, если та может, и не пользуется общей памятью, распределенной по нескольким телам? Или пользуется ей неосознанно, как это делала Глория Лиддел до того, как ее не обманули и не вывели на чистую воду.

Корпораты сделали феноменально точные расчеты, лишили Карлсона времени на подготовку, сообщили головолому, что тот будет ломать Флору Найтингейл — и все это для того, чтобы он взломал именно Флору, а не Глорию.

В противном случае, Свен потратил бы куда больше вопросов для выявления множественной личности.

И ведь между новой, еще не найденной, Флорой и Карлом не было бы никакого недопонимания, если бы в сеть сумел бы уйти опыт полицейской, до ее последнего выдоха. Но корпораты знали свое дело, хорошо подготовились чтобы не допустить утечки.

— Вряд ли мы найдем более подходящее место, — констатировал Хех когда группа вошла в просторное помещение с законсервированной автоматической вагонеткой, конвейерной лентой и парой застывших автоматов для работ по загрузке-разгрузке. Вдали, напрочь теряясь в окружающей людей темноте, зиял грузовой тоннель, тянувшийся в сторону порта и складских территорий.

— Соглашусь, — кивнул Бобби, внимательно оглядываясь по сторонам. — Если двигаться дальше, можно случайно оказаться вне зоны действия глушилки. По моим подсчетам, мы и так подобрались к краю, за которым уже можно установить базовое соединение.

Хаухет молча передала боевику еще один пистолет и радиоэлектронную гранату, оставшись полностью безоружной.

Карл замер, в ожидании неизбежного святотатства. Какую

эмоциональную окраску обретет его чувство к Флоре после работы с «карфагенкой» он не знал и не хотел узнавать.

Как всегда, жизнь не оставляла выбора. Головолом подошел к ближайшей стене, устроился возле нее, ощущая затылком неистребимый холод пластобетона.

— Сколько времени займет очистка от паразитного кода? — подойдя вплотную к Карлу поинтересовался Бобби. — И можно ли будет прерывать операцию, если что-то пойдет не так?

За Карлсона ответил Свен.

— Без аппаратной и медицинской поддержки, без соединительных кабелей, с одним ноутом и парой радиомодемов… Я удивлюсь, если выйдет уложиться меньше, чем в десять минут. Сопротивления на уровне личности не ожидается, но вычистка паразитного кода не должна прерываться, если никто не хочет начинать заново. Кроме того, некоторые разновидности вирусного кода могут адаптироваться и усилить свое аппаратное влияние, получив передышку даже в пару секунд.

— Расклад дерьмовый, но реалистичный, — подтвердил Хех, устраиваясь с карабином возле обесточенного автопогрузчика. — Предлагаю не терять времени понапрасну. Если один из чистильщиков уже проходил по тоннелю, нет никакой гарантии, что в следующую минуту их не будет уже двое.

— Тут какое-то время можно держать оборону, — кивнул Бобби, вглядываясь вдаль.

Карл тяжело вздохнул, когда рядом с ним присела Хаухет.

— Мне самой это очень странно, но не сказать, что совсем непривычно.

В темноте головолом не видел лица девушки, но отчего-то показалось, что та улыбается.

— Действуй, Карл, — попросила Хаухет, кладя голову на плечо Карлсону. — И не слишком удивляйся, если заметишь что-нибудь знакомое.

68

После того как девушка с головоломом установили двухсторонний, тщательно защищенный коннект, Хех подошел к Свену, пристраивая свой карабин рядом с оружием безопасника.

— Ты очень хороший человек, — сказал аналитик, убедившись, что никто не лезет из тоннеля. — Мог уйти сейчас, но не ушел. Только не говори, что все твои служебные обязанности. Нас списали в тот час, когда пришел перевод за подписью регионального директора корпорации.

— Заткнись, Малколм, — отмахнулся бывший безопасник. — Ты не на работе, чтобы препарировать и раскладывать по полочкам все то, что попадается на глаза. Да, я здорово лоханулся, вас втянул в эту безнадегу. Может у меня, в конце концов, быть хоть немного абстрактного и оторванного от жизни чувства справедливости?

— С такими репликами тебя первый же тест на лояльность зарежет, — подал голос Бобби. — Оно красиво, не спорю. Но упорно ассоциируется с одним из сигнальных флагов прошлого. Когда еще не было радио и сетей, поднимали такую специальную полоску ткани на корабле и это означало «Ваш курс ведет к опасности». Тебе предки не говорили, что идеализм и оружие в одном человеке не сочетаются? Плохая примета и все такое?

— Виноват, больше не буду, — буркнул Свен. — Но не я один тут страдаю от нехватки цинизма в крови. Проблема лишь в девушке. Что вас-то заставляет заботиться о безопасности этой парочки?

— Контракт, — отрезал боевик. — Обеспечение защиты головолома. Он редкий, а потому ценный кадр, за которым нужные люди попросили присмотреть.

— Забота о ней, — подобрав слова, признался аналитик.

— Мы тут, похоже, все чокнутые, — заключил Свен и замолк. На мгновение ему показалось, что в тоннеле что-то двигалось. Повышенная чувствительность имплантов не справлялась с кромешной темнотой и возможной маскировкой противника.

— Не мы такие, среда такая… — философски заметил Хех, но тут Бобби выстрелил и на рельсы посыпались осколки дрона.

Чуть меньше трех минут с начала взлома, подумал Свен. Вот и не верь после этого в приметы.

— Одиночная разведывательная пташка, — сообщил Хех. — Не знаю, сколько данных она сумела переслать своим хозяевам, но стоит ждать продолжения. Ставлю на группу дронов в ближайшие две минуты.

— Дрон, рой дронов, дроны-камикадзе, дистанты, штурмовики, — флегматично перечислил Бобби. — Стандартная методика Корпола. Но, возможно, по наши души пришел не Корпол. Если это был агент Логистического Союза, их морпехи пойдут уже в третьей волне.

— Но тогда интервал между волнами будет больше, — безопасник вспомнил досье на морпехов Союза. По качеству брони эти люди мало уступали дистантам корпоративной полиции, а в мобильном отряде, «обойме», их было четверо.

Шансы выстоять против четверки хорошо вооруженных профессионалов оценивались Свеном как фантастически малые.

— В утешение скажу, что вряд ли противник будет применять ракеты и тяжелое вооружение. Риск повредить реактор или ценное оборудование слишком велик.

Анализ Хеха чуть поднял Свену настроение, но на душе все равно прочно обосновалась тревога.

— Предположим, что взлом займет минимальное время и мы вернем себе утраченную мобильность, — сказал он, пробуя не зацикливаться на дурных мыслях. — Куда будем отступать?

— Наступать, — поправил его бывший подчиненный. В двадцати метрах по тоннелю есть дверь в диспетчерскую, которая управляет местной техникой, от освещения до вагонеток. Питания для запуска машинерии нет и не предвидится, но в самой диспетчерской есть аварийный проход, которым можно воспользоваться. Ведет он, правда, не на территорию порта, куда Корпол просто так не сунется, а к дальнему углу свалки. Но выбирать особо не из чего.

Девушка, капитально ушедшая во внутренний мир, вздрогнула. Хех едва не дернулся к ней, но обошлось без травм, только голова Хаухет теперь лежала на коленях Карлсона, а над ней нависал прямоугольник ноутбука.

— Все будет хорошо, — успокоил аналитика Свен.

— Я знаю, — ответил тот, задумчиво глядя на пару, не участвующую в боевых действиях.

— Внимание, вторая волна! — предупредил Бобби. — И нам незначительно повезло, это аппараты Логистического Союза.

Выцеливать дронов оказалось нелегко. Помимо темноты малыши-беспилотники были надежно экранированы, не допуская перехвата управления или наведения по передающей волне.

К счастью для обороняющихся, технологии средиземноморья не позволяли снабдить рой хоть сколько-то сложными автономными мозгами — окажись тут машины российского, индийского или китайского происхождения, результат столкновения мог быть иным.

Три более легких разведчика получили повреждения и упали — четвертый, более тяжелый, взорвался сам, разбросав осколки во все стороны.

Пострадал Хех, которому едва не разбили один из окуляров адреалиновых очков, сдержанно и емко выругался мистер Пескаторе. Пара осколков ударилась в стену, чуть выше головы Карлсона и отлетела в сторону.

— Они разменивают железо на полученные данные, — пояснил Хех. — Мы отбились, но теперь противник знает сколько нас и чем мы вооружены. Дальше будет сложнее. У них есть возможность моделировать перестрелку, а мы такой роскоши лишены.

— Следующими пойдут либо камикадзе, либо морпехи.

Свен проверил заряд карабина и пожалел об отсутствии мин, которыми можно было засеять тоннель. Морпехов это вряд ли остановило бы, но могло подарить несколько секунд задержки.

— Кто-нибудь знает подходящие псалмы или молитвы? — поинтересовался Бобби и не услышав ответа от своих спутников, продолжил:

— Тогда придется об этом позаботиться самостоятельно.

69

Карл подключался осторожно, перебирая защитные протоколы, настраивая дополнительное шифрование, поднимая файерволы. Не то чтобы оно действительно требовалось, но головолом подсознательно тянул время, не желая расставаться с чувствами к Флоре.

Воспоминания? Да, они, безусловно должны были сохраниться, однако разница между воспоминанием и реальностью, если хорошенько подумать — колоссальна.

Хаухет организовала роскошный, почти что админский доступ к своему чипу. Тут чувствовался подход профессионала, любящего свою работу.

— Посмотри для начала в той директории, которую я тебе сформировала, — попросила девушка. — Условия неподходящие, как-нибудь потом у нас будет больше времени, а пока ограничимся только одной выборкой и проверкой секций, которые я не контролирую целиком.

Карл зашел в директорию и сошел с ума.

Флора. Вокруг было столько Флоры Найтингейл, что канал связи захлебнулся, выдав предупреждение о нештатной нагрузке.

Метаженщина его мечты оказалась реальностью. Той самой, данной в ощущениях, которую философы древности спешили назвать объективной.

За считанные секунды Карлсон ознакомился с историей возникновения распределенной памяти, механизмами появления новых Найтингейл, опасениями Флоры и Соловьева относительно внедренного кода.

Новое знание требовало осмысления, но сейчас на это не было времени. Разделив сознание на два параллельных потока головолом приступил к работе.

— Флора…

У той части сознания, которой достались практически все чувства, не хватало слов. Откровение переполнило его и угрожало стать помехой для другого Карла, с головой погрузившегося в работу.

— Да, милый, — ответила ему множественная девушка, обнаружив, что какая-то часть ее разместилась в отдельной директории памяти Карлсона. — Ты искал меня и вот мы нашлись.

С метаженщиной было невероятно просто и фантастически уютно общаться. Карл помнил ее в десятках обличий, а с одной из Найтингейл даже когда-то состоял в браке.

По мере того, как мечта наполнялась реалистичностью, проникая в мир головолома, Карлсон понимал, что его проклятия больше не существует. Ссылка на ресурс, к которому раньше не было доступа, получила надежную связь с несомненным.

Карл любил Найтингейл. Всю Найтингейл, в любом облике, с любым именем и формальной биографией. Противоречие между новой, свежевзломанной Найтингейл и прежними, более не могло существовать. Флора стерла его, как предрассудок, нелепую иллюзию, неактуальную для людей с распределенной памятью.

Воодушевленный сделанным открытием Карлсон быстро нашел следы Валерии на аппаратном уровне.

Головолому пришлось бы повозиться, отделяя его от естественных алгоритмических структур Найтингейл, однако Барбат невольно дала Карлсону два серьезных козыря: доступ к Флоре до установки кода и стертый профиль Веры Колевой. Имея при себе эталон, Карл отфильтровал все, что расходилось с личностью Найтингейл, чем на порядок облегчил себе работу.

Где-то во внешнем мире грохотало, взрывалось, но Карлсон положился на сцепку с ноутом и даже не подключал к проверке очки.

— Эта сука, наверняка подготовила ловушку или даже две, — предупредила Флора, но предупреждение перехватил жадный до ее внимания Карл-1, только и сумевший передать Найтингейл список внутренних адресов, которые не следовало тревожить, чтобы не создать дополнительных побед.

— Как будто с твоим полицейским чипом было проще, — отозвался Карл-1. — Эти перестраховщики из Корпола дадут фору любым злобным директриссам. Сама же знаешь по работе в литерном отделе.

Упоминание литерного отдела запустило ассоциативную цепочку воспоминаний: к счастью для Флоры, расположенных по допустимым адресам.

Разрозненные детали по делу Сильвера, прорастая связями с недавним опытом Найтингейл, сложились в цельный образ.

Интересно, что бы сказала начальница, если бы узнала о моих чувствах к преступнику номер один, подумала Флора. А затем вспомнила слезы Глории и горе Сильвии. Она неоднократно теряла своего мужчину, но теперь перестала бояться новых потерь. Ее мужчина всегда был где-то поблизости. Пускай порой сам об этом не подозревая.

Карла-1 сначала охватила ревность. Следом за ревностью пришла озадаченность. Ревновать к другому варианту самого себя было странно и непривычно. Даже сама мысль о том, что какая-то часть головолома является Сильвером, выбивала из привычных

шаблонов.

Время, Карлсону отчаянно не хватало времени: количество задач с высоким приоритетом увеличивалось, а мощностей для обработки не прибавлялось.

Стимулятор, выданный Свеном, не мог взять из ниоткуда дополнительные модули оперативной памяти, да и запасы нейромедиаторов подходили к концу.

Барбат нанесла свой удар ближе к финалу работы. Сначала активировался один скрипт, затем два, четыре… Карлу-2 пришлось сначала отобрать ресурсы у своего первого потока, а затем и вовсе его отключить, ненадолго превратившись в подобие машины, лишенной чувств и посторонних мыслей.

Барбат развернулась из скрытого архива, в формате которого Карлсон узнал несколько переиначенную разработку Соловьева.

— Ты снова ошиблась, — сообщила Валерии та глубинная часть сознания, которая являлась Сильвером. — Все места заняты, свободных мест больше нет.

Вместо того, чтобы заняться изоляцией Барбат от активной памяти, Сильвер открыл Карлу те директории органической памяти, которые до этого держал закрытыми.

— Пора принять себя целиком, — объявил Карл-Сильвер, отправляя Валерии несколько файлов со своими общими воспоминаниями. Где-то на втором плане маячил алгоритм осознанного подключения взломанных женщин к семейству Найтингейл, но Карлсон отложил его на потом.

Барбат дрогнула, испугалась, переключилась с захвата памяти Веры, в которой обосновалась Найтингейл, на противостояние более грозному противнику, атаковала внешние каналы в надежде замедлить головолома, лишить его ресурсов для борьбы. Данная тактика могла бы сработать на ура, заставив взломщика противостоять не только алгоритмам Валерии, но и естественному сопротивлению владельца тела.

— Вот и все, — синхронно выдохнули Флора и Карл-Сильвер. Барбат сама удалила Веру, которая могла стать ее невольной союзницей. Найтингейл поступила иначе — добровольно выделила Карлсону свои аппаратные мощности. Подобно тому, как часть Флоры обитала в памяти головолома, часть Карла добровольно переселилась в память Найтингейл.

Вирусный образ амбициозной дамы в красном был изолирован, а затем переписан в компактный, но невосстанавливаемый до исходной полноты формат данных.

— Теперь у тебя в моей квартирке есть свой халат и зубная щетка, — пошутила Флора, размещая Карла в специальном разделе своей памяти. — И не всякая смерть сумеет нас

разлучить.

— Кажется, там что-то движется.

Свен, как обладатель имплантатов, способных распознать атаку заранее, расположился ближе к створу тоннеля. Хех и Бобби расположились по бокам, причем Бобби, как самый опытный, взялся прикрывать от атак Карла с Хаухет.

— Живущий под кровом Всевышнего под сенью Бога небесного покоится, скажет Господу: ты — защита моя, прибежище мое, на тебя уповаю, — боевик воспользовался живым голосом, не доверяя цифровой связи. — И избавит он тебя от сети ловца и от язвы гибельной…

Вячеслав Соловьев вместе с Малколмом подумали, что естественные звуки демаскируют мистера Пескаторе, а по отражению волн противник может определить положение каждого из обороняющихся. Но специалисту в прямом контакте было виднее.

Малколм-Хех покопался в своей памяти. Бобби цитировал псалмы Новой Реконкисты, как если бы сам являлся рыцарем Последнего Храма. Какую ветку моделирования на стороне противника запускали эти псалмы? Как аналитик, Малколм попробовал представить ход рассуждений группы поддержки на стороне Логистического Союза и усмехнулся.

Появление реконкистадоров на штурмуемом объекте вносило помехи в модель. На месте оператора, получившего сведения только о трех отстреливающихся, Малколм предположил бы, что это авангард, который поставлен сковать нападающих пока основная группа радикальных неокатоликов готовит ответный удар.

Если в темноте тоннеля и скрывались морпехи, после раскатистого речитатива Бобби, они предпочли отправить перед собой новый рой беспилотников.

Ловко, подумал Соловьев, слушая как мистер Пескаторе читает псалом. Но они все равно нас задавят.

Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь ты безопасен; щит И Ограждение истина Его.

А еще он вызывает огонь на себя, догадался Соловьев, на мгновение вспоминая себя Сильвером, а Бобби — одним из своих последователей, агентом Бором.

К сожалению, передать технологию распределенной памяти другим мужчинам Соловьеву так и не удалось. Как он ни старался, на выходе получался Сильвер, а не кто-то другой. Каким-то мистическим образом русскому нейроархитектору

удалось впечатать в формат кодируемой памяти, самого себя. А может он запутался и прошел мимо методов, которые могли бы очистить записываемую память от памяти изобретателя о своем прошлом.

Память Бора, как и многих других агентов, хранилась на одном из тайных серверов. Если бы только их можно было записать в память кому-то еще.

Надо изучить решение Валерии, решил Соловьев, надеясь, что его нынешнему телу удастся вырваться из зоны помех, выставленной Корполом.

А затем вдали загудело и пришло время стрелять.

Нападающие сделали выводы из данных, полученных по результатам предыдущей волны. Оптимальным им показалось решение задавить защитников массой. Когда дронов много, а максимальная плотность стрельбы вычислены, это беспроигрышная стратегия.

Как жаль, успел подумать Соловьев, расстреливая свой боезапас. Флора с Карлом, перспективный алгоритм Барбат, возможно способный дать вторую жизнь всем погибшим агентам Сильвера — все это останется под землей вместо того, чтобы изменить мир.

— Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его, долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое, — пробился сквозь грохот стрельбы в замкнутом помещении голос Бора.

А затем выстрелы сменились взрывами, от которых Малколм потерял сознание, увлекая в безмысленную темноту того, кто был его частью.

71

— …благодарен всем, кто сопровождал меня на этом пути. У меня нет каких-либо распоряжений, относительно своего имущества, поскольку оно находится на территориях корпорации «Карфаген Индастрис» и, наверняка, будет арестовано по ложному обвинению в промышленном шпионаже.

Свои счета в нейтральных банках завязаны на биометрию. С ними, после подтверждения моей смерти, поступят в соответствии с файлами последней воли, также хранящимися на серверах корпорации.

Прямо в голову Карлу, который еще не разобрался с тем, насколько он Сильвер, а насколько Карлсон, пробивался отстраненный монотонный голос из базовой библиотеки озвучки стандартных мужских реплик.

— И да, надо дописать, пока есть время, а то неизвестно, получится ли уцелеть во всей этой авантюре. Хех, Хаухет, я хотел бы извиниться. Вы подчинялись моим распоряжениям — именно они сделали нас изгоями. Очистить вашу репутацию будет нелегко, но я чувствую себя обязанным оказать вам в этом деле максимальную поддержку.

По ссылке, которую вы получите вместе с этой записью, сетевой архив с материалами, которые должны попасть к высшему руководству «Карфаген Индастрис», минуя Валерию Барбат или ее подчиненных. Собранного мною компромата…

Карл открыл глаза, но вокруг было темно. Пришлось включить адреалиновые очки, чтобы разглядеть ползающего на четвереньках Хеха и мрачного Бобби, который склонился над источником передачи.

Флора-Хаухет молча сжала руку головолома.

— Я вижу, все в сознании, — констатировал Бобби. — Надо срочно уходить. Следующей атаки мы точно не переживем.

Карлсон попытался встать на ноги, но бедро неожиданно отозвалось ноющей болью, а выскочившее в расширенной реальности сообщение проинформировало о двух осколочных ранениях.

Флоре подъем дался гораздо легче: встав на ноги она помогла перейти в горизонтальное положение головолому.

— Быстрее! — неожиданно резко потребовал Бобби. Карл впервые услышал, как вечно спокойный боевик нервничает.

— Что со Свеном? — спросила Флора, не находя безопасника в сети.

— Он находился ближе всех ко входу в тоннель, — коротко

отозвался мистер Пескаторе, выпрямляясь и подхватывая карабин. — Ему досталось много больше осколков чем каждому из нас.

— Я, Свен Хансен, находясь в здравом уме, твердой памяти, без каких-либо программно-аппаратных ограничений волеизъявления…

Карл сделал пробный шаг, отозвавшийся ноющей болью в ноге и головокружением. Теперь ему стало видно лежащее возле автопогрузчика медленно остывающее тело, чип которого, на остатках энергии, транслировал в режиме непрерывного воспроизведения закольцованную запись.

— Хорошие люди не должны умирать первыми. Их место в конце списка. Или вовсе, за пределами, — сказал Бобби, перед тем как похромать в сторону диспетчерской.

— Он единственный из нас, кто мог уйти в любой момент, — вздохнул Хех, в котором Карл теперь видел Соловьева.

— Вот стоит только обзавестись по настоящему хорошим начальником…

Флора ограничилась цифровой репликой, не желая расплакаться там, где еще предстояло путешествие. Девушка подошла к Карлсону и предложила помощь в передвижении. Карлсон не стал отказываться.

Неизвестно по какой причине морпехи упустили момент, когда можно было прикончить всю группу парой-тройкой не самых мощных дронов.

— Как вам удалось отбиться? — поинтересовался Карл, доковыляв до тяжелой металлической двери, которую придерживал аналитик. Обломки дронов то и дело хрустели под ногами. Их было слишком много для того, чтобы оставить данное обстоятельство без вопросов. — И почему нас не атакуют?

— Я когда-то был неплохим хакером, — казалось, Соловьев начал говорить по-другому, не так как в образе Хеха-Малколма. Хех был лаконичен, Вячеслав — словно наслаждался возможностью произнести что-то вслух и по своей воле.

— А тут получил доступ к местному суперкомпьютеру и скопировал к себе столько боевой цифры, сколько поместилось. Ну и применил по отношению к рою, что оставалось-то? Двух дронов перехватил, а там уже запаниковал оператор на дальнем конце соединения, отправил оптом команду на самоподрыв. А не атакуют потому, что Бобби ввел их в заблуждение. Окопавшуюся команду реконкистадоров с наскока не взять, вот логисты и накапливают силы перед атакой.

И вновь потянулись узкие кишки коридоров. Пару раз идущий впереди Бобби отстреливал торчащие из потолка камеры,

пока не вмешался Соловьев.

— Я подготовил дата-центр к самоуничтожению, так что пусть пишут, вреда от них не будет.

— Мало ли кто потом будет курочить их внутреннюю память, — отрезал в ответ боевик. — Для запуска скрипта может быть достаточно одного-двух кадров.

— А как ты получил доступ к местному суперкомпьютеру? — спросила Флора, в основном для того, чтобы отвлечься от монотонного перемещения.

— Валерия была неосторожна. Привыкла работать в корпоративной среде, где за состоянием каналов данных следит несколько отделов. — На этот раз замыкал цепочку Соловьев. Морпехи Логистического Союза могли спохватиться и тогда кому-то пришлось бы прикрывать отход.

— Я сначала прописался в сети в качестве алгоритма для проверки внешних доверенных устройств. Тогда как раз подключали боевую автоматику к системе управления и требовался лишь код «свой — чужой» для успешного подтверждения. Курировал работу Морган, администратор, а не техник. Одобрил монтаж и не задумался.

Коридор сменила очередная лестница вверх. Тут уже Флора не могла помогать Карлу из-за чего продвижение резко замедлилось. Головолом лез вверх, тихо матерился, но продолжал слушать рассказ Соловьева.

— А затем появились вы, Карл. Очень кстати, потому как требовалось заметное событие, плюс момент, когда Хьюберт отвлекся и не следил за журналом системных сообщений.

Тут уж я зарегистрировал свои очки как автономный информационный объект с правами корпоративного администратора. Разумеется, не как очки, а как модуль дополнительной криптозащиты. Для подтверждения система обратилась к алгоритму проверки, то есть снова ко мне.

Так я получил очки с доступом к внешнему контуру подземного комплекса, после чего от имени очков наделил правами самого себя, но уже в роли модуля защиты от промышленного шпионажа.

А затем, от имени очков запросил у Валерии доступ к внутреннему контуру. Она проверила очки на «свой — чужой» и переадресовала запрос мне. Я подтвердил отсутствие рисков и Барбат отдала ключи от суперкомпьютера в мои руки.

72

Кое-как приспособившись к подъему Карл задумался о том, кем же ему теперь приходится Соловьев. Братом по Сильверу? Дядей? Вторым отцом? Вопрос оказался непрост, но именно пляски вокруг неразрешимых проблем обычно помогали Карлсону выполнять нудную однообразную работу.

— Почему вы стали сепаратистом, преступником номер один в городе? — поинтересовался головолом, который после работы с Флорой немного робел перед личностью русского изобретателя. — Что могло подвигнуть вас стать во главе организованной преступности Массалии?

Перед тем как ответить, Сильвер-Соловьев коротко хохотнул, как в расширенной реальности, так и в физическом пространстве.

— Ты же ознакомился с алгоритмом, благодаря которому я могу получать временный контроль над носителем. Человек должен сам чего-то хотеть, но быть не в состоянии реализовать свои устремления без моего участия. Как в таких условиях можно создать и возглавить мафию?

Карл покрутил вопрос в голове. Он был очень удобным для того, чтобы с его помощью хоть ненадолго отвлечься от бесконечных кабелей, фальш-панелей, отходящих в сторону креплений за которые норовил зацепиться испачканный городской костюм.

Возможности чипа и личный опыт не давали ответа. Никак? Но тогда почему?

— Люди сами сделали меня лидером, потому как я решал их проблемы, позволял выплеснуть в сеть накопившееся негодование современными якобы оптимизированными порядками, а вдобавок не путался под ногами тогда, когда этого не требовалось — словно угадав мысли головолома, ответил Сильвер.

Да, именно Сильвер, поскольку ученый Соловьев отступил куда-то вглубь аналитика-Мальколма.

— Суперкомпьютеры миллионы раз предлагали действительно оптимизировать экономику, социальную сферу, промышленность средиземноморского региона. Но эта оптимизация лишила бы современную элиту их образа жизни, уравняла бы в правах с более талантливыми людьми, перемножила на нуль их фальшивую исключительность. Отчего, как ты думаешь, с местными корпорациями практически не общается так называемый восточный мир? Да потому, что здесь в любую программу улучшения жизни вставляется несколько тысяч нелепых, а зачастую и противоречивых условий, которые

объявляются строго обязательными к реализации. Даже одного такого затыка достаточно чтобы искусственный интеллект класса Б сказал, что преобразование невозможно.

— Я так понимаю, интеллект класса А скажет что-то иное, — догадался Карлсон.

— Он в состоянии показать, где лежит противоречие и как его устранить, — подтвердил Сильвер. — А это уже готовый призыв к революции, прямой или скрытый. Оттого в западном мире единственные суперкомпьютеры с интеллектом класса А находятся под управлением антарктического консорциума, который взымает с корпораций плату за нейтрализацию всего революционного влияния. Теоретически, с хорошей аналитической командой и ни в чем не кастрированным софтом можно просчитать преобразование и на классе Б. Но знаешь, что будет с таким суперкомпьютером, узнай про его существование хоть кто-то из корпораций?

Внизу что-то громыхнуло, земля сотряслась. Головолом вцепился в лестничные перекладины, радуясь тому, что взрыв случился не тогда, когда он опирался на раненую ногу.

— Вот и нет суперкомпьютера, — подытожил Соловьев, оттесняя Сильвера как более синтетическую личность на второй план. — Мне даже не пришлось ничего минировать, только намекнуть модулю обеспечения корпоративной безопасности, что центр под угрозой. Это очень удобно, когда тебя не принимают всерьез, считая обычным исполнителем нижнего уровня.

— Вячеслав Михайлович, — Карлсон решился задать вопрос, но был остановлен встречным сообщением Соловьева.

— Потом, Карл. Позже.

Согласившись, что сначала надо хотя бы преодолеть вертикальный участок пути, головолом сжал зубы и продолжил подъем.

73

Сидя в командирской машине, Берта Уокерсон, которую иначе как Бешенной никто не называл, сожалела о допущенных ошибках. Еще в тот момент, когда террористы подорвали участок свалки, уничтожив тяжелую технику Корпола, следовало проявить смирение и не бросаться в атаку. Такой чудесный повод запросить поддержку тактической артиллерии оказался бездарно упущен.

Да, вопрос с похищенной полицейской вышел бы на первый план, на штурмовиков вылили бы цистерну помоев, но зато выявленный подземный центр с суперкомпьютером класса Б не вводил бы корпоратов в искушение.

Из-за того, что сканеры определили примерные границы дата-центра, а группы аналитического сопровождения разобрались со столь же примерным диапазоном энергопотребления, штурмовикам пришлось отказаться от активных действий, сломать многократно отработанную модель быстрого захвата и предпочесть ей долгое нудное копошение в бардаке технических сооружений, где саперы и экспертные системы важнее людей.

На одном из мониторов, расположенных перед Бертой, шла трансляция бестолковой говорильни, которую зачем-то называли оперативным штабом. После того, как к виртуальному пространству штаба подключились «логисты», ситуация там окончательно утратила конструктивность. Даже на правах долевого владения интеллект класса Б являлся заманчивым активом.

В Массалии такой суперкомпьютер, помимо найденного, имелся лишь у городских властей. Корпоративный парламент города, полиция и армия пользовались им совместно, каждый квартал перераспределяя квоты на доступ к его мощностям. По одному искусственному интеллекту класса Б имелось у ведущих магрибинских корпораций, Логистический Союз владел тремя суперкомпьютерами.

Класса А в средиземноморье не водилось.

Такими монстрами владел антарктический консорциум, а также русские, китайцы и прочие азиаты, которые отчего-то, со времен Великой Депопуляции, практически не взаимодействовали со средиземноморским регионом — разве что порой направляли сухогрузы с продовольствием и удобрениями да позволяли своим туристам колесить по Европе сколько им вздумается.

Берта искренне сомневалась, что такой роскошный трофей отдадут без боя. В эту ночь и далее, до внеочередного заседания

корпоративного парламента Массалии, следовало ожидать всплеска конфликтов и провокаций.

Судя по тому, что в паре километров от охраняемой Корполом территории по надуманному поводу сцепились отряды «Карфагена», «Артемиды» и «логистов» полицейских ожидали горы работы, при ближайшем рассмотрении пахнущей много хуже, чем пахнет мусор на свалке.

— Стреляли, значит, — пробормотала про себя Берта, внимательно изучая как сами корпоративные жалобы, так и обработанные данные с полицейских дронов.

К сожалению, удерживать в воздухе все летающие беспилотники Корпол мог себе позволить только если уровень опасности в Массалии оказывался выше девятки. Регламент в этой части, к сожалению, составляло не руководство Корпола, а чинуши и лоббисты из городского парламента. В ответ на это полицейские навострились более вольно трактовать критерии для определения необходимого уровня опасности.

Внимательный референт, последние четверть часа подменявший Берту в части управления аватарой, развернул перед начальницей окно с анализом ситуации.

— Ну все! — хищно улыбнулась Бешеная Берта. — Ставим восьмерку и выпускаем из ангаров оперативный резерв!

Вместо того, чтобы смотреть на унылое копошение саперов и привлеченных экспертов в яме, еще недавно бывшей первыми двумя подземными этажами, глава штурмовиков решила проверить модели, по которым развернулся конфликт на шоссе.

От миз Уокерсон не укрылись передвижения группы морпехов, сделавшей стремительный марш-бросок, но остановившейся в нескольких сотнях метров от каравана.

Позиция сил Логистического Союза показалась Берте подозрительной. На месте «логистов» она выбрала бы другие места для окапывания и контроля за участком шоссе.

Неучтенный фактор? Поиск недостающего звена занял целых полторы минуты, целую вечность по тем меркам, с которыми подходили к управлению острыми конфликтами. В теории Берта могла в любую секунду отдать тактической артиллерии приказ перемолоть все корпоративные войска в указанном квадрате, но на практике подобное решение могло стоить ей карьеры. Когда все стороны тщательно записывают любое движение, как свое, так и противника, когда любой кадр может стать оружием в руках корпоративных адвокатов, лучше сотню раз перепроверить, а потом два раза по столько же перестраховаться.

К счастью, пока обошлось без стрельбы, хотя Берта убедилась в том, что перестрелка на шоссе являлась либо обманным

маневром Союза, либо просто крайне удобной оказией, которой решил воспользоваться командир морпехов.

Куда его отряд дел две обоймы беспилотников, так и не удалось установить.

Поняв, что придется сделать ставку на личный авторитет, Берта нахмурилась.

Логистический Союз играл грязно и нечестно: сначала перессорил все местные корпорации, а затем затеял какие-то таинственные маневры в зоне между портовыми территориями и городской свалкой.

Разогнанный до опасных скоростей, мозг Берты выдал решение головоломки на долю секунды раньше, чем это сделала экспертная система.

— Отряды Логистического Союза, немедленно покиньте зону, ограниченную квадратами…

К сожалению, предупреждение запоздало. Хуже того, оно было предсказуемым, а потому «логисты» наверняка просчитали встречные ходы.

— Не можем отойти, осуществляем прикрытие каравана, — небрежно отмахнулся от предупреждения Берты командир морпехов. Первые шаги в сложной партии были известны как одной, так и другой стороне.

Миз Уокерсон сжала кулаки, отдав приказ уцелевшим «богомолам» двигаться в сторону «логистов».

— Если потребуется, я вас перемелю крупным калибром, — пообещала Бешеная Берта, но предусмотрительно не отправила данную угрозу противнику. Адвокаты. Конфликтуя с корпорациями, всегда надо учитывать, что на их стороне целая армия адвокатов.

— Смените позицию, отойдите ближе к городу. Выслала группу дистантов на погашение конфликта, — сделала ответный ход Берта, заранее зная, что морпехи будут стоять на занятых позициях столько, сколько получится. Где-то там, среди так и не расчищенных до конца развалин имелся ход на подземные этажи того комплекса, который совсем недавно штурмовал Корпол.

Если специалистам Логистического Союза удастся проникнуть к суперкомпьютеру раньше людей Корпола, весь дата-центр окажется скомпрометирован, подсказала экспертная система полиции.

— Минимум три месяца дорогостоящих работ по проверке на закладки «логистов», — подтвердили сотрудники одного из литерных отделов. — Суперкомпьютер и без того придется перепроверять, но вмешательство Союза, у которого целых три машины такого класса сделает необходимым более глубокие

проверки. Кроме того, полемика относительно права собственности и долевого участия станет еще более ожесточенной.

Морпехи не уходили и не отвечали на законное требование Корпола.

— Если вы отказываетесь подчиняться, мне придется использовать артиллерийский довод, — предупредила Берта, больше для протокола нежели в качестве реального аргумента. — Мне нужны действительно серьезные аргументы чтобы дозволить вам оставаться на прежних позициях.

Морпехи не отвечали. Руководствуясь инструкцией, которую за два года до этого утвердил корпоративный парламент Массалии, Берта отправила им автоматический счетчик, отмерявший секунды до залпа.

— Подверглись вирусной атаке, — за три секунды до истечения ультиматума выдал в эфир командир морпехов. — Обнаружили тайный проход, предположительно в подземный комплекс. По ту сторону туннеля реконкистадоры…

Отношения Массалии с Ватиканом и фанатиками Новой Реконкисты складывались настолько непросто, что счетчик городской угрозы едва не перескочил на пятерку.

— Тяжелые дистанты Корпола будут на месте через сорок пять секунд, — предупредила Берта всем конфликтующих на шоссе. — Отводите свои силы назад и сливайте все банки данных с мониторинговыми записями на сервера полиции.

Предупреждение также ушло директорам «логистов», «карфагенцам» и наемникам «Артемиды». Морпехи медлили, наемники начали отступление, а вот отряд «Карфаген Индастрис» сообщил, что вынужден ожидать распоряжения собственного руководства, а потому останется на месте или продолжит движение в избранном направлении. По маршруту, который сбросили «карфагенцы» Берта не нашла ничего, что могло бы оправдать ночной марш-бросок.

— Срочное сообщение, — референт миз Уокерсон вмешался в расширенную реальность Берты, чего не делал без острой необходимости вот уже одиннадцать лет своего пребывания на данном посту.

— Региональные директора «Карфаген Индастрис», Ольга Кавендиш и Марьям Пресслер найдены мертвыми. Сходство симптомов позволяют предположить кибератаку на аппаратном уровне.

Реконкиста! Берта посмотрела на маршрут «карфагенцев». Никто не мог гарантировать, что в указанной точке отсутствует еще один проход к суперкомпьютеру.

— Юридические основания для залпа? — спросила она экспертную систему, которая угадала вопрос и выдала ответ в окно расширенной реальности, как только Берта начала его набивать.

Операторы-артиллеристы находились в состоянии полной боевой готовности с той минуты, когда террористы устроили взрыв на свалке. Десятки крупнокалиберных установок выплюнули в небо снаряды, изобретенные в период Великой Депопуляции.

Но еще до того, как они накрыли шоссе с отрядами то ли «карфагенцев», то ли маскирующихся под них реконкистадоров, до того, как состоялось уничтожение каравана вместе с наемниками, которым не повезло с контрактом, а заодно и морпехов, свалка вздрогнула от мощного подземного взрыва.

Коротко пискнул счетчик Гейгера, показывая незначительный подъем радиоактивности. Только через четыре с половиной дня Берта узнает, что это стало следствием нарушения герметичности одного из малых реакторов, сделанных в Киргизии по российской лицензии.

А в тот момент миз Уокерсон смотрела, как проваливается еще ниже вся собранная вокруг разрушенных во время штурма металлоконструкций. Бешенной Берте хотелось вцепиться в горло тому, кто придумал столь коварную ловушку.

Никогда раньше прозвище, данное главе штурмовиков, не подходило ей так сильно как за шесть минут до первых лучей солнца, осветивших многострадальный город.

74

— Где мы? — передала по лучу Флора после того, как проползла несколько метров на четвереньках, периодически натыкаясь на задницу Карла.

— Заключительный участок пути, — вернулся по цепочке ответ мистера Пескаторе. — Сейчас придется пошуршать мусором, а это чревато неприятностями. Не знаю, какие силы контролируют этот участок свалки, но если все ограничено только патрульными дронами Корпола, то мы какое-то время вполне сойдем за бомжей. До считывания персональных данных из чипов. Переведите свои устройства в режим инкогнито, если он у вас есть.

— Мы в безопасности, — успокоил девушку Соловьев. — В моем решении, что для мужчин, что для женщин, эта функция присутствует. Бобби скрывает профиль немного другими методами, но Корпол, до того, как начнется глубокая проверка, ничего не заподозрит.

Впереди по курсу зашумело, загрохотало, откуда-то сверху на головы посыпался мусор. Флора мысленно посочувствовала Бобби, который старался выглядеть элегантно.

— Да, чуть не забыл, — снова воспользовался живым голосом боевик. — Нас обещали встретить, так что не стреляйте куда попало. По возможности, лучше обойтись без лишнего шума. Корпол рядом, пусть и смотрит в другую сторону.

Спереди пахнуло свежим воздухом, легкой сыростью, кисло-сладкой вонью чего-то не слишком приятного.

Когда Флора увидела небо, которое уже начало светлеть на востоке, Бобби деловито сбивал расчетливыми ударами ладони пыль со своего пиджака. Найтингейл поразилась тому, насколько удачно одежда Пескаторе перенесла все подземные испытания. Если бы не свисающий с левого бока лоскут, почти полностью оторванный шальным осколком, можно было сделать вид, будто Бобби всего лишь неудачно оступился пару минут назад, а не собирал пыль и техническую смазку по нескольким этажам.

Соловьев, после того как вылез на поверхность из-под стопки потрескавшихся пластиковых листов, злобно пнул ее ногой, порождая небольшой оползень.

— Триста-четыреста метров на северо-восток, — сориентировал Бобби.

Вдали сверкнуло подобие зарницы, через пару секунд до четверки выбравшихся донесся фальшивый гром.

— Что-то капитальное, — проворчал Соловьев, тщетно

пытаясь устранить темное липкое пятно чуть выше колена. — Раз уж артиллерию подключили. Надо быть вдвойне осторожнее, нас слишком долго не было в городской сети.

Карл сделал несколько шагов самостоятельно. Вышло лучше, чем опасался головолом, но все равно недостаточно хорошо, чтобы передвигаться по местности, заваленной мусором различного происхождения.

— Давай что ли помогу, — предложил Соловьев. — Заодно и поговорим по дороге.

Флора, увидев, что ее поддержка не требуется, присоединилась к Бобби в авангарде. Двигаться решили в дальний угол свалки, надеясь как можно дольше скрываться среди мусора, как от сканеров Корпола, так и от возможных групп «логистов».

Карлсон поинтересовался у Сильвера-Соловьева, стоит ли опасаться, что данные, полученные дронами во время подземного боя, окажутся доступны Корполу.

Аналитик немного подумал, а затем признал, что для Карла и Флоры риск практически нулевой. Они находились чуть в стороне от перестрелки, свои сигналы передавали по направленному шифрованному соединению. Но даже если какие-то данные и утекли к оператору, их скорее всего уничтожила или дискредитировала встречная вирусная атака.

— Но осторожность все равно придется какое-то время соблюдать, — заключил Соловьев. — Не могу сказать точно, как насколько долго придется залечь на дно, для этого надо понять, что же творится в городе, однако…

Один из мусорных холмов, лежавший справа от тропы, которую нашла Флора, зашевелился. Если бы сейчас на месте мистера Пескаторе вдруг оказался Хью Морган, он тут же узнал бы в появившемся механизме одну из автономных армейских систем, подготовленных для отвлечения штурмовых групп Корпола.

Боевик, изучавший окрестности с вершины соседней мусорной кучи про замыслы Валерии Барбат не знал. Но ему и не требовалось разбираться в армейской технике, хватило осознания размеров крабоподобного механизма, использовавшего активную оптическую маскировку.

— Флора, беги! — крикнул Бобби, активируя радиоэлектронную гранату.

И Флора, оказавшаяся ближе всех к противнику, побежала. Соловьев, услышав призыв боевика, моментально оттолкнул Карла в сторону, а сам бросился в другую. Головолом только и успел подставить плечо под удар, чтобы приземление на

расколошматило его ноутбук. Между Карлсоном и пробудившимся механизмом лежало несколько метров мусора — слабая преграда для армейской техники.

Изображение бронированного монстра головолому каким-то образом ухитрился передать Бобби. Для передачи по лучу расстояние до Пескаторе было велико, но тот смог направить сигнал так, что несколько пакетов удалось перехватить и развернуть в картинку расширенной реальности.

Открытая местность, без шансов, промелькнула в голове мысль, принадлежавшая скорее Сильверу, нежели Карлсону. А затем раздались выстрелы и сработала радиоэлектронная граната.

Флоре, вырвавшейся вперед, не повезло оказаться отрезанной от остальной группы. Найтингейл подвела жажда сети. Дальний угол свалки оказался далеко от установки Корпола, которая изолировала место конфликта от инфосферы Массалии. Тут уже время от времени проходил пинг до ближайших городских ретрансляторов и вот-вот можно было сгрузить драгоценный опыт в распределенную память Найтингейл.

Приказ Бобби совпал с появлением устойчивого соединения. На самой малой скорости, но уже не рвущегося раз в секунду.

Девушка бросилась вперед, затем попробовала прыгнуть в сторону, чтобы уйти с линии возможного выстрела, ловко оттолкнулась от эмалированного корпуса какого-то бытового прибора, но армейская машина выдала очередь из крупнокалиберного пулемета, которая перечеркнула тело Веры наискосок, от правого плеча до левого бедра.

Передача, успела подумать меркнущим сознанием Флора Найтингейл, прекращая уже третью свою жизнь за последние сутки. Пусть соединение окажется устойчивым.

75

Причиной смерти Бобби стала красота. Вот-вот должно было высунуться из-за горизонта солнце.

После длинных подземных коридоров, состоящих будто из нескольких сортов овеществленной темноты, его появление могло стать достойным контрастом для той мистики и хтони, в которую Бобби встрял с головой.

Смерть приревновала к красоте и настигла своего поклонника за миг до рассвета. Пескаторе не разбирался в армейской технике, но никто кроме вояк не мог позволить себе нацепить активную маскировку на любой объект таких размеров. Только армия не считалась с расходами из-за чего армейцев не любили все крупные налогоплательщики.

Для этого приземистого боевого робота, чьи расплывчатые, подернутые муаром маскировки черты напоминали испарения чего-то токсичного, свалка была не самым удобным типом местности.

С одной стороны, слегка похожий на краба робот обретал тут преимущество, за счёт возможности зарыться в один из мусорных холмов и тем самым спрятаться от патрульных дронов. За счёт данного обстоятельства этот робот сумел уцелеть и не попасть под атаки Корпола.

Но, с другой стороны, свалка отличалась разнородностью окружающей среды. Она таила сотни тысяч разнородных предметов, часть из которых к тому же утратила свою форму, прочность и так далее.

Встроенной в робота экспертной системе приходилось тратить большую часть своих вычислительных мощностей на моделирование свалки, а не противника.

В естественных условиях, когда за действиями боевой машины приглядывал оператор или тактический интеллект, такой перекос в распределении мощностей давно бы поправили. Но для этой серии боевых комплексов армия пожалела автономных мозгов. Без тактической поддержки, списанный и частично демилитаризованный робот стал действовать медленно и неэффективно.

Когда он стоял на вооружении Массалии, на уничтожение группы из четырех диверсантов было бы потрачено около полутора секунд. Но половина внутренних устройств робота до сих пор запрашивала команды руководства, а память другой половины на девяносто девять процентов забилась моделированием свойств свалки.

Наверное, если бы судьба позволила бы выжить, боевик описал бы свое состояние как некое откровение.

Хватило доли секунды, чтобы взвесить все за и против, оценить вероятность выживания для каждого в группе, отделить обреченных от имеющих призрачный шанс.

То, что он сам такого шанса не имел, в этот миг казалось досадным недоразумением, пренебрежимо малой погрешностью в грандиозном вселенском плане, где смерть творила красоту, а красота приводила к смерти.

Мгновение, чтобы суметь сделать хоть что-то, задержка в исполнении приговора. Бобби уцепился в неё, полюбил этот миг и мысленно поблагодарил бы богов за драгоценный дар, если бы не выбор в пользу действия.

Для того, чтобы машина сочла его более приоритетной целью, пришлось выстрелить по ней из карабина.

Радиоэлектронная граната еще летела к своей цели, когда бронированный и неуязвимый для ручного оружия робот дал очередь по Флоре. Несмотря на то, что боевик приказал девушке бежать, шансов спастись у нее не имелось. Бегство требовалось Бобби для задержки робота. Даже выстрел из карабина был сделан лишь ради того, чтобы из двух людей с карабинами в качестве следующей жертвы машина выбрала его, а не Сильвера.

Бобби выигрывал доли секунды для своего козыря — радиоэлектронной гранаты.

Скорость реакции у автоматики превышала человеческую, Бобби не сумел бы выстрелить дважды, даже если бы тренировался всю жизнь.

Гонку с механической смертью выиграл не человек, а солнце — оно успело дотронуться до Роберта Пескаторе, прежде чем тот перестал быть живым.

Но со своей задачей Бобби справился. Граната, которую робот счёл безвредной, не повредила армейскому комплексу. Но ее взрыв привлек внимание Корпола к этому месту, на секунду снял активную маскировку и превратил робота в мишень высокого приоритета.

Управляемый крупнокалиберный гиперзвуковой снаряд, запущенный из расположения военных, покончил с некогда списанной техникой меньше, чем через три секунды после восхода.

76

— Что это было? — спросил Карлсон у пространства. Сначала его оглушило и протащило пару метров по какой-то битой керамике. Потом одно из окон расширенной реальности выкатило предупреждение о скором прекращении действия стимуляторов.

Пространство не ответило, сочтя статичный образ металлического чудовища в зависшем окне исчерпывающим ответом.

Карл лежал, укрытый ворохом ярких пластиковых лент с брендом давно не существующих компаний. Чтобы выбраться из этой западни, пришлось изрядно поработать руками и головой. Вне всякого сомнения, этот пластик спас головолома от серьезных повреждений, когда взрыв хаотически перемешал сотню с лишним кубометров выкинутого подальше прошлого.

— Есть кто живой?

Сигнал пришлось транслировать, поскольку горло саднило. От неведомой свалочной химии слезились глаза. Трясущимися руками Карл нащупал ноутбук, запустил автоматическую проверку состояния.

— Где ты?

Голос был хриплым, мужским, дрожащим от внутреннего напряжения.

Карл попробовал вспомнить, кто говорил так же, только более спокойно. Бобби отпадал, методом исключения выходило, что спрашивал Сильвер. Точнее даже Малколм, поскольку без Веры-Флоры рядом активное присутствие Соловьева в голове у аналитика становилось невозможным.

Вот и поговорили, с грустью подумал Карлсон, откладывая список вопросов к гениальному изобретателю в дальнюю директорию.

Ноутбук передал на чип отчет о своем состоянии, доложив, что вышел из строя голографический монитор и сканер отпечатков пальцев. Запасной монитор для старой модели означал две недели ожидания и потерю уймы денег, которые придется отдать умельцам из метро.

При мысли о подземельях Массалии Карла начало мутить. Кажется, он обзавелся то ли отвращением ко всему подземному, то ли сотрясением мозга.

— Где ты? — повторил голос аналитика, теперь уже ближе.

Пришлось снять не пережившие взрыва адреалиновые очки и проморгаться.

— Где Хаухет?

Малколм дотронулся до плеча Карла, вопросительно посмотрел ему в лицо.

— Вера, — поправил бывшего аналитика «Карфаген Индастрис» Карлсон. — Хаухет, только рабочий псевдоним Веры Колевой.

— Спасибо, — выдохнул Малколм и пошел куда-то в сторону, машинально удерживая в правой руке тяжелый карабин.

Чтобы догнать бывшего аналитика не было и речи, но зато, встав на четвереньки Карлсон смог нащупать его лучом.

— Мы двигались в сторону от центра свалки, к окраинам. Она была чуть впереди. А затем ты оттолкнул меня и прогремел взрыв.

Говорить по лучу без очков было неудобно. Для набора сообщения, которое озвучивал автоматический спикер, требовалось видеть виртуальные буквы, плоды раздражения зрительных центров мозга.

После набора длинной фразы Карл открыл глаза. Малколм сменил направление движения, вновь приближаясь к головоломку.

— Потом, Карл, позже, — отмахнулся бывший аналитик, роняя неподалеку от головолома оружие, которым тот немедленно воспользовался как палкой. Чип подтвердил отсутствие переломов, но напомнил о ранении, а также выкатил длинный список ушибов и дефицита сложных органических соединений в организме.

Для костыля карабин оказался слишком коротким. Карлсон сделал с ним чуть менее десятка шагов, после чего уронил оружие в скопление деформированных коробок с чернокожим Сантой и нечитаемой арабской вязью.

Если бы Малколм не ходил из стороны в сторону, он бы давно вышел из той области, в которой Карл мог бы поддерживать с ним связь по лучу. Оба мужчины находились на краю области блокировки: тут время от времени уже проскальзывали разрозненные пакеты сети, но до устойчивого соединения было еще далеко.

— Я забыл, зачем все это было, — неожиданно признался Малколм. — Совсем еще недавно четко знал, даже немного гордился собой и всеми нами. Какие-то планы на будущее составлял. А теперь все ушло, остались только смутные воспоминания, без деталей и смысла. И надежда на то, что все пережитое было не зря.

Карлу захотелось напомнить Хеху про спасение Флоры, крушение планов Барбат, рассказать ему про того, кто затаился в глубине каждого из них, про память, которая принадлежит многим отдельным жизням, но доступна — надо всего лишь

догадаться как. Карлсон хотел пообещать Малколму, что обязательно разберется в этом вопросе, ведь это типичная задачка для головолома, а тут даже не женский вариант защиты данных.

Но чтобы сказать все это, требовалось закрыть глаза и сосредоточиться на вспыхивающих перед мысленным взором буквах. Долго печатать, в надежде на то, что за это время собеседник не покинет зону, в которой работала связь через радиомодемы.

Подожду нормальной городской сети и сброшу все файлы отдельным пакетом, решил Карлсон, ковыляя следом за бывшим Хехом.

Едва не испортив некогда армейский ботинок, провалившись по щиколотку в ржавый корпус 3D-принтера, Карл отвлекся и не заметил, как шатающаяся и беспорядочно повторяющая имя Веры фигура, куда-то пропала.

Сеть уже почти появилась: чип уверял, что в состоянии соединиться с сайтом, на новости которого был подписан головолом.

Карлсон шумно выдохнул, закашлялся, но закрыл глаза и попробовал вызвать Малколма по сети.

Если тот не заблокировал прямые вызовы, как это практиковал головолом… Карлсон припомнил распространенный пункт корпоративного устава. Служащие, за редким исключением, не имели права уходить оффлайн без разрешения со стороны вышестоящих.

Идентификатор Малколма принял вызов, но вместо трансляции ответа чип буквально выдернул Карла из расширенной реальности.

— Недоступно! Высокий уровень вирусной угрозы. Заблокировано! Заблокировано! Заблокировано!

Ноутбук припомнил соответствующий алгоритм и запустил процедуру антивирусной проверки.

Карлсон кое-как проковылял до скопления мусора, которое чип счел источником повышенной сетевой угрозы.

Тут уже ловила сеть, с появлением которой Хеха-Малколма, но уже не Сильвера, подстерегла смертоносная ловушка Хьюберта Моргана. Все это время она лежала где-то в служебных директориях чипа и не убивала аналитика, лишь из-за несовершенства своего алгоритма.

В подземелье не проходил сигнал, который мог бы запустить программную бомбу, но он сохранился в городской сети и терпеливо ждал появления онлайн чипа с определенным идентификатором.

— Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? — тихо

пробормотал Карлсон, чувствуя себя исполняющим роль Бобби.

Возможно, стоило почтить память Веры и Малколма чем-то более значимым, но сказывались последствия взрыва, едва не убившего головолома ударной волной.

Усилием воли разогнав туман, стоящий перед глазами, напомнив себе, что к воронке поблизости в любой момент могут заявиться дроны корпоративной полиции, Карл Карлсон пошел прочь, ориентируясь по скорости пинга и солнечному свету, возвещающему о наступлении нового дня.

77

— Где-то здесь, — транслировал один из носителей бронекостюмов без символики какого-либо отряда. Плюс-минус полсотни метров.

— А не ближе к западу? — усомнился его собеседник, чей бронекостюм с правого бока был порядком оплавлен.

Общение шло по узконаправленному лазерному лучу, а для надежности еще и шифровалось сложным перебором идентификаторов кодовых таблиц.

— Стреляли тут. Воронка тут. Железка армейская тоже тут догорает. Отсюда и танцуем.

Второй собеседник решил не спорить и начал обход воронки по часовой стрелке. Первый бойко раскидал вокруг одноразовые датчики, предпочитая электронные формы поиска.

— Ну и вонища тут, — через несколько минут заметил первый. — Совсем как от твоих дурацких сигарет. Все забываю спросить, Магний, нафига ты их куришь? Те же вещества вгонит в кровь любой автоматический инъектор, только вставляй подходящий картридж…

— Зато пока куришь, местные запахи отступают на второй план. Опять же, это культурная традиция. Что-нибудь фиксируешь?

— Эта тлеющая хрень разлетелась на сотню блоков, каждый из которых чем-то фонит, — немедленно пожаловался работающий со сканером. — Сейчас скину маркеры на карту.

— Спасибо, Литий, — донеслось с противоположного края воронки. — Нас не засекут копы? Ты следишь?

— Шутишь? Им сейчас не до руин или свалки. В противном случае, сюда не артиллерия ударила бы, а обойма тяжелых дронов. Нет, Корпол сейчас старательно разводит в стороны корпоратов и логистов. Специалистов по сбору улик пришлют в лучшем случае после обеда.

Литий оторвался от наблюдений за расширенной реальностью и воткнул в десятке метров друг от друга пару стержней, похожих на толстые черные карандаши.

— Приглуши на пару секунд чувствительность сенсоров, — попросил он напарника.

— Я, кажется, нашел кого-то, — отозвался Магний.

— Самая активная сигнатура в десятке метров к городу, на десять часов.

Литий выдернул стержни из какой-то разновидности древнего пластика, брезгливо вытер их об другой мусор, прежде

чем убрать в контейнер. Тучи, ходившие всю ночь над городом, отошли в сторону континента. Яркое солнце могло бы выдать Магния с Литием, если бы кто-то решил подвесить над свалкой наблюдательных дронов.

— Ты пойдешь или мне проверить?

— Я точно что-то вижу, проверь сам.

Магний разгреб слой оплавленных, местами спрессованных от времени пластиковых упаковок и увидел два тела, лежащих рядом друг с другом. Женщина, лет тридцати, лежала лицом вниз, вытянув одну руку вперед. Вторая рука, перебирая пулеметной очередью, отсутствовала на месте. Обтягивающий костюм, в архаичном стиле космо был полностью обесточен.

Второе тело принадлежало мужчине, который словно пытался укрыть женщину от какой-то опасности сверху. На первый взгляд казалось, что он просто лег сверху и сбоку, раскинув руки в стороны.

— Потребуются твои малыши, — Магний проверил затылочные разъемы погибших. Механические повреждения отсутствовали. — Надо убедиться, что это тот, кого мы должны были вытащить из комплекса.

Через минуту Литий подошел к телам, склонился над ними, запустил анализ биометрии.

— Мужчина подходит под описание. Сильвер будет недоволен. А вот второе тело… Я так понял, что мы ищем еще одного мужчину.

— И Бора, — хмуро добавил Магний.

— И Бора, — согласился Литий.

— Проверь финальные записи чипов, — Магний достал из набедренного контейнера заглушку, протянул ее напарнику. — Мне придется сжечь тела, но сначала проверь. Там должны быть, как минимум, имена.

— Я проверю, а ты пока ищи. Тут все так перепахано, что поиск может затянуться надолго. А безопасное время ограничено, через четверть часа нас здесь уже не должно быть.

Магний со вздохом разогнулся и продолжил изучение мусорных завалов. Будучи по природе мирным человеком, он всегда переживал, когда видел тела тех, кого должен был спасти, но не сумел. Внутреннее чувство справедливости назойливо тормошило совесть, даже в тех случаях, когда сам Магний был не виновен в случившемся.

— Мужчину смертельно хакнули. Малколм Абади, сотрудник «Карфаген Индастрис». Все остальное либо стерто, либо поражено чем-то вредоносным, мой сканер отказывается читать.

Литий передал по лучу результаты поверхностного

сканирования. Магнию оставалось лишь кивнуть: с такими повреждениями нужна квалифицированная реанимация, на свалки такие бригады с парой тонн оборудования не катаются.

— С женщиной сложнее, — продолжил Литий, несколько раз перепроверив результаты. — Секция с персональными данными испорчена. Аппаратные файлы, кроме основных системных, отсутствуют. Единственная запись в журнале событий «Передача данных завершена».

— Я хотя бы просто курю, — вздохнул Магний, продолжая осмотр окрестностей. — А ты себе загадки без разгадок находишь. Еще неизвестно, чьи мозги быстрее из ушей вытекут. Мы же все равно через пару часов сдадим память на сервера.

— Нет в тебе романтики, — Литий вытащил заглушку из разъема Малколма Абади и направился в сторону, откуда фонила активная сигнатура гражданского чипа. — Видно же, что тут произошла какая-то драма. Пускай эта часть памяти выгружается и принадлежит мне только во время рейдов, но я предпочту, чтобы образ этих двоих хоть иногда мог появиться перед глазами.

Когда на солнце что-то призывно сверкнуло, Магний счел это знаком и направился туда. Блики отбрасывал пистолет, который было невозможно не узнать. Бор никогда с ним не расставался.

— Значит, и тебя не уберегли, подумал Магний, подбирая и машинально проверяя осиротевшее оружие. Наследство Бора, эпатирующего мистера Пескаторе не пострадало. В магазине остался последний патрон, еще один обнаружился при проверке в стволе.

Так будет красиво, решил Магний. Ты бы нашел в этом какой-то символизм.

Стрелять пришлось практически в упор, чтобы наверняка. Но над свалкой, торжественно и скорбно, прогремели выстрелы. Оба чипа найденных мертвецов и органика их черепных коробок гарантированно перешли в нечитаемое состояние.

А спустя двадцать одну секунду Литий нашел Карла Карлсона, лежащего поодаль. Живого, но без сознания.

Задание Сильвера отряд сумел выполнить только на одну треть.

78

— Такими темпами зачистка объекта продлится минимум двенадцать часов, — покачало головой виртуальное изображение Бешенной Берты, над которым явно поработала автоцензура. — Одной рукой вы подписываете мне нормативы, а другой рукой нагромождаете на них ограничения, которые не позволяют в них вписаться! Вы уж выберите, что первично. Расставьте, наконец, приоритеты, список не настолько велик, чтобы пришлось долго думать: спасение полицейского, захват устроителей похищения, взятие под контроль подземного комплекса, установление организаторов беспорядков…

С каждым следующим предложением руководительница штурмовиков Корпола повышала голос все сильнее и сильнее.

Матильда и сама прибегла бы к такому лайфхаку, будь у нее хоть какой-то собственный авторитет на этом заседании. Но приходилось играть с теми картами, что на руках, привлекать в группу экспертной поддержки юристов по недвижимости, сливать инсайдерские данные по приватным каналам, держать на контроле размещение собственных вооруженных сил «Артемиды», чье количество минимум втрое превышало официально разрешенные лимиты.

Дела шли довольно бойко, прогностическая модель, запущенная на платформе антарктического консорциума, обещала четыреста три процента доходности всем включенным в нее вложениям, но вместе с процентами увеличивались риски сбоя.

Время фиксировать прибыль, подумала Матильда, одним из потоков сознания выслушивая шумящую Берту. С такими показателями место в корпоративном парламенте было гарантировано.

Где-то рядом, дамокловым мечом над собравшимися нависал риск городских боев. К счастью, терять прибыль в перестрелках не хотел никто. Заработок на потенциальной угрозе, которая так и не осуществиться, позволял окупить те действия, которые предпринимались для сохранения мира в Массалии.

Я вытянула счастливый билет, подумала Матильда Кох за пару секунд до того, как в текущей сводке происшествий не появилась запись, которой экспертная система присвоила однозначный приоритет.

Глядя на предательскую восьмерку в поле с уровнем городской опасности, комиссар распахнула дополнительное окно расширенной реальности, загружая туда данные экспресс-

анализа.

Это был классический клинч. Система объединила два сообщения в одно, предоставив право разбираться в происшествии человеческих операторов.

На дороге в порт, прилегающей к свалке, на которой проводилась штурмовая операция, пересеклись интересы «Карфаген Индастрис» и Логистического союза.

Жалобы друг на друга поступили с разницей в несколько десятых секунды.

Транспортный караван Союза перевозил грузы с корабля, пришедшего из Нового Триполи семь с лишним часов назад. Портовые склады с подходящими условиями хранения не могли предоставить запрашиваемые объемы, а потому контейнеры направлялись в арендованные у «Артемиды» складские помещения.

Содержимое контейнеров было застраховано так капитально, что сообщение о том, что караван подвергся обстрелу, прошло первичную проверку на страховое мошенничество прежде, чем попасть в сводку происшествий.

Охрана действовала по стандартному протоколу: меньше, чем за четверть минуты расколошматила все подозрительные воздушные цели, не ответившие на запрос «свой — чужой».

Какого хрена с отключенными транспондерами делал на той же трассе гвардейский отряд «Карфагена» сводка происшествий не сообщала.

Быстрый обмен «любезностями» привел к тому, что обе стороны подали жалобу в Корпол, после чего ввязались в перестрелку до прибытия арбитражной группы.

Сходить с трассы «карфагенцы» не захотели, справедливо полагая, что обочина может быть заминирована. Каравану с контейнерами Логистического Союза требовалось каким-то образом проскочить мимо оборонительных порядков, что после обоюдной стрельбы требовало переговоров и предоставления необходимых гарантий безопасности.

Дело осложнялось тем, что у перевозчика, которым оказалось отделение «Артемиды», горели сроки, а штрафы по контракту подсчитывались по неудобной формуле, когда каждая следующая минута задержки стоила дороже предыдущей.

Мой час настал, подумала Матильда, отвлекаясь от перебранки аналитиков Корпола с Бертой. Полицейские теоретики сцепились с практиками, а топливные брикеты, в огонь их перепалки, подбрасывали юристы, представители корпораций и экспертная система, фиксирующая правонарушения.

В такой ситуации вес парламентского комиссара оказывался

значимым фактором. Аннулировать контракт на перевозку или подвести его под форс-мажорные обстоятельства Матильда не могла: не хватало полномочий. А вот попробовать надавить на «Карфаген Индастрис», чтобы те отвели своих головорезов с пути, стоило попробовать.

Контакты для связи с карфагенским руководством миз Кох получила из управляющей системы «Артемиды». Но на этом миротворческие успехи Матильды обернулись дополнительными проблемами.

Из шести региональных директоров «Карфагена» связаться удалось лишь с Хлоей Иоанну, самой пожилой из полудюжины. К сожалению, пока Хлоя лежала в геронтологической клинике в Кальяри, ее статус директора был заморожен и требовал кода активации из центрального офиса.

С остальной пятеркой вышел полный облом. Директорский автоответчик содержал в себе развитую экспертную систему, по некоторым показателям даже приближался к искусственному интеллекту, но встроенные в него ограничители не позволяли проявлять инициативу, если запрос исходил не от представителя «Карфаген Индастрис» с определенным внутрикорпоративным рейтингом.

Пока Матильда пыталась связаться с кем-то из карфагенцев ниже уровнем и выяснить, что же происходит в их корпорации, конфликт на шоссе дошел до седьмого уровня важности.

Карфагенцы, очевидно, отправили к себе в тыл небольшую группу, которая сошла с шоссе и активировала пару одноразовых ракетных установок.

В ответ караванщики вызвали из порта морпехов Логистического Союза.

Ближайшие отряды корпоративной полиции, застрявшие на свалке, не спешили выступать посредниками в конфликте. Берте было не до разборок по соседству, а помимо ее штурмовиков массальский Корпол мог задействовать лишь пару роев да легкие патрульные силы. Даже тактическая городская артиллерия против корпоративных сил могла действовать лишь пока уровень опасности определялся не ниже пятого.

С вероятностью шестьдесят один и три десятых процента, подземный комплекс состоял на балансе одного из участников дорожного конфликта, подсказала Матильде одна из подчиненных аналитических групп.

Отчет был, как и положено, приватным, а потому его результаты не транслировались во внутреннюю сеть «Артемиды», где данные могли стать добычей шпионов.

По мере того, как секретари миз Кох пытались связаться хоть

с кем-то из карфагенцев, вероятность того, что конфликт подстроен для отвлечения внимания, тоже увеличивалась.

Кто-то играл не по правилам, отбросив в сторону все неписанные законы, используя ограничения выстроенных в Массалии регуляторов себе на пользу.

Первое подозрение падало на «Карфаген Индастрис». Корпорация не шла на вразумительный контакт, ее директора попрятались или же их вывели из строя точечным ударом, ее отряд зачем-то выдвинулся из города и подал жалобу на обстрел чуть позже караванщиков.

Против версии о причастности карфагенцев к случаю на свалке играл анализ действий неведомого противника. Гроссмейстерские, тщательно выверенные действия, из-за которых дистанты Берты несли потери в тяжелой технике, стилистически отличались от грубых и достаточно примитивных решений вроде ничем не скрываемого направления крупных сил и практически всей разрешенной по городскому закону боевой техники по шоссе.

Если все региональные директора «Карфаген Индастрис», кроме старушки, балансирующей на грани комы в пяти с лишним сотнях километрах от города, стали объектами целенаправленной атаки, основным подозреваемым становился уже Логистический Союз.

Защиту для штурмуемого комплекса привезли из-за моря корабли Союза.

Место для его строительства выбрали рядом с портовыми территориями.

Переключила внимание полиции и корпораций с освобождения заложницы на вопрос владения комплексом миз Тхакур.

Ночной караван из порта, использование служб «Артемиды» вместо собственных…

Взгляд Матильды перескочил с окна, в котором отображались итоги работы аналитиков на счетчик уровня угрозы. Экспертная система Корпола повысила рейтинг конфликта на шоссе. Шестерка подсказала комиссару от парламента и ставленнице «Артемиды» дальнейший порядок действий.

Высокая страховка, нелинейные штрафы, перестрелка и выдвинутые из порта морпехи сложились в единую, рациональную и крайне убедительную конструкцию.

— Артемида. Код…

Аварийные коды высокого доступа Матильда загрузила в память сразу, как только стала комиссаром. На должностях ее уровня уже имелась возможность узнать что-то критически

важное для корпорации.

На подтверждение полномочий ушло меньше четверти секунды.

— Необходимо срочно расторгнуть транспортный контракт с Союзом! Срочная эвакуация охранников «Артемиды» из зоны поражения. Противник эскалирует конфликт для привлечения тактической артиллерии.

Вместе с коротким сообщением в кризисную диспетчерскую корпорации ушли все пакеты с собранными данными — даже те, которыми Матильде не полагалось делиться до окончания дежурства в Корполе.

Система информационной безопасности Корпола выявила утечку меньше, чем за три секунды и тут же отключила Матильду от виртуального пространства, направив автоматическую жалобу в корпоративный парламент и в соответствующий отдел самой «Артемиды».

А спустя пятьдесят три секунды заработала тактическая артиллерия Массалии.

79

Чистильщик — это страшно. Медиаслужбы города специально постарались внедрить это чувство в умы всех обитателей Массалии.

Собственно, только страх и помог Хьюберту оказать хоть какое-то сопротивление.

Благодаря своим непревзойденным способностям чистильщик заметил бывшего администратора первым. Заметил — и ударил чем-то электронным.

В голове все моментально спуталось, функция автоприцела пропала напрочь, как будто ее вовсе не было. Дезориентация, вызванная множественными сообщениями об ошибках, могла бы стать для Моргана смертельной, но страх оказался сильнее, команда на выстрел ушла без помех и участия сознания.

Узкий дверной проем помешал чистильщику увернуться от выстрела, потенциальную траекторию которого он просчитывал с высокой точностью. Однако, свести повреждения к минимуму чистильщик все-таки постарался. Рванувшись вперед и в сторону, туда, где находилась дверь в лабораторию, чистильщик подставил под выстрел ту часть корпуса, у которой шанс уцелеть был выше.

Опасность стрелка в оценочной модели подскочила втрое, что заставило киборга предпочесть повторному выстрелу конфликт с тремя гражданскими из которых только один, корпоративный безопасник, оценивался чистильщиком как потенциальная угроза.

Бобби остался не узнанным, радиоканал его чипа транслировал фальшивые идентификационные данные, что и позволило боевику победить в этом нелегком противостоянии.

Но для Хьюберта существовал только страх и карабин. Даже чистильщик, впрыгнув в лабораторию, временно уступил страху контрольный пакет внимания.

Когда активная фаза страха себя исчерпала, прошивка вновь взяла свое. Почти не приходя в сознание Морган перезарядил карабин, пристроил его поудобнее и приготовился отражать новую атаку — теперь уже из лаборатории.

На этот раз обошлось без электронных ударов, сбивающих рабочие настройки аппаратной части чипа.

Чистильщик выскочил и моментально оказался по другую сторону аквариума от Хьюберта. Выстрел из карабина разнес к чертям обе стенки из прозрачного пластика, а затем бывший менеджер отчего-то потерял сознание, упав в щель между спинкой дивана и стеной.

Когда Морган очнулся, карабина в руках не оказалось. Мокрая от разлитой воды одежда вызывала дискомфорт. Поврежденные в результате атаки чистильщика адреалиновые очки лишились режима ноктовизора и Хьюберт остался в кромешной темноте. Прошивка чипа настаивала на том, что бывшему администратору комплекса надлежит охранять это место от посторонних. Она же запрещала ему заходить в лабораторию или уходить куда-либо еще.

Так, в темноте и одиночестве, Хьюберт Морган провел чуть более пяти суток, после чего его, в бессознательном состоянии, отыскали автоматические устройства Корпола, отчего-то записавшие бывшего администратора в число особо опасных реконкистадоров Массалии.

80

Тяжелые шаги на лестнице предупредили Клару о приближении гостей. На верхние этажи этого небоскреба редко заглядывали люди.

После событий Новой Реконкисты канализация работала лишь внизу, а про такую былую роскошь как водопровод рядовые жители Массалии вспоминали лишь в качестве исторического курьеза.

Чтобы попасть в квартиру Карлсона гостю требовалось пройти добрых шесть этажей от последнего автомата по продаже воды, а затем еще с десяток метров по темному, ничем не освещенному коридору.

Тут не бывает случайных гостей, сказал ей Карл, когда привел в свой дом. Тогда в голове у Клары разворачивался маленький корпоративный ад, но она хорошо запомнила грязную лестницу черного хода и размеренный шум ветровых генераторов, запасающего кинетическую энергию маховика, еще каких-то слепленных на скорую руку инструментов энергогенерации.

Она испуганно хихикала, восхищаясь и одновременно с этим ужасаясь тому обстоятельству, что падение в ад выглядит как восхождение и наоборот.

Но за бронированной дверью Клару не расчленили, не накачали зомбировали, поскольку куда уж дальше-то, после корпоративной прошивки браться за такое — ее даже не захотели изнасиловать. В тот вечер она уже почти сошла с ума от боли, галлюцинаций и навязчивых голосов, а потому была готова даже на смерть от рук охотников за органами.

Шансы встретить на улицах Массалии головолома, способного работать с женскими прошивками, Кларой оценивались как близкие к нулю. Каким же невероятным чудом оказалось освобождение от всей этой чернухи и садизма, на которую ее обрекли в «Карфаген Индастрис», выкупив у приюта пожизненный контракт!

Внутренние психические блоки, категорические запреты и программируемая этика развалились чуть раньше, когда девушка сначала воспользовалась некоторыми лайфхаками, а потом угодила в западню.

Слухи о программах, способных взломать корпоративный чип, многое не договаривали. Как, должно быть, смеялся про себя дилер, продавая Кларе софт для перепрошивки мужских чипов.

Но все изменилось с появлением Карла. Человек, который сумел изгнать из головы весь корпоративный пандемониум, был в

глазах Клары настоящим героем, идущим против городских порядков.

Карлсон позволил ей жить в его доме, пользоваться его сетью и биотуалетом, даже подрабатывать в сети через настроенную сеть роутеров. Порой Клара просыпалась от мысли, что она влюблена в этого мужчину — наяву тот не подпускал ее слишком близко, не считая редких вспышек спровоцированного ею же секса и согласия на то, чтобы девушка спала рядом, пока он уходил в глубины городских сетей.

Когда головолом покинул свой дом посреди ночи, что-то изменилось. Одна лицензия на волшебство закончилась, а другой не завезли.

Оставшись одна, Клара поняла, что пора двигаться дальше. Светлая полоса в жизни подходила к концу, а дальнейшие раскраски полос целиком и полностью зависели только от нее.

Заварив синтетический кофе, Клара гоняла по сети запросы на тему трудоустройства, профориентации, ценой прослушивания рекламы запускала бесплатные модели, сулившие баснословные богатства и спокойную старость. С задачей подсказать человеку жизненный путь, сеть справлялась на редкость отвратительно.

Устав от демонстрируемой безысходности Клара переключилась на новостные каналы, но там — в промежутке между рекламными блоками — лишь трепали зрителям нервы угрозами конфликта между несколькими корпорациями, местными и магрибинскими, из-за какой-то находки, которую сделали на свалке.

Ближе к утру разговоры сменились ужесточением условий комендантского часа, а также картой, боевых зон, для посещения которых рекомендовалось обзавестись пропуском и страховкой.

На окраинах города что-то активно громыхало. Пластиковые щиты на окнах, установленные в самом конце Новой Реконкисты, то и дело вздрагивали, когда небоскреб встречал взрывную волну. К счастью, активная стрельба шла не с той стороны, куда выходили окна Карлсона, а установленные на крыше камеры записали контент, который Клара оперативно загнала какому-то обозревателю.

Именно эта сделка вспомнилась девушке, когда аудиодатчики передали в ее расширенное пространство звуки шагов на лестнице.

Камер по пути от «Аквариуса» до жилья Карлсон то ли не ставил, то ли они успели выйти из строя раньше. Вот и оставались Кларе только приближающиеся шаги.

Двое или трое, определила девушка, прогнав звуки через бесплатный анализатор.

В то, что поднимались именно к Карлу, она не сомневалась. Помимо головолома тут обитали только безобидные старики и с десяток сектантов, балующихся оккультизмом и психоактивными веществами.

Оружия в доме у Карлсона не оказалось. Клара сначала удивилась, а затем наивно подумала, что головолом владеет какими-нибудь тайными техниками бесконтактной борьбы, с помощью которых можно одной командой по лучу уронить на пол целый отряд.

Камера у Карла была только одна, и то черно-белая, со смешным разрешением. Головолом выбрал ее именно по причине возраста. Чтобы взломать это старье нападавшим пришлось бы долго копаться в архивах, да и к радиоэлектронным гранатам она была несколько устойчивее современных моделей, которые мог себе позволить человек, не работающий ни на одну из корпораций.

А что, если Карл мертв, с ужасом подумала Клара, связав быстрый уход головолома с горячими массальскими новостями. Приступ надвигающейся истерики подавил мягкий внутренний голос, должно быть оставшийся от каких-то недоломанных корпоративных программ по предотвращению выгорания.

Смерти нет, сказал Кларе голос. Есть лишь путь, от памяти к памяти, каждая из которых хоть в чем-то, но вечная. От того, что доносил до нее голос, Клара сразу успокоилась и пошла открывать дверь. Голос сносил внутренние барьеры, оставляя после себя ощущение необычайной свободы.

Это не было взломом прошивки, локальным хаком или нейропрограммированием. Кларе словно добралась до большого и бесконечно родного моря, спокойного и надежного, как не до конца обезличенное материнское начало для ребенка.

Да, я в чем-то еще молода и неопытна, признала Клара, задерживая дыхание в ожидании, когда гости пройдут по коридору. Но вместе с тем, я опытнее и старше многих из ныне живущих.

Интуиция, или ее аналог, не подвели Клару. Хлопнула дверь и в дальнем конце коридора появились трое.

Один из них, который был выше и чуть массивнее, выглядел как уроженец Аяччо, вылитый корсиканец невесть в каком поколении.

Второй, идущий с противоположного края, тяжело дышал и обливался потом, убрать который не получалось даже при содействии чипа. От потеющего пахло какой-то из разновидностей мутировавшего табака — эта вредная привычка, почти исчезнувшая в годы Великой Депопуляции, вернулась в мир

вместе с неокатоликами-реконкистадорами.

В середине, поддерживаемый по бокам, двигался на автопилоте Карл Карлсон.

Клара отметила многочисленные порезы на его костюме, пятна и белые полосы на брюках, ритмично помигивающий то желтым, то зеленым индикаторами криво пристроенный армейский медпакет на бедре.

— Неужели добрались? — выдохнул потевший, не поднимая головы. — Это было незабываемое приключение, но мне через четыре с половиной часа в смену.

— Доброго утра, — вежливо поздоровался с Кларой тот, кого она мысленно назвала корсиканцем. — Это же тут обычно живет головолом?

На миг Клара почувствовала себя в роли старинной, успевшей повидать жизнь супруги мужа-алкоголика. Но Карл был жив, страхи ушли прочь, а все остальное казалось несущественным.

— Заносите, — выдохнула она, отходя в сторону. Трое мужчин ухитрялись создавать тесноту даже в некогда просторном коридоре.

От Карла пахло смесью дешевых дезодорантов, мутировавшим орлеанским табаком, какими-то незнакомыми медикаментами.

— Вот, возьмите, — корсиканец протянул Кларе аптечку. — У него наблюдается серьезный перерасход нейромедиаторов, злоупотребление стимуляторами. Интоксикацию и переутомление придется лечить несколько дней, но аппарат полностью заправлен и готов к работе.

— Что с ним? — поинтересовалась Клара, успокаивая себя тем, что ни один из красных индикаторов медпакета не выглядел активным.

— Очень много крайне непростых событий, — Корсиканец выглядел не менее усталым чем Карлсон, но у него в кровеносной системе еще крутились стимуляторы. — Мы сами почти ничего не знаем. Подобрали его возле Подмостков, запросили адрес, подвезли на такси, как только закончился комендантский час. Когда он придет в себя, спросите его лично.

— Сколько я вам должна? — спохватилась Клара, увидев, что мужчины собираются уходить.

— Ни единого евроцента, — отмахнулся потеющий. — Хорошие люди должны помогать другим хорошим людям. Без этого мир рухнет и всем хорошим людям будет плохо.

Автопилот провел Карла внутрь квартиры, довел до любимого головоломом места в углу и мягко опустил его в кучу

одеял, ковров и подушек.

Клара любовалась его неуклюжей, но чертовски милой моторикой, а когда спохватилась, доставившие Карлсона мужчины уже тихо ушли.

Аудиокамеры, подключенные к расширенному пространству Клары зафиксировали их спуск и фрагмент диалога, который они отчего-то вели голосом.

— Ты видел, как девушка на тебя смотрела? Это все потому, что от тебя воняет. Я не прошу бросить курить, но хотя бы не пачку за ночь. Они же денег стоят и всех вокруг раздражают!

— Давай назовем мое курение разновидностью эскапизма, — отвечал корсиканцу напарник. — Я выставляю между собой и окружающим миром дымовую завесу, раз уж баррикады не разрешают строить.

— Сейчас ты начнешь говорить о том, что мир — это иллюзия, а потому подобное следует лечить подобным.

— Дерьмо это, а не иллюзия, — выругался потливый. — Некоторые утешают себя тем, что вокруг только иллюзия дерьма, но она уж слишком убедительно пахнет…

— Совсем как ты, — перебил собеседника корсиканец.

— А отчего тогда хорошие люди предпочитают жить так высоко?

Кларе Найтингейл, которая с интересом слушала диалог мужчин, показалось, что потливый сопроводил реплику активной жестикуляцией или пакетом данных по лучу.

— Андеграунд мертв! Катакомбы Массалии когда-то спасали христиан, но сейчас подземелья выглядят очередной корпорацией, разве что не уплачивающей налоги в бюджет. О представительстве в парламенте молчу, уверен, там все давно схвачено.

— Допустим ты прав, — корсиканец был вежлив и спокоен, как человек, тщательно оценивающий каждый свой шаг, поскольку запаса оставшихся сил может не хватить до конца пути.

— Я прав! — тут же встрял потливый.

— Допустим, но куда двигаться нам. Не строить же свою корпорацию. Какова, по-твоему, альтернатива?

— Дерьмо превращается в перегной, перегной в почву. А на хорошей почве лучше растет трава.

— Давно с прополки вернулся? Предлагаешь ждать, пока все не только сгниет, но и зазеленеет?

— Не нужна соловью золотая клетка, а нужна зеленая ветка!

— Какой же порой идеалист…

— Потому и курю, чтобы не словить дефицит цинизма в крови.

А затем внизу хлопнула дверь и вновь стало тихо.

81

Без адреалиновых очков, которые куда-то бесследно пропали, Диал-Ап чувствовал себя голым и немощным.

Помимо очков неведомо куда из памяти выпало несколько часов жизни. Судя по тому, что очнулся Диал-Ап за городом, мокрый, грязный и густо посыпанный пылью, ночка выдалась буйной и достойной мемуаров.

Вызвать такси получилось лишь после часовой прогулки, которая со стороны, должно быть, напоминала путешествие одинокого зомби за дефицитными мозгами.

Страшно болела голова — чип констатировал сотрясение мозга и жаловался на сбойные сектора в аппаратной памяти, что могло вылиться в серьезные расходы на ремонт.

Чуть легче, но только совсем немного, напоминали о себе конечности. От них шла ноющая боль: чип утешал Диал-Апа отсутствием симптомов, которые указывали бы на переломы. После некоторых движений Диал-Апу казалось, что микросхема его обманывает.

Беспилотное такси до Подмостков задрало такой тариф, что с четверть минуты Диал-Ап подумывал дойти до города пешком. С болью в ногах он кое-как договорился, а голова на свежем воздухе болела и вовсе умеренно.

Однако, представив как отреагируют на ковыляющего из пригородов бродягу некоторые криминальные элементы, Диал-Ап согласился с непомерными тратами.

На итоговую сумму, как удалось узнать после того, как такси поехало по нужному адресу, влиял внешний вид пассажира, необходимость очистки салона после поездки, повышенный риск вандализма, а сверху все это удваивалось из-за начавшейся ночью локальной корпоративной войны. Проложенный автопилотом извилистый маршрут лавировал между локальными очагами конфликта, но затем сворачивал в демилитаризованную зону, удерживаемую силами Корпола.

Лучше не пробовать восстанавливать утраченные воспоминания, подумал Диал-Ап, развалившись в кресле такси. Мало ли, что куда могла вывести кривая?

Мысли невольно зацепились за последние воспоминания, должно быть потому конечной точкой маршрута стали Подмостки, а не жилая конура с капельным душем на этаже и чертовски мягкой кроватью. Душа просила выпить, тело противилось, отзывалось тошнотой на одну мысль про алкоголь.

Как там Карлсон, наконец подумал Диал-Ап, находя тему, не

связанную напрямую с бухлом.

Звонить через чип, особенно когда у тебя сотрясение мозга — явный симптом прогрессирующего мазохизма. Мобильник Диал-Ап потерял при неизвестных обстоятельствах. Пришлось вновь тратить деньги, осуществляя запрос через аппаратуру такси.

Абонент находился в зоне уверенного приема, но не отвечал. Сделав две попытки, Диал-Ап убедился, что корпоративная война не затронула головолома и успокоился. Значит, то небольшое дело по взлому какой-то дамочки, которое заказал пройдоха Морган, выгорело и Карл выпал в свой традиционный релакс.

Выходить из теплого уютного салона не хотелось, но таймер обратного отсчета до запуска оплаты за простой был убедителен.

На парковке, помимо пары албанских трейлеров, стоял ситикар последней модели. Это было настолько необычно, что Диал-Ап даже обошел диковинку кругом. Машину пока не трогали, справедливо опасаясь неизвестности.

Режим корпоративной войны предполагал повышенную осторожность по отношению к необычному, а такие ситикары в трущобах появлялись на порядок реже тяжелых броневиков Корпола.

«Буфер» встретил Диал-Апа тишиной и аномальным спокойствием. Завсегдатаев отпугивала сидящая на пластиковом стуле под тентом с выцветшей рекламой чипсов хозяйка ситикара.

Она выделялась на фоне гигантских, ныне молчащих колонок, противоестественно чистых дорожек и протертых столиков как выделяется оплавленный остов Эйфелевой башни среди радиоактивных руин Парижа.

— Кажется, ты мне и нужен, — тихо сказала дама Диал-Апу. — Присаживайся.

Какая-то неведомая техника донесла ее голос так четко, будто расстояние не превышало десяток метров.

Словно загипнотизированный Диал-Ап подошел к единственному занятому столику и пристроился на краешек стула напротив дамы.

— Что будешь пить? — поинтересовалась дама пока Диал-Ап безмолвно таращился на нее. В Массалии костюмы из натуральной ткани и безупречную фигуру могли себе позволить только хорошо оплачиваемые корпоративные служащие.

Помимо этого, на незнакомке были адреалиновые очки незнакомой модели, а чуть поодаль от ее стула застыл, похожий на гигантский фаллос, робот-ассистент.

Только один он стоил втрое дороже всего «Буфера», включая кухню-лабораторию, порой торгующую экспериментальными

наркотиками.

— Какую-нибудь шипучку, — решился Диал-Ап, предположив, что молчания ему не простят.

— Без алкоголя и стимуляторов? — насмешливо фыркнула дама. — Мне отчего-то показалось, что тебе с утра сильно нехорошо, а я как раз искала такого человека. Неужели произошла какая-то ошибка?

Интонации ее голоса подсказали Диал-Апу, что дама привыкла командовать. Параллельно с этой подсказкой откуда-то пришло нежелание расстроить и без того не слишком довольную жизнью незнакомку.

— Сотрясение мозга и все эти штуки хреново совмещаются, — пробурчал он, надеясь, что этого объяснения хватит. На что-то более детальное наложил вето искусственный избирательный склероз.

— Значит, я не ошиблась, — уверенно констатировала дама. — Уже хоть какой-то прогресс.

Робот-ассистент, повинуясь какой-то команде со стороны ловко подкатился к незнакомке. В одной из распахнутых ниш его белоснежного корпуса обнаружился небольшой медицинский инъектор.

— Я забралась в самую дырявую дыру этого города не для того, чтобы подходящий мне человек отказался выпить со мной по такой несущественной причине. Прикладываешь к шее, нажимаешь кнопку. Пару минут, пока работает химия, так уж и быть, подождем.

В какой-то другой день у Диал-Апа не возникло бы даже мысли о том, чтобы протянуть руку к инъектору.

— А сейчас сиди тихо, поменьше двигайся, но выбирай из местного меню пойло позабористее.

С этой женщиной было совершенно невозможно спорить. Она лишь посмотрела в глаза своему собеседнику, а тот отчего-то вспомнил про удавов. Несчастных голодных удавов, которых вживую ни разу не наблюдал.

— А зачем…

— Матильда, — прервала его дама. — Просто Матильда. С утра захотелось узнать, есть ли в городе человек, которому так же хреново, как и мне. Пока что ты самый подходящий кандидат.

— Йохан, — неожиданно даже для себя самого, впервые за полтора года Диал-Ап добровольно назвал имя, которое ему дали родители.

— Знаю, — вздохнула Матильда, отзывая робота с опустевшим инъектором обратно за спину. — Допуск к городской базе данных будет действовать еще девять с лишним часов. Сама

не пойму, это дыра в системе безопасности или же небрежно замаскированное издевательство.

Средство Матильды аккуратно перебрало мозги Диал-Апа, устранило неприятные побочные эффекты, а под конец еще и прочистило сосуды от разной дряни. Если бы от лекарства не исходила мощная аура корпоративных средств для элиты, оно с легкостью заменило бы в Подмостках добрую треть всех продаваемых тут стимуляторов.

— Минутку, — попросил Диал-Ап, ощущая противоестественную свежесть и бодрость, распространяющиеся по всему телу. — Надо привыкнуть. Очень резкий переход, а нам еще обратно.

Матильда еще раз посмотрела на мужчину и расхохоталась. Мимика собеседника контрастировала с его внешним видом, отчего возникал крайне комичный эффект.

— Да, — сделав глубокий вдох, ответил Диал-Ап. — Возможно, я тот самый человек. Только кто-то решил, что мне не стоит об этом помнить. Со стороны, в данном случае, виднее чем изнутри.

Матильда понимающе кивнула, скорее в ответ на какие-то свои мысли.

— Я иногда завидую тем, кто не помнит каких-то фрагментов своего прошлого, — призналась она.

Ко входу на площадку со столиками «Буфера» с шумом и гомоном подскочила толпа каких-то подростков: то ли одна из уличных банд, то ли какой-то доброхот высадил в порту беженцев из Саутгемптона. По мере приближения к единственному занятому столику шум от подростков сокращался.

— Это едва ли не самое большое искушение современности, — продолжила дама. — Заглушка для рефлексии, программно-аппаратная индульгенция. Сделал что-то не то и можно не вспоминать. Этакое читерство в стиле сохранения и загрузки для некоторых игр, только сделанное не откатывается назад.

— Не мой случай, — возразил Диал-Ап, заказывая себе агуардьенте. якобы доставляемое откуда-то из-под Сарагосы. — Потому как любая зачистка несовершенна. Вот, к примеру, нынешний случай. Память по нулям, но тело помнит, каждым ноющим нервом. Совесть, как ни парадоксально, тоже помнит — но к ней уже надо прислушиваться, так просто она сама фиг что тебе поведает.

— И что же помнит это тело? — поинтересовалась Матильда, заказывая тот же напиток. Диал-Ап подумал, что хозяин «Буфера» сейчас, должно быть, плотно сидит на успокоительных и

старается не делать резких движений.

— Последние воспоминания смутные и туманные, — начал рассказывать Диал-Ап. — Подвернулся неплохой заказ для моего напарника. Он хороший специалист, но в своей узкой нише, а я больше по установлению деловых связей. Мы встретились буквально вот тут, за соседним столиком, а затем всё, провал. Но совесть чиста, напарник отдыхает после тяжелой работы, а я жив. Следовательно, имелись какие-то проблемы на стороне заказчика. Предположительно, где-то в порту, поскольку очнулся я уже на пути в Массалию.

— Совесть, значит… — в этот момент хозяин принес выпивку. Диал-Ап подумал, что надо будет запомнить, как тот глядел на одного из своих постоянных клиентов. Дело пахло интересными скидками в будущем.

— Спасибо за рассказ, — Матильда осторожно попробовала испанский самогон, прислушалась к голосу аппаратных анализаторов и отставила стакан в сторону. — А то у меня появлялся соблазн стереть всю свою недавнюю историю нафиг. Пытаешься сделать хоть что-то полезное, надрываешься в форсажном режиме, мозги свои прожариваешь ради результата, а по итогу — получаешь благодарность от высшего менеджмента и лицемерное сожаление, что ради чистоты морального облика корпорации пришлось уволить такого перспективного сотрудника.

Выходное пособие тебе, Матильда, запись в личном деле, с которой хрен кто решится взять на работу по специальности, и невесть сколько закладок на чипе, чтобы не ляпнула какую-нибудь лишнюю сплетню про то, как было на самом деле. А то, что я…

Продолжения не последовало, сработала одна из закладок. Лицо Матильды искривилось, а через пару секунд стакан с агуардьенте стал наполовину пуст. Или наполовину полон, если смотреть на вещи более оптимистично.

— Вот, кстати, с одной из проблем могу помочь, — заметил Диал-Ап, стараясь не отставать в вопросе потребления выпивки. Расхождение концентрации этилового спирта в крови собеседников, по мнению мужчины, никогда не доводило до добра. — Личное дело поправить не получится, но вот закладки… короче, мой напарник как раз по этой части.

Матильда резко выдохнула, поморщилась, обнаружив отсутствие какой-либо закуски. Уже через несколько секунд дрожащий от волнения хозяин «Буфера» прибежал с тарелкой картофельных драников.

— Хороший специалист, говоришь, — задумчиво повторила

дама, явно занимавшая какой-то из не самых последних постов в одной из массальских корпораций.

— Но сейчас восстанавливает силы, — поспешил напомнить Диал-Ап. — Будет в готовности где-то через пару суток.

— У нас есть чем занять это время, — мрачно хмыкнула Матильда, вновь хватаясь за стакан. Диал-Ап почувствовал, что ему совсем не хочется спорить с этой женщиной. У нее были воля, драма и время. Совсем как у него, только без драмы.

С разницей в сотые доли секунды оторвались от обшарпанного пластикового столика и полностью опустели две емкости с алкоголем.

— Дерьмо, — скривилась Матильда, думая о чем-то своем.

— Ква, — сам не зная отчего сказал Диал-Ап, не найдя никаких других слов в ответ.

©31 октября 2023